

ДЕМИС. Демографические исследования.

2024. Том 4. № 1

DEMIS. Demographic research.

2024. Vol. 4. No. 1

Научный рецензируемый журнал
Издается с 2021 г.
Периодичность: 4 раза в год
Журнал открытого доступа
DOI 10.19181/demis.2024.4.1

Peer-reviewed scientific journal
Founded in 2021
Publication frequency: quarterly
Open access
DOI 10.19181/demis.2024.4.1

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
Издатель: Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Founder: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Publisher: Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Свидетельство о регистрации журнала Эл № ФС77-83138 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26 апреля 2022 г.

Media registration certificate
El No. FS77-83138 issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media on April 26, 2022

Главный редактор: С. В. Рязанцев

Editor-in-Chief: S. V. Ryazantsev

Доступ к контенту журнала бесплатный
Плата за публикацию с авторов не взимается
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Free access
Authors are not charged for publication
Content licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации:
<https://www.demis-journal.ru>

All issues of the journal are posted in the public domain on the official website of the journal from the moment of publication:
<https://www.demis-journal.ru>

ISSN печатной версии: 2782-2303
ISSN электронной версии: 2782-229X

ISSN print: 2782-2303
ISSN online: 2782-229X

Редакционная коллегия научного журнала

- Рязанцев Сергей Васильевич**, главный редактор, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Моисеева Евгения Михайловна**, заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Аббаси-Шавази Мохаммад Джалал**, доктор наук, профессор, Университет Тегерана, Тегеран, Иран
- Безвербный Вадим Александрович**, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Воробьева Ольга Дмитриевна**, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Гаврилова Наталья Сергеевна**, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Центр по проблемам старения населения, Университет Чикаго, Чикаго, США
- Гейгер Мартин**, доктор наук, доцент, Карлтонский Университет, Оттава, Канада
- До Кармо Роберто Луиз**, доктор наук, профессор, заместитель директора, Университет Кампинас, Кампинас, Бразилия
- Жуков Василий Иванович**, академик РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт государства и права РАН, Москва, Россия
- Иванова Алла Ефимовна**, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Инглис Кристине Бренда**, доктор наук, профессор, Университет Сиднея, Сидней, Австралия
- Карачай Айсем Бириз**, доктор наук, доцент, Стамбульский университет коммерции, Стамбул, Турция
- Ким Сейонджин**, доктор наук, профессор, Женский университет Дуксун, Сеул, Республика Корея
- Кочербаева Айнура Анатольевна**, доктор экономических наук, профессор, Кыргызско-Российский славянский университет имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, Бишкек, Киргизия
- Леденева Виктория Юрьевна**, доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Лукьянец Артем Сергеевич**, кандидат экономических наук, заместитель директора, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Мартин Филип**, доктор наук, профессор, Калифорнийский университет в Дейвисе, Дейвис, США
- Марушиакова-Попова Елена Андреевна**, доктор наук, доцент, Институт этнологии и фолклора Болгарской академии наук, София, Болгария
- Молодикова Ирина Николаевна**, кандидат географических наук, исследователь, Международная сеть исследований в области миграции, Льежский университет, Льеж, Бельгия
- Охаси Кэннити**, магистр социологии, профессор кафедры культурологии и туризма, колледж туризма, университет Рикке, Токио, Япония
- Пизарро Синтия Александра**, доктор наук, профессор, Университет Буэнос-Айреса, Буэнос-Айрес, Аргентина
- Письменная Елена Евгеньевна**, доктор социологических наук, доцент, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
- Ростовская Тамара Керимовна**, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Рыбаковский Леонид Леонидович**, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Хорие Норико**, доктор наук, профессор, директор Центра дальневосточных исследований, Университет Тояма, Тояма, Япония
- Храмова Марина Николаевна**, кандидат физико-математических наук, доцент, директор, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Шенк Каресс**, доктор наук, доцент, Назарбаев Университет, Нур-Султан, Казахстан

Editorial Board

- Sergey V. Ryazantsev**, Editor-in-Chief, Corresponding Member of the RAS, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Evgeniya M. Moiseeva**, Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Mohammad Jalal Abbasi-Shawazi**, PhD, Professor, University of Tehran, Tehran, Iran
- Vadim A. Bezverbnny**, Candidate of Economic Sciences, Docent, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Olga D. Vorobyova**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Natalia S. Gavrilova**, PhD, Senior Research Associate, Center on the Demography and Economics of Aging, University of Chicago, Chicago, USA
- Martin Geiger**, PhD, Associate Professor, Carleton University, Ottawa, Canada
- Roberto Luiz Do Carmo**, PhD, Professor, Deputy Director, University of Campinas, Campinas, Brazil
- Vasily I. Zhukov**, Member of the RAS, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of State and Law of the RAS, Moscow, Russia
- Alla E. Ivanova**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Kristine Brenda Inglis**, PhD, Professor, University of Sydney, Sydney, Australia
- Aisem Biriz Karachay**, PhD, Assistant Professor, Istanbul University of Commerce, Istanbul, Turkey
- Seongjin Kim**, PhD, Professor, Women's University Duxun, Seoul, Republic of Korea
- Ainura A. Kocherbaeva**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Eltsin, Bishkek, Kyrgyzstan
- Victoria Y. Ledeneva**, Doctor of Sociological Sciences, Docent, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Artem S. Lukyanets**, Candidate of Economic Sciences, Deputy Director, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Philip Martin**, PhD, Professor, University of California, Davis, USA
- Elena A. Marushiakova-Popova**, PhD, Associate Professor, Institute of Ethnology and Folklore Studies, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria
- Irina N. Molodikova**, PhD, Researcher, International Migration Research Network (IMISCOE), University of Liege, Liege, Belgium
- Kenichi Ohashi**, MA in Sociology, Professor, Department of Culture and Tourism Studies, College of Tourism, Rikkyo University, Tokyo, Japan
- Cynthia Alexandra Pizarro**, PhD, Professor, University of Buenos Aires, Buenos Aires, Argentina
- Elena E. Pismennaya**, Doctor of Sociological Sciences, Docent, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
- Tamara K. Rostovskaya**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Leonid L. Rybakovsky**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Norio Horie**, PhD, Professor, Director, Center for Far Eastern Studies, Toyama University, Toyama, Japan
- Marina N. Khranova**, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Docent, Director, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Caress Schenk**, PhD, Assistant Professor, Nazarbayev University, Nur-Sultan, Kazakhstan

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ТЕОРИЯ ДЕМОГРАФИИ И МИГРАЦИОЛОГИИ

Нгуен Тхи Минь Хоа, Ха Туан Ань. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ8

Манукян С. А. МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ДИНАМИКИ МИГРАЦИОННОГО БАЛАНСА И МИГРАЦИОННЫХ УСТАНОВОК В АРМЕНИИ23

ДЕМОГРАФИЯ РЫНКА ТРУДА

Топилин А. В. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В КРУПНЕЙШИХ ГОРОДАХ РОССИИ В 2019–2021 ГГ. 40

Андреянова Е. Л. СПЕЦИФИКА РАЗМЕЩЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАБОЧЕЙ СИЛЫ ИНОСТРАННЫХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В СИБИРСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ55

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

Нгуен Хоанг Дуонг, Нгуен Бич Нгок, Ле Хоанг Минь Чау. ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ: ВЗГЛЯД ИЗ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА.....65

Рязанцев Н. С., Лукашенко Е. А., Смирнов А.В. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКОГО ТУРИЗМА В ТАИЛАНДЕ В 2023 Г.85

Нгуен Линь Ле Дье. ВЛИЯНИЕ МОТИВАЦИОННЫХ ФАКТОРОВ НА ВЫБОР ЖИЛЬЯ МИГРАНТАМИ В ХОШИМИНЕ..... 101

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Потапова Ю. В., Маленова А. Ю., Маленов А. А., Потапов А. К. ПРИЧИНЫ И ФАКТОРЫ МИГРАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ..... 116

Хюэ Тхи Хоанг, Фуонг Тхи Суан Нго, Йен Тхи Бао Ле, Чи Кхань Тран, Пхунг Чунг Ле, Лан Тхи Нгуен. ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ НА РАННЕЕ ДЕТО-РОЖДЕНИЕ ВО ВЬЕТНАМЕ: ПОСРЕДНИЧЕСКАЯ РОЛЬ МИГРАЦИИ..... 132

<i>Шипилова М. А.</i> ПРИВЛЕЧЕНИЕ И УДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В ЯПОНИИ: ПОДХОДЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ	146
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Осадчая Г. И., Вартанова М. Л., Волкова О. А., Юдина Т. Н.</i> О III ЕВРАЗИЙСКОМ АНАЛИТИЧЕСКОМ ФОРУМЕ «ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ (ЕАФ-2023)»	163
---	-----

<i>Лебедева Т. В., Акрамова А. Р.</i> О ПРОВЕДЕНИИ VI МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗИМНЕЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В МГУ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА.....	181
---	-----

CONTENT

DEMOGRAPHIC AND MIGRATION THEORY

Thi Minh Hoa Nguyen, Tuan Anh Ha. A GENERAL THEORY OF POPULATION AGING AND ITS IMPACT ON SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT8

Samvel A. Manukyan. MATHEMATICAL MODELS OF MIGRATION BALANCE AND MIGRATION ATTITUDES IN ARMENIA..... 23

DEMOGRAPHICS OF THE LABOR MARKET

Anatoly V. Topilin. DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF LABOR RESOURCES FORMATION AND USE IN THE LARGEST CITIES OF RUSSIA IN 2019–2021 40

Elena L. Andreyanova. FEATURES OF DISTRIBUTION AND USE OF FOREIGN LABOR IN THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT.....55

DEMOGRAPHIC REGIONAL STUDIES

Hoang Duong Nguyen, Bich Ngoc Nguyen, Hoang Minh Chau Le. LABOUR MIGRATION AND ECONOMIC GROWTH: A PERSPECTIVE FROM ASIA PACIFIC REGION65

Nikita S. Ryazantsev, Elena A. Lukashenko, Alexey V. Smirnov. SOCIO-ECONOMIC AND DEMOGRAPHIC ASPECTS OF RUSSIAN TOURISM IN THAILAND IN 2023.....85

Linh Le Dieu Nguyen. THE INFLUENCE OF MOTIVATION FACTORS ON HOUSING CHOICE OF MIGRANTS IN HO CHI MINH CITY..... 101

SOCIAL DEMOGRAPHICS

Yuliya V. Potapova, Arina Yu. Malenova, Alexander A. Malenov, Alexander K. Potapov. REASONS AND FACTORS OF MIGRATION BEHAVIOR OF YOUTH OF THE OMSK REGION 116

Hue Thi Hoang, Phuong Thi Xuan Ngo, Yen Thi Bao Le, Chi Khanh Tran, Phung Trung Le, Lan Thi Nguyen. THE EFFECT OF SOCIAL ASSISTANCE ON EARLY CHILDBEARING IN VIETNAM: THE MEDIATING ROLE OF MIGRATION..... 132

Maria A. Shipilova. JAPAN'S POLICIES TO ATTRACT AND RETAIN INTERNATIONAL STUDENTS: ECONOMIC AND MIGRATION APPROACHES..... 146

SCIENTIFIC LIFE

<i>Galina I. Osadchaya, Marina L. Vartanova, Olga A. Volkova, Tatyana N. Yudina.</i> ABOUT THE III EURASIAN ANALYTICAL FORUM “ETHNOCULTURAL FACTORS OF EURASIAN INTEGRATION (EAF-2023)”	163
<i>Tamara V. Lebedeva, Alexandra R. Akramova.</i> ABOUT THE VI INTERNATIONAL WINTER DEMOGRAPHIC SCHOOL AT LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY	181

ТЕОРИЯ ДЕМОГРАФИИ И МИГРАЦИОЛОГИИ

DOI [10.19181/demis.2024.4.1.1](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.1)

EDN [LOSARS](https://losars.org)

A GENERAL THEORY OF POPULATION AGING AND ITS IMPACT ON SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

Thi Minh Hoa Nguyen

University of Labour and Social Affairs, Hanoi, Vietnam

E-mail: nguyenthiminhhoa1212@yahoo.com

Tuan Anh Ha

National Economics University, Hanoi, Vietnam

E-mail: havietnga03@neu.edu.vn

For citation: Nguyen, Thi Minh Hoa. A General Theory of Population Aging and Its Impact on Socio-Economic Development / Thi Minh Hoa Nguyen, Tuan Anh Ha. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 1. Pp. 8–22. DOI [10.19181/demis.2024.4.1.1](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.1).

Abstract. Population aging is becoming one of the discussed topics not only in Vietnam but all over the world and is one of the most important social transformation phenomena of the 21st century. This process will affect to most areas of social life such as the labor market, finance, demand for goods and services, education, social security and health care for the elderly, etc. Research on aging, especially in a developing country like Vietnam, has become more urgent than ever, when the aging rate is fast but the average income is low and the social security budget is tight. Therefore, population aging can slow down the economic growth and increase the burden on the budget, even affecting social stability. This article analyzes the current situation and aging trends in Vietnam. Next, it focuses on clarifying the general theory of the mechanism of population aging and pointing out the impact of population aging on socio-economic development. Quantifying the impact of aging on socio-economic growth is very complex, requiring in-depth, multi-disciplinary, multi-field and multi-dimensional research. This analysis has reviewed some reliable assessment methods in the world as well as in Vietnam on aging. The results suggest a more multifaceted perspective on aging, referring to the consideration of the age structure of the population in development. At the same time, research on aging requires the participation of scientists, policymakers, etc. to effectively respond to an aging society.

Keywords: population aging, elderly people, socio-economic development

Introduction

Nowadays, when mentioning about population aging, it is not a latest issue anymore, for example, in Europe, Japan or Vietnam at the moment. Population aging is often referred to as an increase in the average life expectancy of a population, or the process by which older people make up a larger proportion of a population. The simultaneous dual effects of differences in past fertility and mortality, and recent decline in fertility and increase in life expectancy, are causing a significant change in the age structure.

By 2030, 1 in 6 people in the world will be aged 60 years or over. At this time the share

of the population aged 60 years and over will increase from 1 billion in 2020 to 1.4 billion. By 2050, the world's population of people aged 60 years and older will double (2.1 billion). The number of persons aged 80 years or older is expected to triple between 2020 and 2050 to reach 426 million¹.

Vietnam is likewise dealing with an aging population. According to the General Statistics Office of Vietnam (GSO), the proportion of the population aged 60 and over accounts for 11.9%, which indicates that the country is already aging. Vietnam's aging trend is comparable to the rest of the world which is steadily growing, but at a quicker rate. It is forecasted that in 2049, just about 30 years from now, the proportion of the elderly population (60 years and older) in Vietnam will reach 24.8%, or more than twice as much².

It is noticeable that the elderly are not only increasing rapidly in absolute numbers but also becoming healthier, the duration of healthy old age seems to be increasing. In addition, different age groups have various needs and abilities to work so a country's economy is likely to change in terms of the population ages.

A basic approach to quantify the socioeconomic impacts of aging population is usually based on two pillars: 1) it assumes that the behaviours do not change with age related to employment, consumption, and savings, and 2) changes in the size of the elderly population are in comparison to the working-age population. However, this simplistic method may not accurately reflect the effects of aging because increasing life expectancy may cause individuals to stay in the labour force longer and start saving at a later age. In addition, as life expectancy and aging populations increase, pension policy, wages and healthcare financing, labour and capital market efficiency, and the structure of the economic system are likely to be adjusted [1].

Therefore, in order to be able to accurately assess the status and impacts of population aging on the socio-economic situation, it is necessary to thoroughly research the theoretical basis of the population aging mechanisms as well as its impact through the alternations in the age structure on socio-economic foundation, thereby proposing future research directions.

Theoretical foundations of population aging

Definition. Population aging is defined as a shift in the population distribution of a country towards an older age. This is often reflected in an increase in the average and median age of the population, a reduction in the percentage of the population that is made up of children, and a rise in the proportion of the elderly individuals [2].

Causes of Aging. In a population that does not take into account migration-induced fluctuations, there are three primary factors behind past and future attribute to increase the share of the aging population [1]:

Firstly, the decline in fertility in recent decades has reduced the relative number of young people and increased the proportion of the elderly. Most of this decline has been occurring in developing countries.

Secondly, as the number of people living to age 60 or more increases, the absolute number of elderly people will increase. Combined with a decrease in fertility, the proportion of

¹ Ageing and health // World Health Organization : [site]. URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health> (accessed on 25.10.2023).

² Completed Results of the 2019 Viet Nam Population and Housing Census / General Statistics Office. Hanoi : Statistical Publishing House, 2019. 840 p. ISBN 978-604-75-1532-5; Vietnam Population Projection 2014–2049 / General Statistics Office ; United Nations Population Fund. Hanoi : Vietnam News Agency Publishing House, 2016. 249 p. 978-604-945-768-5.

this group in total upsurge sharply.

Thirdly, population aging is related to differences in fertility and mortality in the past. For example, the baby boom caused by the growth fertility after the war.

It is obvious that when there is an component of migration, if the emigrants are young, the population of the destination will rejuvenate, and vice versa. In particular, when the immigrant group is a young generation of childbearing age, the proportion of the young population at the destination will increase rapidly, although immigrant youth often have a different birth rate than the native population.

A highly scientific and convincing analysis is provided by L. A. Gavrilov and P. Heuveline [2] to demonstrate the reasons and mechanisms of demographic change affecting population aging, specifically:

To understand the demographic factors that cause population aging, demographers often refer to stable population patterns. This model assumes that the age-specific birth and death rates remain constant over time, resulting in a population whose age distribution does not alter: It becomes “stable”. In contrast, the model suggests that in a non-migrant population, any modifications in the age structure, in particular population aging, can only be attributed to changes in the birth and death rates.

The effect of changing fertility rates on population aging may not be obvious at first glance. However, holding all other factors constant, the decline in fertility rates reduces the size of the closest birth cohort compared to the previous birth cohort, i.e. a decrease in the size of the youngest cohort compared to the older groups. After one or a few generations, the low fertility rate in the past led to a decline in the percentage of people entering the childbearing years. As a result, a decrease in the proportion of young people (as the current fertility rate continues to decline compared to the former).

The effect of changes in the mortality rate on population aging may seem at first glance to accelerate this process. However, the fact that a reduction in mortality does not always contribute to an accelerated aging process. Specifically, reducing the mortality rate of infants, children, and those younger tends to decrease median ages. It is obvious that a drop in infant mortality indicates an increase in the number of people aged 0, as a result, a decrease in aging population and an increase in the birth rate. In contrast, when the old's mortality rate falls, it means that they live longer, resulting in a rise in the proportion of senior persons in the overall population.

From the above analysis, it is shown that population aging is related to demographic transition (Fig. 1). This model was built by French demographer Adolphe Ladry (1874–1956) and has been continuously followed and developed by other scientists in the world such as Frank W. Notestein (1902–1983) [3].

Accordingly, in the demographic transition model, the transitions from the period of high birth and death rate (stage 1) to the stage of lower fertility and death rate (stages 2, 3, 4 and 5). Some demographers lump this model into stage 4, instead of stage 5 as shown below (with stages 4 and 5 combined as one)³, but the rule is that during this transition, the age structure is affected differently.

³ Williams, J. Understanding the demographic transition // Earthbound Report : [site]. URL: <https://earthbound.report/2012/11/21/understanding-the-demographic-transition/> (accessed on 25.10.2023).

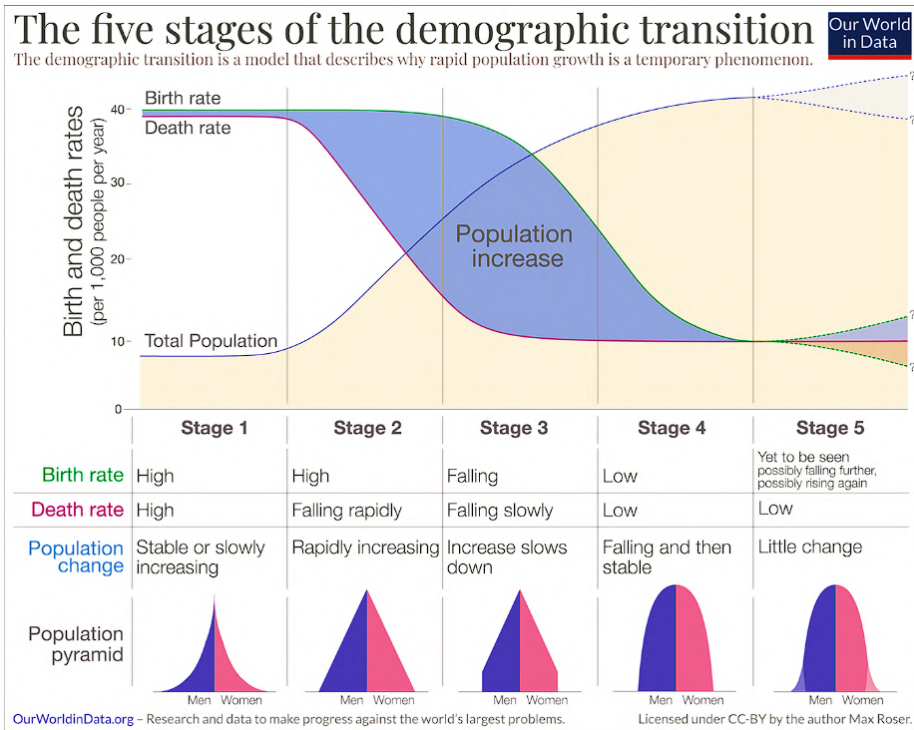

Fig. 1. Demographic transition model

Source: Our World in Data⁴

Stage 1: high mortality and high birth rate. For a long time before the population grew rapidly, the birth rate was high because the same pattern of the death rate and the population growth was rapid. At this stage, the population is characterized by a very young age with a wide base of the population pyramid because of the high mortality rate at all ages – and the particularly high risk of death for children – the pyramid is much narrower towards the top.

In sequence, in stage 2, mortality decreases but fertility remains high. The population transition begins with successes in preventing infectious and parasitic diseases that help reduce infant and child mortality. The result in addition to the sharp increase in population size is an improved life expectancy. However, fertility ratios tend to be flat, thus creating large birth cohorts and an increasing proportion of children to adults. Likewise, this initial drop in mortality still results in a younger population structure.

Stage 3: With a dramatic reduction in fertility, there is a low and slightly reduced mortality. After newborn and child mortality rates continue to fall, it becomes increasingly favorable for people of a later age, and fertility rates begin to fall sharply. Because of the enormous discrepancy, positive residual between fertility and mortality rates, the population continues to grow fast. The age group of 0–14 year olds will see little change in size due to the steep decline in fertility rates. Despite the fact that the population is relatively young, the population structure by age has begun to shift toward an increase in the proportion of

⁴ Roser, M. Demographic transition: Why is rapid population growth a temporary phenomenon? // Our World in Data : [site]. URL: <https://ourworldindata.org/demographic-transition> (accessed on 09.10.2023).

people in the older age groups.

Stage 4: Low and slightly reduced mortality along with low fertility. The population growth quickly ended and the population turned into a strong ageing. Population size continues to increase, albeit at a slow pace, because of population growth – despite low fertility, the proportion of the cohort in reproductive age is large, so the number of births is still increasing. The population gradually changes in the lower age groups (shown in the population pyramid). After a decline in infant and child mortality, further declines in mortality benefit those of an older age, and eventually a decline in birth rates, and sometimes very rapid declines. Both of these changes contribute to reversing the effect of declining mortality on age structure, and this synergy is known as double aging. Most developing countries today are going through this process.

At the beginning of stage 5 which also known as useful population equilibrium (i. e. low fertility, low mortality), which is the post-aging period, the cycle will shape the size and structure of the population quite stable as situation at the end of stage 4. More in-depth studies are needed at this stage because if countries have a “very old” or “super-old” population at the end of stage 4, they will have to bear very heavy consequences. from its aging population.

As a rule, as countries become increasingly aware of the negative effects of population aging, policies are initiated and it is possible that the demographic transition will be impacted by changes in the population. the process of economic and social modernization. When a society develops at a very high level, unfortunately only very few societies achieve it, at this stage fertility will tend to increase slightly again.

The rate of population aging can be moderated by migration. When immigrants are younger than the population median age and have greater fertility rates than locals, immigration delays population aging (in Canada or Europe, for example). Working adult migration, on the other hand, hastens the aging of the population in the regions of origin (Caribbean countries).

Population aging patterns in Vietnam

Despite concerns surrounding medium- and long-term population projections, a basic observation at today’s age structure makes it obvious that Vietnam is experiencing an unprecedented phenomenon in terms of population aging. The proportion of 60+ and 80+ age groups in the total population is increasing at a high rate. Vietnam’s population has grown from 25 million in 1950 to about 96 million today⁵. By 2049, with the average fertility scenario, its size is expected to reach 108.5 million (Fig. 2). The number of elderly people over 80 years old will rise from 1.9 million in 2019 to about 4.3 million in 2049. Moreover, elderly populations are starting to make up a significant proportion in total, for example such as the residents age 80 and older will increase from 2.0% in 2019 to 3.9% in 2049⁶.

⁵ Vietnam Population Projection 2014–2049 / General Statistics Office ; United Nations Population Fund. Hanoi : Vietnam News Agency Publishing House, 2016. 249 p. 978-604-945-768-5; World Population Prospects // United Nations Population Division : [site]. URL: <https://population.un.org/wpp/> (accessed on 25.10.2023).

⁶ Completed Results of the 2019 Viet Nam Population and Housing Census / General Statistics Office. Hanoi : Statistical Publishing House, 2019. 840 p. ISBN 978-604-75-1532-5; Vietnam Population Projection 2014–2049 / General Statistics Office ; United Nations Population Fund. Hanoi : Vietnam News Agency Publishing House, 2016. 249 p. 978-604-945-768-5.

Table 1

Number and proportion of older persons in the total population of Vietnam, 1950–2049

Year	Population (million people)			Proportion (%)	
	Total	60+	80+	60+	80+
1950	24,9	1,7	0,1	6,9	0,3
2019	96,2	11,4	1,9	11,9	2,0
2049	108,5	26,9	4,3	24,8	3,9

Source: World Population Prospects⁷, The 2019 Viet Nam Population and Housing Census⁸, Vietnam Population Projection 2014–2049⁹

According to the legislation, specifically the Law on the Elderly, in Vietnam today, people aged 60 and over are considered as elderly¹⁰. The variation of the age group 60 and above is easily seen from Figure 2, with the size and proportion of the elderly group continuing to increase rapidly. In particular, the proportion of the age group 0–14 and the age group 15–59 also gradually narrowed, in which the size of the population group 0–14 decreased significantly, further exacerbating the aging process of the population in Vietnam in the future.

Based on actual data and analysis from the theoretical framework, Vietnam’s population is currently in the second half of phase 4 in the demographic transition model.

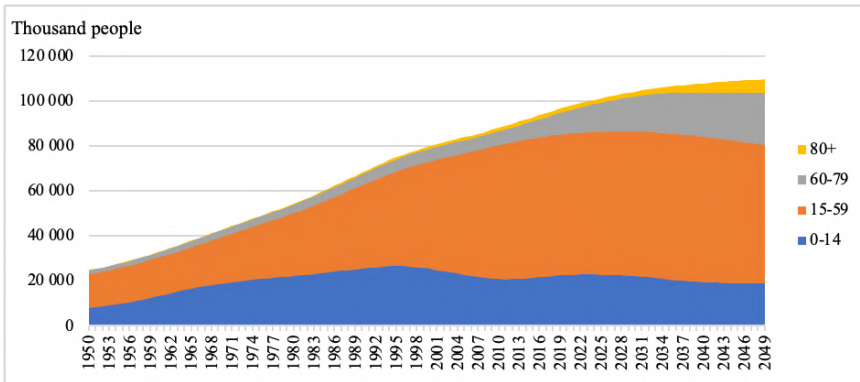

Fig. 2. Changes in size and age structure of Vietnam’s population, 1950–2049

Source: World Population Prospects¹¹, The 2019 Viet Nam Population and Housing Census¹², Vietnam Population Projection 2014–2049¹³

⁷ World Population Prospects // United Nations Population Division : [site]. URL: <https://population.un.org/wpp/> (accessed on 25.10.2023).

⁸ Completed Results of the 2019 Viet Nam Population and Housing Census / General Statistics Office. Hanoi : Statistical Publishing House, 2019. 840 p. ISBN 978-604-75-1532-5.

⁹ Vietnam Population Projection 2014–2049 / General Statistics Office ; United Nations Population Fund. Hanoi : Vietnam News Agency Publishing House, 2016. 249 p. 978-604-945-768-5.

¹⁰ Luật số 39/2009/QH12 của Quốc hội: Luật người cao tuổi [Law No. 39/2009/QH12 of the National Assembly: Law on elderly] // Chinhphu.vn : [site]. URL: <https://vanban.chinhphu.vn/default.aspx?pageid=27160&docid=92321> (accessed on 09.10.2023).

¹¹ World Population Prospects // United Nations Population Division : [site]. URL: <https://population.un.org/wpp/> (accessed on 25.10.2023).

¹² Vietnam Population Projection 2014–2049 / General Statistics Office ; United Nations Population Fund. Hanoi : Vietnam News Agency Publishing House, 2016. 249 p. 978-604-945-768-5.

¹³ Ibidem.

Socio-economic impacts of population aging

Scholars studying economic growth have pointed to many influencing factors and often focus on a few main directions, such as: 1) improving productivity in all industries and demand shifting towards sector, that is, reallocating labor from low-productivity agriculture to more productive industrial and service sectors; 2) technological progress, human capital, institutions and governance, macroeconomic policy and trade, and contingencies. However, it seems that the aging variable has received little attention and has only been interested in recent times.

P. Samuelson [4; 5] was one of the first economists to focus on issues related to population as a factor affecting economic growth. It is population growth, aging-dependence, income, and the central role of intergenerational transitions in accumulation. The analysis by D. Cutler et al. [6] localized and analyzed macroeconomic issues in detail with more realistic demographic models. Further, D. Weil [7; 8] analyzed the economics of aging. The studies of W. J. McKibbin [9] or R. Tyers and Q. Shi [10] also included demographic variables (gender, age, etc.) into the model when considering the feedback effect from economic growth to progress. technology and human capital accumulation, thereby affecting economic growth.

Population aging is often viewed as a negative rather than a positive, driven by the burden it places on economic development. To simplify, studies often compare older and younger working-age populations to examine the economic burden that aging population structure has on the economy.

Thus, the problem is to point out the impact of aging on socio-economic development and quantify it accurately. To solve this problem, it is necessary to review some assessment methods in the world as well as in Vietnam and it is necessary to have multi-dimensional perspectives.

Basic comparison

One of the basic indicators often used to show the impact of population age structure on socio-economic is the dependency ratio. This ratio reflects the relationship between the working age population and the non-working age groups (children and the elderly – considered the young and old dependent population).

Table 2

Some formulas for dependency ratio

No.	Working age	Dependency ratio	Child dependency ratio	Aged dependency ratio
1	15-59	$DR = \frac{P_{0-14} + P_{60+}}{P_{15-59}} \times 100$	$DR_{0-14} = \frac{P_{0-14}}{P_{15-59}} \times 100$	$DR_{60+} = \frac{P_{60+}}{P_{15-59}} \times 100$
2	15-64	$DR = \frac{P_{0-14} + P_{65+}}{P_{15-64}} \times 100$	$DR_{0-14} = \frac{P_{0-14}}{P_{15-64}} \times 100$	$DR_{65+} = \frac{P_{65+}}{P_{15-64}} \times 100$
3	20-64	$DR = \frac{P_{0-19} + P_{65+}}{P_{20-64}} \times 100$	$DR_{0-19} = \frac{P_{0-19}}{P_{20-64}} \times 100$	$DR_{65+} = \frac{P_{65+}}{P_{20-64}} \times 100$

Source: World Population Prospects¹⁴; Vietnam Population Projection¹⁵; Vietnam Labour and Employment Survey¹⁶

¹⁴ World Population Prospects // United Nations Population Division : [site]. URL: <https://population.un.org/wpp/> (accessed on 25.10.2023).

¹⁵ Vietnam Population Projection 2014–2049 / General Statistics Office; United Nations Population Fund. Hanoi : Vietnam News Agency Publishing House, 2016. 249 p. 978-604-945-768-5.

¹⁶ Labour and employment survey data warehouse // Portal.thongke.gov.vn : [site]. URL: <http://portal.thongke.gov.vn/khodulieu/dv/> (accessed on 25.10.2023).

There are differences in the conventions of working age, old age, and the group of populations that are considered aged dependents in many countries around the world. Some countries follow the common convention of the United Nations to mark the aging population or elderly dependent group aged 65 years and over. Previously, in Vietnam, the working age population group (by convention from 15–59) was called the potential support group. The potential support ratio for the elderly group is the ratio of the population aged 15–59 to the age group 60 and older [11]. However, now Vietnam has also changed the age of old dependency according to the common convention of the world, from 65 or more¹⁷.

The dependency ratio or potential (expected) support ratio is a simple and intuitive tool for analysis to capture purely demographic consequences, but it is not a accurate forecast.

There is a contradiction between the legal documents and the reality as well as the calculation of statistical indicators in Vietnam. For example, the Law on the Elderly of Vietnam stipulates that citizens aged full 60 years or older are the elderly, the revised Labor Law has also recently proposed reform to raise the retirement age (previously the retirement age for men was 60 and for women was 55), while, according to statistical reports, the labor force is still conventionally defined as the population aged 15–64. That is, female workers who are not old have retired while male workers are old but still working. Thus, general invisibility will make it difficult to compare statistical indicators, such as determining the potential support ratio for the elderly (or old people). However, within the scope of the research, this article does not go into analysis from the perspective of law-making, but only suggests the need for legislative reform to be consistent with the current situation.

Attempts to precisely quantify the impact

It is noticeable that the alternations in the age structure of the population can have a significant effect on economic growth. Calculating the impact of the conventional age structure only shows the trend but cannot accurately quantify its impact on the economy, so recent studies around the world have applied the new method, based on the life cycle perspective [1].

This perspective is based on the fact that people's economic needs and contributions are different at different stages of life, i. e. at different ages. Specifically, the consumption-to-production ratio tends to be high for young and elderly groups and low for people of working age. This means that the main drivers of economic growth such as aggregate labor supply, productivity, consumption and saving will tend to change depending on their point in the life cycle (in other words depending on the at their age). Among these factors, it is well understood that labor supply and savings are higher among people of working age than among those who are presumed to be elderly (e. g. in Vietnam it is from 60 years old, in many other countries it is from 65 years old or older). Thus, as a general rule, other things being considered equal, a country with a large proportion of children and the elderly will tend to grow more slowly than a country with a high proportion of people of working age.

One of the methods, according to D. Cutler et al. [6], that can help accurately quantify the contribution of the age structure to economic development is the “National Transfer Account” (NTA). For example, in Vietnam, by convention, the age to contribute positive growth to the economy will be from 15–59 (or 15–64, according to the new convention of the General Statistics Office from 2015), however, according to research results in 2014 by NTA method,

¹⁷ Labour and employment survey data warehouse // Portal.thongke.gov.vn : [site]. URL: <http://portal.thongke.gov.vn/khodulieu/dv/> (accessed on 25.10.2023).

the age of generating life cycle surplus is only from 21 to 57 years old¹⁸.

With the estimated results from the NTA method, the data shows that based on the life cycle, in general, Vietnamese people start to have income from the age of 14, then income begins to increase rapidly between the ages of 15–63, and declines rapidly at age 64 and reaches zero at age 90. At the same time, spending increases rapidly from 0 to 18 years old, then begins to decrease slightly between the ages of 19–35, increases again between the ages of 35–57 and gradually decreases between the ages of 58–90. However, at this late stage, spending levels remain high (Fig. 3).

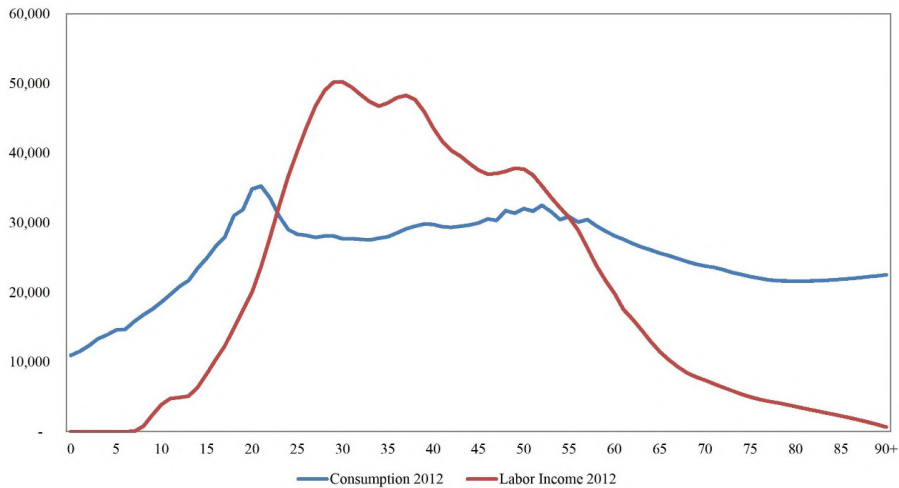

Fig. 3. Labor income and expenditure in Vietnam by age, 2012

Source: Pham Ngoc Toan¹⁹

Are the effects of aging, particularly the elderly population, really all negative? If following the NTA method, not only the elderly group but also those who are 57 years old or older (i. e. not old), have also contributed to negative growth.

Limitations in impact accounting

When quantifying the impact of age structure on socioeconomic status, economists often rely on the assumption that if the specific behavior of individuals with the supply of labor and savings is fixed, then the supply of labor and savings are fixed. savings per capita will tend to decrease as the proportion of elderly people increases. Assuming that other factors such as productivity and migration are the same, this means lower per capita income. However, these assumptions are not true in practice because behaviors change over time.

Many scientists have made outrageous arguments and alarming views about the negative effects of aging. P. Peterson [12] suggested that “global aging could cause a crisis engulfing the world economy, Ken Dychtwald also raised concerns that the older generation would

¹⁸ Impacts of Changes to the Population Age Structure on Viet Nam’s Economy and Policy Recommendations // UNFPA Vietnam : [site]. URL: https://vietnam.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/PD_NTA%20Policy%20Brief%202016_ENG_printed%20in%202016.pdf (accessed on 09.10.2023).

¹⁹ Pham Ngoc Toan. Impacts Of Labor Productivity by Age and Changes in Age Structure on Labor Productivity in Vietnam // National Transfer Accounts Project : [site]. URL: <https://ntaccounts.org/doc/repository/Toan%20Presentation.pdf> (accessed on 09.10.2023).

“swallow all resources”²⁰. Similarly, former Federal Reserve Chairman A. Greenspan [13] warned that aging in the United States “makes health care and social security programs unsustainable in the long run”.

Aging certainly has a negative impact on economic development, however, it is not as severe as scholars have predicted. For example, a recent publication by N. Maestas [14] based on interstate population aging rates in the United States for the period 1980–2010 to estimate the economic impact of aging on output per capita of the states. The results show that a 10% increase in the proportion of the population aged 60 and over reduces the GDP per capita growth rate by 5.5%. Two-thirds of the decline is due to slower growth in labor productivity by age, while one-third is due to slower labor force growth [14].

On the other hand, the fluctuations in the past through statistical analysis show that the population size increases, the proportion of elderly people increases, but the economy grows at a faster rate²¹ [15] thanks to scientific and technical progress and increased labor productivity, therefore, the economy always has positive growth. This destroys the view of Malthus and its followers, both past and present, represented by P. Peterson [12] or K. Dychtwald²².

One thing that cannot be forgotten is that child costs are largely provided by parents' costs (for raising children) which are private transfers and investment of human resources (partially financed and considered consumption at the moment), paid for by a mixture of public (state) and private (individual, household, etc.) transfers. The elderly's consumption in excess of their labor income is financed by a series of public and private transfers and asset-based reallocations. Excess labor income during prime years of employment is passed on to taxes, private transfers and savings [16].

The investment in the future human resources of parents (spending on children's education) will lead to an increase in the labor productivity of the young population in the future. As adult children enter the labor force, the economic increase from this generation will contribute to government spending on social security, and this is the result of investment in social security and human resources from the older generation – the parents themselves. The higher the investment level of parents in the future human resources (i. e. for their children), the higher the productivity and quality of potential labor of this generation, the more inevitable the world's contribution will be the greater the number of children in the government budget for social security.

From the side of businesses, employers can see that if acting quickly, tapping into and enhancing contributions from older workers can become a key competitive advantage. This can obviously be seen in Japanese companies, which are characterized by labor shortages and aging populations [17]. Older workers are often seen as a burden and weaker than younger candidates in hiring decisions. However, in an economy where knowledge is the rule, the experience of older workers develops value; older ones can contribute to the productivity of workgroups by sharing their expertise. With part-time job allocation, fit for health and remote working will attract older workers to continue working. In addition, the shift from a seniority-based to a performance-based pay system will lead to a loosening of company standards around retirement age.

²⁰ Dychtwald, K. Ken Dychtwald on the Future // SFGate : [site]. URL: <https://www.sfgate.com/news/article/Ken-Dychtwald-on-the-Future-3312121.php> (accessed on: 15.08.2023).

²¹ Salmon, F. How poverty has tracked global population // Reuters : [site]. URL: <http://blogs.reuters.com/felix-salmon/2011/10/31/how-poverty-has-tracked-global-population/> (accessed on: 15.08.2023).

²² Dychtwald, K. Ken Dychtwald on the Future // SFGate : [site]. URL: <https://www.sfgate.com/news/article/Ken-Dychtwald-on-the-Future-3312121.php> (accessed on: 15.08.2023).

By market segmentation, the elderly population is also a consumer population. Although with a lower spending level than other population groups, they also promote the development of production of goods and services for the elderly²³. Moreover, compared with young people, the elderly have a longer working time, so they will save, accumulate more and hold more assets. Thus, the view that an older person pays for consumption from his or her own property income is “dependent” on the worker as well as seeing population aging without taking into account its contribution to the economy. Economic development through the market is forced.

Behavioral changes of the elderly

As family size and life expectancy change, individuals' behavior may alter in a number of ways, in particular:

First, with better health and increased life expectancy, one can expect individuals to work longer [18], the theoretically optimal response to increasing age. Life expectancy is commensurately increasing years of service and retirement years, without changing time-specific saving behavior. However, in some recent works, the results show that in developed countries, although life expectancy increases and the intention to prolong working time of the elderly increases, in fact, the participation rate is not high. Their labor market participation did not increase as expected or even decreased [19]. This is explained by the fact that in developed countries, the system of social security and pension payment has ensured the life of the elderly. This is even more pronounced in countries with policies that encourage retirement or mandate retirement to receive pension benefits [20].

In general, in Vietnam nowadays, the pension and social security programs are regretably only at the level of support, but do not guarantee a minimum life for the elderly after working time. Therefore, the elderly still participate in the labor force accounts for a high proportion. As of the deceber of 2021, 50,1% of the elderly (60–64) participated in the labor force, and 23,0% of people aged 65 and over continue to participate in the labor force²⁴.

Second, even if individuals decide not to work longer, the increased life expectancy can be expected to generate increased savings over the working life to finance a further life as well as continue to hold high standards in retirement. In the researches of D. Bloom et al. [21] showed that, in general, increased life expectancy is also associated with higher savings rates. Particularly, D. Bloom et al. [18] found that savings rates increase with life expectancy in countries with universal pension coverage and pension incentives, but not in countries with high wage systems demand and high replacement rate.

This once again illustrates that in Vietnam, when employees have low income, the savings rate during working time is very low. Inevitably, elderly population still continue to participate in the labor market.

Third, as fertility declines, which means the number of children per woman declines, women will have more opportunities for advancement and, as a result, more women will enter the workforce. D. Bloom et al. [1] estimate that labor force participation rates increase significantly over the years as fertility declines, with each unit decrease in the Total Fertility Rate (TFR) increasing the female labor force participation rate which ranges from 5 to 10 percentage points.

²³ Hepburn, D. Mapping the World's Changing Industrial Landscape // Chatham House : [site]. URL: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/071ubp_hepburn.pdf (accessed on: 15.08.2023).

²⁴ Report on Labour Force Survey 2021 / General Statistics Office. Hanoi : Statistical Publishing House, 2022. 2015 p. ISBN 978-604-75-2285-9.

Vietnam is currently a country that controls population growth at approximately replacement fertility rate (TFR = 2.09 children per woman in 2019)²⁵ with a labor force participation rate of female activity is up to 61,6%²⁶, which is considered one of the countries with the highest rate in the world, while this figure for the whole world is only 50,0%²⁷. The proportion of elderly women in the labor force in Vietnam is also rather high, with 44,0% of women aged 60–64 and 18,3% of women aged 65 and over²⁸. Thus, the achievement of fertility reduction has contributed to the liberation of women, but the issue of social security for women, especially elderly women in the future will become a great challenge.

Separating the effects of aging factors

Population aging due to declining fertility and increasing aging population because of reduced mortality are likely to have very different socio-economic consequences because they affect the age structure differently.

Reducing fertility will reduce the number of children today, but the impact on aging is significantly powerful after a few generations, when the young population enters the child-bearing age. This means that the size of the workforce will shrink rapidly.

In contrast, today's increase in life expectancy is primarily related to a decrease in morbidity, disability, and morbidity with age. Individuals can meet expectations of a healthier life expectancy by working longer or saving more (i.e. consuming less). Longer working hours allow high consumption levels to be maintained in old age. Being healthier means lower spending on health care.

Impact on health and society

Many scholars have analyzed several effects of aging from the perspective of disease and health care models [1], specifically:

Trends in diet and lifestyle as well as advances in public health and medical care could combine to increase or decrease life expectancy in the future, where technology plays an important role. The compression of disease (reducing morbidity) today is partly due to advances in new medical technology; however, this is unlikely to hold in the future, and it will have implications on cost impact. Trends like obesity, etc. can reduce the positive impact of technological progress. Non-health related events, such as climate change (The meteorological agency predicts that from June to November 2023, there will be about 9–11 storms and tropical depressions operating in the East Sea²⁹ or war, which can also have an unpredictable impact on life expectancy.

The economic effects of aging appear to be uneven across societies. In developed countries, longer life expectancy is accompanied by a shift in support of older generations from family to state. In many developing countries, including Vietnam, the family still plays an important role in the care of the elderly [22] and as life expectancy becomes longer, family

²⁵ Completed Results of the 2019 Viet Nam Population and Housing Census / General Statistics Office. Hanoi : Statistical Publishing House, 2019. 840 p. ISBN 978-604-75-1532-5.

²⁶ Report on Labour Force Survey 2021 / General Statistics Office. Hanoi : Statistical Publishing House, 2022. 2015 p. ISBN 978-604-75-2285-9.

²⁷ Female labor force participation / The World Bank : [site]. URL: <https://genderdata.worldbank.org/data-stories/flfp-data-story/> (accessed on 25.10.2023).

²⁸ Report on Labour Force Survey 2021 / General Statistics Office. Hanoi : Statistical Publishing House, 2022. 2015 p. ISBN 978-604-75-2285-9.

²⁹ Từ nay đến tháng 11 có bao nhiêu cơn bão và áp thấp nhiệt đới? [How many storms and tropical depressions will there be from now until November?] // Tổng cục Khí tượng Thủy văn [Viet Nam Meteorological and Hydrological Administration] : [site]. URL: <http://vnmha.gov.vn/cong-tac-pctt-tkc-130/tu-nay-den-thang-11-co-bao-nhieu-con-bao-va-ap-thap-nhiet-doi-14639.html> (accessed on 25.10.2023).

structure Families could be disrupted, leading to a shift to systems of public transfers and savings similar to those found in wealthier parts of the world. Sadly, the budget for social security in developing countries is limited and Vietnam is no exception (with the share of government pensions accounting for less than 10% of pensioners' income). As a result, care for the elderly is and will be a conundrum for governments [23].

Conclusion

Force majeure population aging and slow population growth will affect the economies of all countries in different ways, influenced by cultural values, institutional arrangements and economic drivers.

The impact on socio-economic growth of population aging is based on the important premise that labor supply, productivity and savings change with the life cycle. This implies that the age structure of the population may be a consequence of economic performance, which is reflected in per capita income. A large proportion of children and the elderly can slow down economic growth, whereas a large proportion of the working age population can accelerate growth. However, besides these effects, it is not possible to simply calculate the consequences of changing age structure mechanically, because behavioral effects need to be taken into account.

It should be emphasized that income per capita is not by itself a measure of well-being because welfare depends on consumption, not income. More broadly, an aging population will require increasing support of various types, including income security and greater access to health care. Population aging is becoming a growing challenge to the sustainability of public finance and this is also the problem that Vietnam is facing when it is “old before rich”.

Quantifying the impact of aging on socio-economic growth is not easy, requiring in-depth, multi-disciplinary, multi-field and multi-dimensional studies. In order to achieve successful adaptation to an aging society, the approaches of each country utilizes to address the challenge of aging will depend largely on the flexibility of markets, the appropriateness of institutions and policies from the government.

References

1. Bloom, D. E. Implications of Population Ageing for Economic Growth / D. E. Bloom, D. Canning, G. Fink. *Oxford Review of Economic Policy*. 2010. Vol. 26, No. 4. Pp. 583–612. DOI [10.1093/oxrep/grq038](https://doi.org/10.1093/oxrep/grq038).
2. Gavrilov, L. A. Aging of Population / L. A. Gavrilov, P. Heuveline. In *Encyclopedia of Population / P. Demeny, G. McNicoll* (eds). New York : Macmillan Reference, 2003. ISBN 9780028656779.
3. Phung The Truong. *Giáo trình Dân số học [Demography curriculum]*. Ha Noi : Nhà xuất bản Thống kê [Statistical Publishing House], 1997. 42 p. (In Viet.).
4. Samuelson, P. An Exact Consumption-Loan Model of Interest with or without the Social Contrivance of Money. *Journal of Political Economy*. 1958. Vol. 66, No. 6. Pp. 467–482. DOI [10.1086/258100](https://doi.org/10.1086/258100).
5. Samuelson, P. The Optimum Growth Rate for Population. *International Economic Review*. 1975. Vol. 16, No. 3. Pp. 531–538. DOI [10.2307/2525993](https://doi.org/10.2307/2525993).
6. Cutler, D. M. An Aging Society: Opportunity or Challenge? / D. M. Cutler, J. M. Poterba, L. M. Sheiner, L. H. Summers, G. A. Akerlof. *Brookings Papers on Economic Activity*. 1990. Vol. 1990, No. 1. Pp. 1–73. DOI [10.2307/2534525](https://doi.org/10.2307/2534525).
7. Weil, D. N. The Economics of Population Aging. *Handbook of Population and Family Economics*. 1997. Vol. 1, Part B. Pp. 967–1014. DOI [10.1016/S1574-003X\(97\)80009-8](https://doi.org/10.1016/S1574-003X(97)80009-8).
8. Weil, D. N. Population Ageing. In *The New Palgrave Dictionary of Economics*. London : Palgrave Macmillan, 2008. Pp. 1–8. DOI [10.1057/978-1-349-95121-5_2460-1](https://doi.org/10.1057/978-1-349-95121-5_2460-1).
9. McKibbin, W. J. The Global Macroeconomic Consequences of a Demographic Transition. *Asian Economic Papers*. 2006. Vol. 5, No. 1. Pp. 92–134. DOI [10.1162/asep.2006.5.1.92](https://doi.org/10.1162/asep.2006.5.1.92).

10. Tyers, R. Global Demographic Change, Policy Responses and Their Economic Implications / R. Tyers, Q. Shi. *The World Economy*. 2007. Vol. 30, No. 4. Pp. 537–566. DOI [10.1162/asep.2006.5.1.92](https://doi.org/10.1162/asep.2006.5.1.92).
11. *The Ageing Population in Viet Nam: Current Status, Prognosis, and Possible Policy Responses* / United Nations Population Fund. Hanoi: UNFPA Viet Nam, 2011. 68 p.
12. Peterson, P. G. Gray Dawn: The Global Aging Crisis. *Foreign Affairs*. 1999. Vol. 78, No. 1. Pp. 42–55. DOI [10.2307/20020238](https://doi.org/10.2307/20020238).
13. Alan Greenspan on the Economic Implications of Population Aging. *Population and Development Review*. 2004. Vol. 30, No. 4. Pp. 779–783.
14. Maestas, N. The Effect of Population Aging on Economic Growth, the Labor Force, and Productivity / N. Maestas, K. J. Mullen, D. Powell. *American Economic Journal: Macroeconomics*. 2023. Vol. 15, No. 2. Pp. 306–332. DOI [10.1257/mac.20190196](https://doi.org/10.1257/mac.20190196).
15. Ha Tuan Anh. Gia tăng dân số và nghèo đói: Tương quan từ bằng chứng thực nghiệm thế giới [Population growth and poverty: Correlation from empirical evidence in the world]. *Tạp chí Dân số và Phát triển* [Population and Development Journal]. 2017. No. 3. ISSN 0868-3506. (In Viet.).
16. Lee, R. Macroeconomics, Aging, and Growth. In *Handbook of the Economics of Population Aging* / J. Piggott, A. Woodland (eds). Vol. 1. Amsterdam: North Holland, 2016. Pp. 59–118. ISBN 9780444634054. DOI [10.1016/bs.hespa.2016.05.002](https://doi.org/10.1016/bs.hespa.2016.05.002).
17. Matsuno, K. Proactive Marketing Response to Population Aging: The Roles of Capabilities and Commitment of Firm / K. Matsuno, F. Kohlbacher. *Journal of Business Research*. 2020. Vol. 113. Pp. 93–104. DOI [10.1016/j.jbusres.2019.01.042](https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2019.01.042).
18. Bloom, D. E. Demographic Change, Social Security Systems, and Savings / D. E. Bloom, D. Canning, R. K. Mansfield, M. Moore. *Journal of Monetary Economics*. 2007. Vol. 54, No. 1. Pp. 92–114. DOI [10.1016/j.jmoneco.2006.12.004](https://doi.org/10.1016/j.jmoneco.2006.12.004).
19. Kulish, M. Aging, Retirement, and Savings: A General Equilibrium Analysis / M. Kulish, C. Kent, K. Smith. *The B. E. Journal of Macroeconomics*. 2010. Vol. 10, No. 1. DOI [10.2202/1935-1690.1808](https://doi.org/10.2202/1935-1690.1808).
20. Gruber, J. Social Security and Retirement: An International Comparison / J. Gruber, D. Wise. *The American Economic Review*. 1998. Vol. 88, No. 2. Pp. 158–163.
21. Bloom, D. E. Longevity and Life-Cycle Savings / D. E. Bloom, D. Canning, B. Graham. *The Scandinavian Journal of Economics*. 2003. Vol. 105, No. 3. Pp. 319–338.
22. Teerawichitchainan, B. How Do Living Arrangements and Intergenerational Support Matter for Psychological Health of Elderly Parents? Evidence From Myanmar, Vietnam, And Thailand / B. Teerawichitchainan, W. Pothisiri, G. T. Long. *Social Science and Medicine*. 2015. Vol. 136–137. Pp. 106–116. DOI [10.1016/j.socscimed.2015.05.019](https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2015.05.019).
23. Chomik, R. Population Ageing and Social Security in Asia / R. Chomik, J. Piggott. *Asian Economic Policy Review*. 2015. Vol. 10. Pp. 199–222. DOI [10.1111/aep.12098](https://doi.org/10.1111/aep.12098).

Bio notes:

Thi Minh Hoa Nguyen, PhD (Economics), Lecturer, Faculty of Human Resource Management, University of Labor and Social Affairs, Hanoi, Vietnam.

Contact information: e-mail: nguyenthiminhhoa1212@yahoo.com; ORCID ID: [0000-0002-8593-7649](https://orcid.org/0000-0002-8593-7649).

Tuan Anh Ha, Master of Science (Sociology), Researcher, Institute for Sustainable Development, National Economics University, Hanoi, Vietnam.

Contact information: e-mail: havietnga03@neu.edu.vn; ORCID ID: [0000-0002-7522-8611](https://orcid.org/0000-0002-7522-8611).

Received on 27.12.2023; accepted for publication on 29.02.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Нгуен Тхи Минь Хоа

Университет труда и социального обеспечения, Ханой, Вьетнам

E-mail: nguyenthiminhhoa1212@yahoo.com

Ха Туан Ань

Национальный экономический университет, Ханой, Вьетнам

E-mail: havietnga03@neu.edu.vn

Для цитирования: *Нгуен, Тхи Минь Хоа. Теоретические основы старения населения и его влияние на социально-экономическое развитие / Тхи Минь Хоа Нгуен, Туан Ань Ха // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 1. С. 8–22. DOI [10.19181/demis.2024.4.1.1](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.1). EDN [LOARS](https://www.edn.vn/LOARS).*

Аннотация. Старение населения – одна из проблем, вызывающих озабоченность не только во Вьетнаме, но и во всем мире, и одна из наиболее значимых социальных трансформаций XXI века. Этот процесс затрагивает большинство сфер жизни общества, таких как рынок труда, финансы, спрос на товары и услуги, образование, социальное обеспечение и здравоохранение для пожилых людей и т. д. Исследования старения населения становятся все более актуальными, особенно в такой развивающейся стране, как Социалистическая Республика Вьетнам, где темпы старения населения высоки, но средний доход низок, а бюджет социального обеспечения ограничен. Поэтому старение населения может замедлить экономический рост и увеличить нагрузку на бюджет, влияя даже на социальную стабильность. В данной статье анализируется текущая ситуация и тенденции старения во Вьетнаме. Основное внимание уделяется разъяснению общей теории механизма старения населения и его влияния на социально-экономическое развитие. Количественная оценка влияния старения населения на социально-экономический рост очень сложна и требует глубоких, междисциплинарных, многоотраслевых и многомерных исследований. В настоящем исследовании были рассмотрены некоторые проверенные методы такой оценки в мире в целом и во Вьетнаме в частности. Полученные результаты предполагают более многогранный взгляд на старение, основанный на учете возрастной структуры населения в процессе развития. В то же время подобные исследования требуют участия не только ученых, но и политиков, чтобы выработать эффективный ответ на вызовы старения общества.

Ключевые слова: старение населения, пожилые люди, социально-экономическое развитие

Сведения об авторах:

Нгуен Тхи Минь Хоа, доктор наук PhD (в области экономики), преподаватель, факультет управления человеческими ресурсами, Университет труда и социального обеспечения, Ханой, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: nguyenthiminhhoa1212@yahoo.com; ORCID ID: [0000-0002-8593-7649](https://orcid.org/0000-0002-8593-7649).

Ха Туан Ань, магистр наук (в области социологии), научный сотрудник, Институт устойчивого развития, Национальный экономический университет, Ханой, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: havietnga03@neu.edu.vn; ORCID ID: [0000-0002-7522-8611](https://orcid.org/0000-0002-7522-8611).

Статья поступила в редакцию 27.12.2023; принята в печать 29.02.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

DOI [10.19181/demis.2024.4.1.2](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.2)EDN [DBDMMMA](https://www.edn.ru/DBDMMMA)

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ДИНАМИКИ МИГРАЦИОННОГО БАЛАНСА И МИГРАЦИОННЫХ УСТАНОВОК В АРМЕНИИ

Манукян С. А.

Ереванский государственный университет, Ереван, Армения

E-mail: samvelmanukyana@gmail.com

Для цитирования: Манукян, С. А. Математические модели динамики миграционного баланса и миграционных установок в Армении // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 1. С. 23–39. DOI [10.19181/demis.2024.4.1.2](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.2). EDN [DBDMMMA](https://www.edn.ru/DBDMMMA).

Аннотация. Цель исследования – провести количественный анализ миграционного баланса и миграционных установок в армянском обществе. Построена линейная регрессионная модель, объясняющая зависимость миграционного баланса от переменных на макроуровне, включая годовой прирост валового внутреннего продукта (ВВП), внутривнутриполитическое и внешнеполитическое положение страны. Используются данные Статистического комитета Республики Армения о пограничных перемещениях и годовом приросте ВВП. Внешнеполитическое состояние представлено переменной, принимающей значения «Перемирие», «Война» и «Интенсивная война». Внутривнутриполитическое состояние обозначено переменной, принимающей значения «Открытый конфликт», «Латентный конфликт», «Уравновешенное состояние», «Положительные ожидания» «Высокие ожидания». Значения переменной устанавливались на основании авторского экспертного исследования. На основе модели вычислена оценка миграционного баланса для 2023 г. По данным выборочного социологического опроса, проведенного в ноябре 2022 г. методом структурного моделирования (Structural Equation Modeling), построены две модели, которые объясняют миграционные настроения в обществе на микроуровне через социально-экономические характеристики респондента и особенности его политических взглядов и убеждений, в том числе наличие в семье трудового мигранта, возраст интервьюируемого, оценка результатов и ожиданий от революции 2018 г. в Армении, чувства политической компетентности, политической субъектности и патриотизма. Полученные аналитические результаты могут быть использованы для прогнозов миграционного баланса и миграционных настроений общества, а также стратегического планирования и управления миграционными процессами в Республике Армения.

Ключевые слова: миграционный баланс, Армения, постсоветский период, миграционные установки, регрессионная модель, структурные модели, Первая карабахская война, Вторая карабахская война, прогнозирование, стратегическое планирование, стратегическое управление

Введение

В течение всего постсоветского периода демографическое состояние Армении непрерывно ухудшалось. В период 1991–2022 гг. постоянное население сократилось с 3 617 тыс. человек до 2 928 тыс., количество рождений уменьшилось с 54 400 до 36 353, коэффициент естественного годового прироста населения снизился с 15,1 до 3,2 (на 1 000 человек), суммарный коэффициент рождаемости (СКР) опустился с 2,6 до 1,7, а общий коэффициент смертности вырос с 6,5 до 9,0 (на 1 000 человек). С 1993 г. СКР упал ниже показателя 2,1, т. е. ниже уровня, необходимого для простого воспроизводства населения, и в течение последующих 30 лет никогда не превышал этот уровень¹. Нет оснований полагать, что в обозримом будущем возможно обеспечить даже простое

¹ Демографический сборник РА, 1940–2000 // Статистический комитет Республики Армения : [сайт] URL: <https://armstat.am/file/article/demograf-40-00-arm.iii.18.pdf> (дата обращения: 13.01.2024); Демографический сборник РА, 2012 // Статистический комитет Республики Армения : [сайт] URL: https://www.armstat.am/file/article/demos_12_11-12.pdf (дата обращения: 13.01.2024); Демографический сборник РА, 2023 // Статистический комитет Республики Армения : [сайт] URL: https://www.armstat.am/file/article/demog_2023_3.pdf (дата обращения: 13.01.2024).

воспроизводство населения страны посредством естественного прироста.

Расширенное или простое воспроизводство населения Республики возможно лишь путем притока населения, т. е. через создание положительного миграционного баланса. Однако состояние миграционного баланса Армении также неблагоприятно. В течение 1991–2022 гг. общий отток населения из страны составил 1 121 тыс. человек. Поэтому исследование миграционных установок в армянском обществе, возможностей управления ими и прогноз миграционного поведения непрерывно остаются актуальными задачами.

После тяжелого поражения во второй Карабахской войне 27 сентября – 9 ноября 2020 г. в общественном сознании Армении произошли значительные перемены, в том числе в осознании места и роли страны в регионе, восприятия истории последних 35 лет, в установках по отношению к революции 2018 г., к сегодняшним и бывшим властям, а также в оценке будущего Республики. Все это, несомненно, повлияло на миграционные установки в армянском обществе, и соответственно, на реальное миграционное поведение граждан.

В статье приведены три модели, позволяющие прогнозировать миграционный баланс и миграционные настроения в обществе. Первая – линейная регрессионная модель объясняет зависимость миграционного баланса в период 1992–2022 гг. от годового прироста ВВП, внешнеполитического и внутривнутриполитического состояния. Вторая и третья модели построены с использованием метода структурных уравнений [1]. Они разъясняют миграционные установки населения на основе данных социологического выборочного опроса, проведенного в Ереване в ноябре 2022 г.

Обзор научной литературы

Большинство публикаций по проблемам миграции в Армении относятся к трудовой миграции и миграционной политике. Так, в статье И. А. Аракеляна и Р. М. Погосяна [2] рассматривается структура и направленность потоков трудовой миграции. В работе С. А. Далакяна [3] разработаны инструментарий и рекомендации для регулирования трудовой миграции из Республики. По той же теме А. С. Айрапетяном защищена докторская диссертация [4]. Как правило, подобные исследования имеют описательный характер, в них интерпретируются данные Национального статистического комитета Армении, а иногда применяются одномерные и двумерные таблицы сопряженности социологических опросов.

Публикации, в которых применены математические модели, малочисленны. В них, как правило, используются регрессионные модели. В статье А. Григоряна и К. Хачатрян [5] представлены регрессионные модели, объясняющие миграционные намерения в зависимости от объемов денежных переводов из-за границы. В работе В. Агаджаняна и А. Севояна [6] также представлены регрессионные модели, отвечающие на вопрос, усиливает ли трудовая миграция мужчин из армянских сел экономические и социальные связи оставшихся членов домохозяйств со своими сообществами или, наоборот, их подрывает и поощряет миграцию членов домохозяйств. Та же проблема рассматривается в публикации А. Даларяна [7], где сравниваются детерминанты, изменяющие миграционные установки в селах Армении и Грузии. Среди публикаций выделяется работа Р. М. Нуреева и А. Г. Манукяна [8], в которой построены две регрессионные модели динамики, объясняющие миграционный баланс Республики Армения для периода 2000–2011 гг. В моделях независимыми переменными являются миграционный баланс за предыдущий период, соотношение ВВП на душу

населения и страны миграции, коэффициент Джини в Армении, экспертные оценки по уровню безработицы и количество браков, как выражения ожидания будущего.

В перечисленных выше научных работах понятия «фактор» и «факторный анализ» используются или в обычном экономическом смысле, или обозначают независимые наблюдаемые переменные в многомерных регрессиях. Результаты применения факторного анализа как многомерного статистического метода приведены в публикации С. А. Манукяна «Факторы управления миграцией в Армении»². В ней через факторный анализ 78 наблюдаемых переменных выделены 14 составляющих, влияющих на миграционные установки в армянском обществе, в том числе факторы экономического и социального состояния семьи, фактор досуга, факторы экономического, социального, инфраструктурного и управленческого состояния страны, факторы правовой, физической и социальной депривации, фактор политического участия, факторы субкультурной, классовой и социально-экологической напряженности. Результаты подобного факторного анализа изложены еще в одной работе автора настоящей статьи [9].

Методы исследования и источники информации

В представленной статье зависимой переменной линейной регрессионной модели является «Миграционный баланс», а независимыми переменными «Годовой прирост ВВП Армении», «Внешнеполитическое состояние Армении» и «Внутриполитическое состояние Армении». Для построения модели применялись временные ряды этих переменных за 1992–2022 гг. Используемая для модели база данных состояла из 31 строки, которые представляли годы. Для лучшего восприятия содержания модели значения зависимой и независимых переменных приведена в табл. 1. Это дает возможность читателю перепроверить полученные результаты, а также «поэкспериментировать» с данными для переменных «Внешнеполитическое состояние Армении» и «Внутриполитическое состояние Армении», если их значения покажутся неубедительными. Здесь и далее определение значения, принимаемого дискретными переменными, осуществлялось автором на основе собственной экспертной оценки, опирающейся на опыт жизни и работы в стране, изучение научных изданий и публикаций в СМИ за обозначенные периоды времени по теме внутри- и внешнеполитического состояния страны. Автор имеет основания полагать, что указанная оценка является для армянского общества общепринятой, исходя из восприятия населением процессов, происходивших в Республике в течение всего постсоветского периода.

Таблица 1

Данные, использованные для построения линейной регрессионной модели миграционного баланса Армении

Table 1

Data used to build a linear regression model of the migration balance in Armenia

Год	Миграционный баланс	Годовой прирост ВВП (%)	Внешнеполитическое состояние Армении	Внутриполитическое состояние Армении
1992	-228 600	-41,8	Интенсивная война	Конфликт
1993	-141 100	-8,8	Интенсивная война	Конфликт
1994	-127 800	5,4	Интенсивная война	Конфликт
1995	-37 500	6,9	Перемирие	Конфликт

² Манукян С. А. Migraciayi kar'avarman gorc'onneru' Hayastanowm [Факторы управления миграцией в Армении] // Научно-образовательный фонд «Нораванк»: [сайт] URL: http://www.noravank.am/upload/pdf/2013_Migration_Control_Factors.pdf (дата обращения: 10.01.2024).

Год	Миграционный баланс	Годовой прирост ВВП (%)	Внешнеполитическое состояние Армении	Внутриполитическое состояние Армении
1996	-20 500	5,9	Перемирие	Интенсивный конфликт
1997	-31 300	3,3	Перемирие	Уравновешенное
1998	-24 400	7,3	Перемирие	Приподнятые ожидания
1999	-7 200	3,3	Перемирие	Высокие ожидания
2000	-57 500	5,9	Перемирие	Интенсивный конфликт
2001	-60 400	9,6	Перемирие	Интенсивный конфликт
2002	-2 700	13,2	Перемирие	Конфликт
2003	-10 200	14,0	Перемирие	Интенсивный конфликт
2004	2 100	10,5	Перемирие	Уравновешенное
2005	12 500	13,9	Перемирие	Уравновешенное
2006	21 700	13,2	Перемирие	Уравновешенное
2007	-3 200	13,7	Перемирие	Уравновешенное
2008	-23 100	6,9	Перемирие	Интенсивный конфликт
2009	-25 000	-14,1	Перемирие	Уравновешенное
2010	-57 240	2,1	Перемирие	Уравновешенное
2011	-49 126	4,7	Перемирие	Уравновешенное
2012	-49 660	7,2	Перемирие	Уравновешенное
2013	-42 001	3,5	Перемирие	Уравновешенное
2014	-47 074	3,4	Перемирие	Уравновешенное
2015	-47 672	3,5	Перемирие	Уравновешенное
2016	-54 031	0,2	Война	Уравновешенное
2017	-36,201	7,5	Перемирие	Приподнятые ожидания
2018	-4 585	5,2	Перемирие	Высокие ожидания
2019	-6 529	7,6	Перемирие	Приподнятые ожидания
2020	42 786	7,4	Интенсивная война	Интенсивный конфликт
2021	-73 571	5,8	Интенсивная война	Интенсивный конфликт
2022	-27 942	12,6	Война	Конфликт

Источник: составлено автором по данным Статистического комитета Республики Армения³, Всемирного банка⁴

* *Примечание:* В построенной регрессионной модели строка «2020» не использована. Значение «Интенсивная война» в строке «2020» переведено в строку «2021».

³ Данные вычислены по статистике пограничных переходов публикуемых Статистическим комитетом РА. Социально-экономическое положение Республики Армения в январе-декабре 1999 г. // Статистический комитет Республики Армения : [сайт]. URL: https://armstat.am/file/article/sv_12r_99_52.pdf (дата обращения: 03.01.2024); Демографический сборник РА 2005 г. // Статистический комитет Республики Армения : [сайт]. URL: https://www.armstat.am/file/article/demos_05_7.pdf (дата обращения 03.01.2024); Демографический сборник РА 2010 г. // Статистический комитет Республики Армения : [сайт]. URL: https://armstat.am/file/article/demos_10_7.pdf (дата обращения 03.01.2024); Социально-экономическое положение Республики Армения в январе-декабре 2011 г. // Статистический комитет Республики Армения : [сайт]. URL: https://www.armstat.am/file/article/sv_12_11a_520.pdf (дата обращения 04.01.2024); Социально-экономическое положение Республики Армения в январе-декабре 2013 г. // Статистический комитет Республики Армения : [сайт]. URL: https://www.armstat.am/file/article/sv_12_13a_520.pdf (дата обращения 04.01.2024); Демографический сборник РА 2017 г. // Статистический комитет Республики Армения : [сайт]. URL: https://www.armstat.am/file/article/demog_2017_7.pdf (дата обращения 04.01.2024); Демографический сборник РА 2020 г. // Статистический комитет Республики Армения : [сайт]. URL: https://www.armstat.am/file/article/demog_2020_7.pdf (дата обращения 04.01.2024); Демографический сборник РА 2023 г. // Статистический комитет Республики Армения : [сайт]. URL: https://www.armstat.am/file/article/demog_2023_7.pdf (дата обращения 04.01.2024).

⁴ GDP growth (annual %) – Armenia // The World Bank Data : [site]. <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=AM> (accessed on 04.01.2024).

Переменная «Внешнеполитическое состояние Армении» может принимать три значения: 2 – «Интенсивная война», 1 – «Война», 0 – «Перемирие». Значения «Интенсивная война» уместны для Первой карабахской войны 1992–1994 гг., Второй карабахской войны 2020 г. и для 2021 г. Переменная имеет значение «Война» для четырехдневной войны 1–4 апреля 2016 г. В контексте построения регрессионной модели особенным был 2020 г. Интенсивная война этого года должна была вызвать большой отток населения. Однако с марта 2020 г. из-за пандемии COVID-19 границы для выезда из Армении были закрыты. Вследствие чего многие трудовые мигранты, выезжающие из Армении, и те, кто хотел бы выехать из страны из-за войны, не смогли этого сделать. С другой стороны, вынужденно возвращались в Армению граждане Республики, находившиеся за границей и не имевшие оснований или финансовых возможностей продлить там свое пребывание. В связи с чем миграционный баланс 2020 г. был искажен: был зафиксирован беспрецедентно большой для данного периода времени и социально-экономических условий жизни в стране приток населения (см. рис. 1). Впрочем, те, кто не смог эмигрировать из Армении по причине интенсивной войны в 2020 г., уехали в 2021 г. (миграционный отток 2021 г., напротив, оказался существенно выше показателей предыдущих и последующих лет). В данной связи строка «2020» табл. 1 в построении регрессии не использована, а значение «Интенсивная война» этой строки была переведена в строку «2021» для корректного отражения текущих процессов в предлагаемой модели.

Переменная «Внутриполитическое состояние Армении» имеет пять значений.

Значение «Острый конфликт» (-2) – когда массовые протесты обладали потенциалом неконтролируемой смены власти. Такие конфликты происходили в 1996 г., когда многотысячные демонстранты, протестовавшие по причине несогласия с результатами президентских выборов, заняли здание Национального Собрания (НС) и применили насилие против депутатов, в том числе против Председателя парламента. Затем в 2000–2001 гг., когда проходили почти непрерывные массовые протесты после террористического акта в Национальном Собрании РА, в котором были убиты Председатель НС К. С. Демирчян и Премьер-министр Республики В. З. Саркисян. Позднее – в 2008 г., когда после 1 марта начались массовые протесты против результатов президентских выборов, во время которых погибли девять человек, а также в 2020–2021 гг., когда начались массовые протесты с требованием отставки Премьер-министра Н. В. Пашиняна из-за капитуляции во Второй карабахской войне.

«Латентный конфликт» (-1) – когда доверие к Президенту низкое, но силовой потенциал протестующих для смены власти недостаточен, или же имеются мощные факторы, сдерживающие переход от «латентного конфликта» к состоянию «острого конфликта». Такие конфликты происходили в 1992–1995 гг. вследствие обнищания общества после распада СССР, острейшего энергетического кризиса после закрытия Армянской АЭС, «приватизационного» разграбления национального достояния. С другой стороны, продолжающаяся Первая карабахская война сдерживала оппозицию и общество от крайних мер для смены власти. Затем тот же параметр был присвоен периоду 2009–2016 гг. из-за длительной стагнации экономики по причине глобального экономического кризиса 2008 г., коррупции, олигополизации экономики выходцами из НКР и низкого доверия к Президенту РА на уровне 16–29%.

Значение «Уравновешенного» состояния (0) присваивалось периодам, когда внутренняя напряженность и общественное недовольство не угрожали политической власти. Такое состояние отмечалось в 1997 г., 2002 г. и 2004–2007 гг.

«Приподнятые ожидания» (1) наблюдались в периоды, когда общество ожидало перемен к лучшему. Подобное состояние имело место в 1998 г., после возвращения К. С. Демирчяна в политику, и в 2017 г., когда умелое и энергичное правление Премьер-министра К. В. Карапетяна начало давать положительные результаты, а его рейтинг вырос до 67%.

Значение «Высокие ожидания» (2) отмечалось в те годы, когда к власти приходил харизматичный лидер, сменявший руководителей страны, лишенных общественной поддержки, провозглашавший лозунги «светлого будущего» для народа и имевший очень высокую поддержку в обществе. Такое состояние было в 1999 г., когда блок «Единство» выиграл парламентские выборы, а К. С. Демирчян стал главой Парламента Армении, и в 2018–2019 гг., после победы революции 2018 г., когда общество было воодушевлено сменой власти С. А. Саркисяна и приходом Н. В. Пашиняна, имевшего рейтинг на уровне 90%.

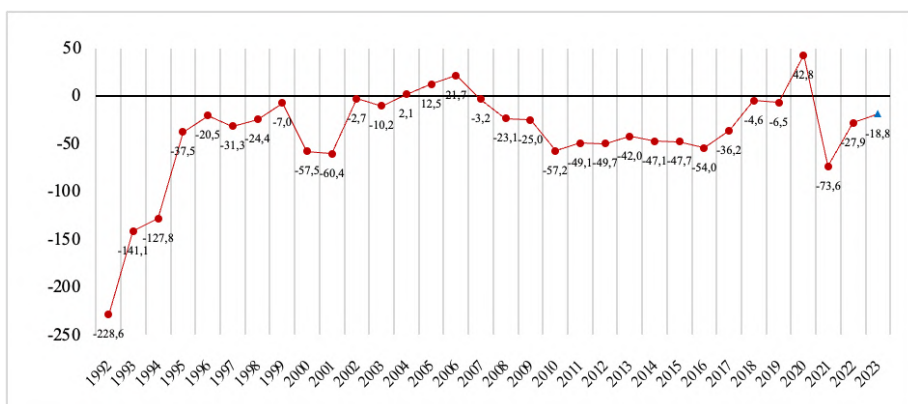

Рис. 1. Миграционный баланс Армении 1992–2022 гг. (тыс. человек)

Fig. 1. Migration balance in Armenia, 1992–2022 (thousand people)

Источник: составлено автором по данным
Статистического комитета Республики Армения⁵

⁵ Данные вычислены по статистике пограничных переходов, публикуемых Статистическим комитетом РА. За 2023 г. представлены прогнозные данные. См.: Социально-экономическое положение Республики Армения в январе-декабре 1999 г. // Статистический комитет Республики Армения : [сайт]. URL: https://armstat.am/file/article/sv_12r_99_52.pdf (дата обращения: 03.01.2024); Демографический сборник РА 2005 г. // Статистический комитет Республики Армения : [сайт]. URL: https://www.armstat.am/file/article/demos_05_7.pdf (дата обращения 03.01.2024); Демографический сборник РА 2010 г. // Статистический комитет Республики Армения : [сайт]. URL: https://armstat.am/file/article/demos_10_7.pdf (дата обращения 03.01.2024); Социально-экономическое положение Республики Армения в январе-декабре 2011 г. // Статистический комитет Республики Армения : [сайт]. URL: https://www.armstat.am/file/article/sv_12_11a_520.pdf (дата обращения 04.01.2024); Социально-экономическое положение Республики Армения в январе-декабре 2013 г. // Статистический комитет Республики Армения : [сайт]. URL: https://www.armstat.am/file/article/sv_12_13a_520.pdf (дата обращения 04.01.2024); Демографический сборник РА 2017 г. // Статистический комитет Республики Армения : [сайт]. URL: https://www.armstat.am/file/article/demog_2017_7.pdf (дата обращения 04.01.2024); Демографический сборник РА 2020 г. // Статистический комитет Республики Армения : [сайт]. URL: https://www.armstat.am/file/article/demog_2020_7.pdf (дата обращения 04.01.2024); Демографический сборник РА 2023 г. // Статистический комитет Республики Армения : [сайт]. URL: https://www.armstat.am/file/article/demog_2023_7.pdf (дата обращения 04.01.2024).

Безусловно, присвоение того или иного значения параметру, определяющему состояние внешне- и внутривнутриполитическое положение Армении, носит субъективный характер, но все же представляется достаточно корректным для использования в модели, поскольку отражает восприятие армянским обществом процессов, происшедших в обозначенный период.

Для более удобных визуальных представлений о динамике миграционного баланса и годового прироста ВВП РА в период 1992–2022 гг. данные отражены на графиках рис. 1 и 2.

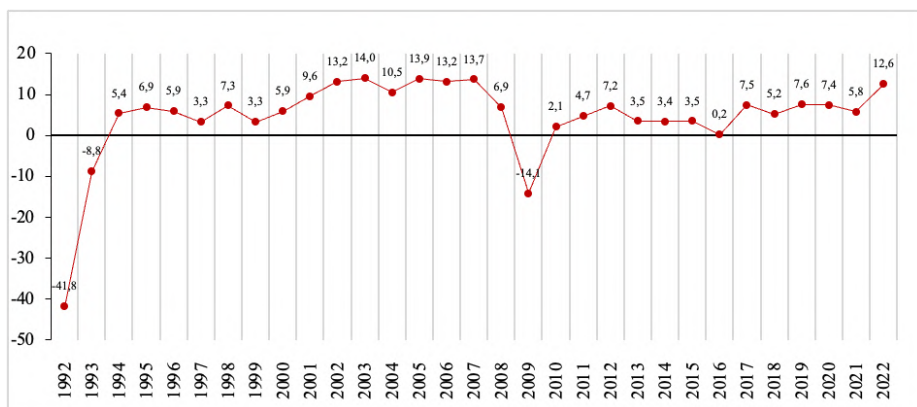

Рис. 2. Годовой прирост ВВП Армении, 1992–2022 гг. (%)

Fig. 2. GDP annual growth in Armenia, 1992–2022 (%)

Источник: составлено автором по данным Всемирного банка⁶

Данные для построения структурных моделей миграционных установок получены в результате выборочного опроса, проведенного в г. Ереване в ноябре 2022 г., т. е. уже после Второй карабахской войны. Исследование проведено силами студентов Армянского государственного педагогического института, обучающихся по специальности «Социология». Генеральная совокупность исследования представлена жителями Еревана в возрасте от 18 лет и старше. Объем выборки составил 226 человек. Выборка по половозрастному составу и географическому распределению населения по районам города репрезентативная. Из-за отсутствия финансирования опрос проводился только в г. Ереване и со сравнительно небольшой выборкой. Однако отметим, что в армянской столице проживает почти 40% населения страны⁷. Кроме того, уточним, что миграционные установки в Армении в различных типах поселений мало отличаются друг от друга. Например, в 2016 г. в Ереване готовность населения к эмиграции была на уровне 41%, в остальных городах Республики – 44%, в сельской местности – 45%⁸, а в 2021 г. соот-

⁶ GDP growth (annual %) – Armenia // The World Bank Data : [site]. <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=AM> (accessed on 04.01.2024).

⁷ В это число входит зарегистрированное постоянное население города, а также жители регионов страны, переехавшие на заработки и не зарегистрированные, но постоянно живущие в столице. Согласно исследованию «Качество жизни в Армении 2016», в Ереване 13,6% населения проживали не в своих квартирах // См. Манукян С. А. Kyanqi oraki hetazotowt'youwn 2016 [Исследование качества жизни в Армении 2016] / По заказу Правительства РА. 05.05.2017 // Правительство Республики Армения : [сайт]. URL: https://www.gov.am/u_files/file/documents/IPSC_Q%D6%85LI%207-16_Final%20Report_05_05_2017_Website.pdf (дата обращения: 13.01.2024).

⁸ Там же.

ветственно – 36%, 33% и 31%⁹. Исходя из этого, можно утверждать, что опрос достаточно точно отражает миграционные установки не только населения столицы, но и может быть интерпретирован как характерный для Армении в целом, что может быть подтверждено в ходе дальнейших исследований.

Метод моделирования структурными уравнениями (SEM – Structural Equation Modeling) – мощный и гибкий статистический метод, который интегрирует в себе регрессионные, путевые (Path Analysis) и факторные модели. Для построения структурных моделей миграционных установок использован статистический пакет IBM SPSS Amos 23.0.0.

Результаты

Регрессионная модель динамики миграционного баланса

Линейная регрессионная модель зависимости миграционного баланса от темпов роста ВВП, внутривнутриполитического и внешнеполитического состояния страны представлена в табл. 2. Модель статистически значима: $F(3, 26) = 46.956$, $p = 0.000$, т. е. отвергается гипотеза, что коэффициенты регрессии одновременно равны нулю.

Таблица 2

Линейная регрессионная модель миграционного баланса Армении, 1992–2022 гг.

Table 2

Linear regression model of the migration balance in Armenia, 1992–2022

Переменные модели	Нестандартизированные коэффициенты		Стандартизированный коэффициент Beta	t	Уровень значимости	0.95% доверительный интервал для B	
	B	Стандарт. ошибка				нижний предел	верхний предел
Константа	-37 880	5 298	-	-7.15	0.000	-48 770	-26 990
Темпы роста ВВП	2509	421	0.533	5.966	0.000	1 644	3 373
Внешиполитическое состояние	-32 859	6 480	-0.466	-5.071	0.000	-46 178	-19 540
Внутриполитическое состояние	7 355	3 362	0.175	2.188	0.038	445	14 265

Источник: рассчитано автором

Влияние всех трех независимых переменных модели статистически значимы (табл. 1, столбец «Уровень значимости»). В модели $R^2=0.844$, т. е. модель объясняет 84.4% дисперсии реальных значений миграционного баланса. На рис. 3 представлен график соответствия реальных и прогнозных значений миграционного баланса.

Структурные модели миграционных установок

Структурные модели миграционных установок, построенные на основе социологического исследования, проведенного в г. Ереване в ноябре 2022 г., приведены на рис. 4 и 5.

В моделях зависимой переменной является «Миграционная установка», которая определялась вопросом: «Уехали бы Вы навсегда из Армении, если бы знали, что за границей найдете работу и достойную жизнь?». По результатам исследования 46% опрошенных имели соответствующие миграционные установки. Для сравнения: в

⁹ Рассчитано по базе данных исследования «Кавказский Барометр 2021» // Caucasus Research Resource Centers (CRRC): [сайт]. URL: <https://caucasusbarometer.org/en/downloads/> (дата обращения: 13.01.2024).

2016 г. в г. Ереване такие установки были на уровне 42%, а в 2021 г. – 36%. Следует также принять во внимание, что по данным социологического опроса «Кавказский Барометр 2019»¹⁰, 83% жителей г. Еревана имели близкого родственника, проживающего за границей, что значительно облегчает адаптацию мигрантов в новых местах.

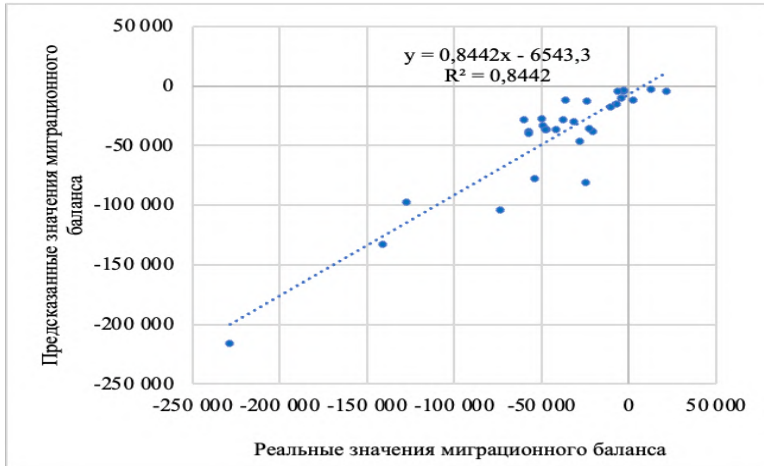

Рис. 3. Реальные и прогнозные значения миграционного баланса Армении, 1992–2022 гг.

Fig. 3. Real and predicted migration balance in Armenia, 1992–2022

Источник: составлено автором

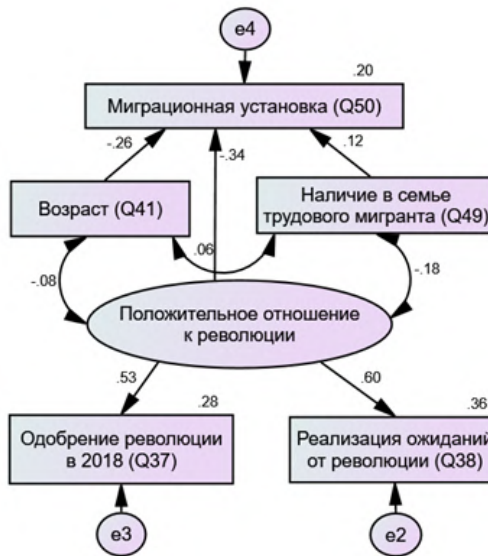

Рис. 4. Структурная модель № 1 миграционных установок в г. Ереване

Fig. 4. Structural model No. 1 of the migration attitudes in Yerevan

Источник: составлено автором

¹⁰ «Кавказский Барометр 2021» // Caucasus Research Resource Centers (CRRCC) : [сайт]. URL: <https://caucasusbarometer.org/en/downloads/> (дата обращения: 13.01.2024).

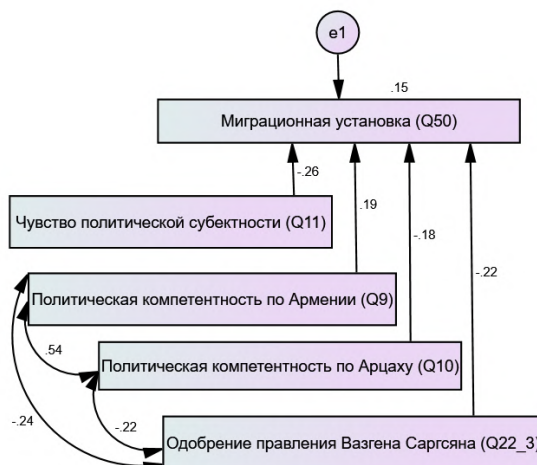

Рис. 4. Структурная модель № 2 миграционных установок в г. Ереване
Fig. 4. Structural model No. 2 of the migration attitudes in Yerevan

Источник: составлено автором

Оценки адекватности моделей представлены в табл. 3. В столбце «Критическое значения для адекватности» приведены условия, при выполнении которых модели следует признать адекватными. Как видно из таблицы, все значения критериев адекватности обеих моделей находятся в области релевантности. Следовательно, обе модели адекватны и пригодны для интерпретации.

Таблица 3

Критерии адекватности структурных моделей

Table 3

Criteria for the adequacy of the structural model

Критерии адекватности модели	Значения критериев модели рис. 4	Значения критериев модели рис. 5	Критическое значение для адекватности
CMIN/DF	0.653	0.350	< 3
NFI	0.979	0.991	≥ 0.9
RFI	0.840	0.955	≥ 0.9
IFI	1.012	1.017	≥ 0.9
TLI	1.112	1.095	≥ 0.9
CFI	1.000	1.000	≥ 0.95
RMSEA	0.000	0.000	< 0.05

Источник: рассчитано автором

Верхняя часть структурной модели № 1, представленной на рис. 4, представляет линейную регрессионную модель, которая объясняет зависимость наблюдаемой переменной «Миграционная установка» от трех независимых переменных – «Возраст [респондента]», «Наличие в семье [респондента] трудового мигранта» и «Положительное отношение [респондента] к революции [2018 года]». При этом первые две – это наблюдаемые переменные, непосредственно полученные в результате проведенного опроса. В структурных моделях они изображаются в прямоугольниках. Третья переменная – «Положительное отношение к революции» – ненаблюдаемая переменная. Это фактор, сконструированный из трех наблюдаемых переменных – «Одобрение

ние революции [респондентом] в 2018 г.»¹¹, «Реализация ожиданий [респондента] от революции», а также самой переменной «Миграционная установка». Факторы в структурных моделях изображаются в овалах.

В регрессионной модели односторонние стрелки направлены от независимых переменных к зависимой переменной. Числа возле этих стрелок – это стандартизированные регрессионные коэффициенты модели. Они показывают силу воздействия независимых переменных на зависимую переменную. Если коэффициент положительный, то зависимая переменная изменяется в том же направлении (рост или снижение), что и независимая.

В факторной модели односторонние стрелки направлены от ненаблюдаемой переменной (фактора) к наблюдаемым переменным. Это может показаться странным, так как ненаблюдаемый фактор вычисляется посредством наблюдаемых переменных. Однако в концепции факторного анализа фактор является ментальной конструкцией в представлениях человека, которая совместно с другими конструкциями генерирует реакции (т. е. ответы) на воздействия (т. е. вопросы анкеты). Поэтому стрелки направлены от фактора к наблюдаемым переменным. Около этих стрелок представлены стандартизированные регрессионные коэффициенты, которые показывают, насколько изменяется соответствующая наблюдаемая переменная, когда фактор изменяется на одно стандартное отклонение.

Двусторонние стрелки в модели показывают наличие корреляции между соответствующими переменными. Они имеют достаточно малые значения и не свидетельствуют о мультиколлинеарности. Их учет, как правило, повышает адекватность модели.

Переменные e_2 , e_3 и e_4 – это ошибки измерения переменных «Реализация ожиданий от революции», «Одобрение революции в 2018 г.» и «Миграционная установка». Ошибки измерения влияют на значения соответствующих переменных, поэтому стрелки направлены от них к измеряемым переменным.

Модель на рис. 4 объясняет 20% дисперсии переменной «Миграционная установка» в Ереване (т. е. R^2 регрессионной модели). Это число (0,20) указано справа сверху прямоугольника зависимой переменной «Миграционная установка».

Важной особенностью модели является то, что она указывает, что в умах людей в Армении существует ментальный комплекс, который объединяет их отношения к революции 2018 г. и миграционные установки. Когда положительное восприятие революции растет, то готовность к миграции снижается, а когда положительные установки к революции снижаются, то миграционная установка растет. Стандартизированный регрессионный коэффициент влияния фактора «Положительная установка к революции» на «Миграционную установку» самый большой и равен -0,34. Вторая по силе независимая переменная модели – возраст респондента. Молодые респонденты имеют более высокую склонность к миграции (стандартизированный регрессионный коэффициент равен -0,26). Третья по силе – «Наличие в семье трудового мигранта», его наличие повышает миграционные установки (стандартизированный регрессионный коэффициент равен 0,12).

Вторая структурная модель, представленная на рис. 5, описывает другой аспект влияния на «Миграционную установку», а именно – влияние элементов политической культуры. Хотя модель построена методом моделирования структурными урав-

¹¹ Многие люди, которые в 2018 г. с восторгом воспринимали революцию, после тяжелого поражения во Второй карабахской войне 2020 г. изменили свое отношение к революции.

нениями, моделирование привело к линейной регрессии (ненаблюдаемые переменные (факторы) не были обнаружены). Эта модель объясняет 15% дисперсии миграционных установок. Коэффициенты модели показывают, что чем выше у людей «Чувство политической субъектности» (т. е. чувство, что их голос и действия способны повлиять на политику властей), тем ниже миграционные установки (стандартизированный регрессионный коэффициент равен $-0,26$). Чем выше «Чувство политической компетентности» (т. е. самооценка понимания происходящих в стране событий), тем выше миграционные установки (стандартизированный регрессионный коэффициент равен $0,19$). Эта переменная отражает недоверие человека к властям и отрицательные ожидания от будущего. Чем выше «Чувство политической компетентности» о происходящих событиях в Нагорном Карабахе, тем ниже вероятность миграционной установки (стандартизированный регрессионный коэффициент равен $-0,18$). Очевидно, что после военной операции Азербайджана 19 сентября 2023 г., завершившейся полной капитуляцией Нагорно-Карабахской Республики (НКР), вследствие чего практически все население НКР, изможденное длительной блокадой, и под воздействием опасений за собственную жизнь покинуло Республику, данный фактор потерял свою объясняющую силу. Еще за год до событий, в 2022 г., он был связан с установкой, что российский миротворческий контингент обеспечит безопасность НКР. И последняя независимая переменная модели «Одобрение правления [премьер-министра Армении] В. З. Саркисяна», погибшего вследствие террористического акта в 1999 г., снижает миграционные установки (стандартизированный регрессионный коэффициент равен $-0,22$). В общественном сознании его образ ассоциировался с бескомпромиссным подходом к решению вопроса о статусе Нагорно-Карабахской Республики. Этот фактор можно интерпретировать таким образом, что высокий уровень патриотических настроений снижает миграционные установки.

При моделировании автором были рассмотрены дополнительно несколько десятков других параметров, не вошедших в итоговые модели. Это связано с тем, что объем выборки не позволил добиться достаточного уровня достоверности. Среди них – факторы экономического и социального состояния семьи, фактор досуга, факторы экономического, социального, инфраструктурного и управленческого состояния страны, факторы правовой, физической и социальной депривации, фактор политического участия, факторы субкультурной, классовой и социально-экологической напряженности. Некоторые из них могут быть включены в разработанные автором модели в будущем – после проведения новых исследований на большей выборке.

Обсуждение

На основе разработанных моделей были составлены прогнозы миграционного баланса для 2023 г., а также нескольких гипотетических сценариев развития событий в Армении и вокруг нее, которые приведены в табл. 4.

Рассмотрим прогноз миграционного баланса на 2023 г. По итогам года рост ВВП Армении прогнозируется на уровне 7%¹².

После начала военной операции Азербайджана в Нагорно-Карабахской Республике 19 сентября 2023 г., в течение десяти дней в Армению переехало все население

¹² МВФ повысил прогноз роста ВВП Армении в 2023г до 7%. // Интерфакс : [сайт]. URL: <https://www.interfax.ru/business/925077> (дата обращения: 13.01.2024).

Карабах – 100 625 человек¹³, что составляет 3.8% от фактического населения Республики Армения¹⁴. Вследствие чего возникло множество социально-экономических проблем. Впрочем, это сдержало общество от сильных волнений. Т. е. значение переменной «Внутриполитическое состояние Армении» было «Уравновешенное».

Таблица 4

Сценарные прогнозы миграционного баланса Армении

Table 4

Scenario forecasts of the migration balance in Armenia

Сценарии	Годовой прирост ВВП, %	Внешнеполитическое состояние	Внутриполитическое состояние	Миграционный баланс
Прогноз на 2023 г.	7	Перемирие	Уравновешенное	-20 317
Сценарий 1	0	Перемирие	Уравновешенное	-37 880
Сценарий 2	5	Перемирие	Уравновешенное	-25 335
Сценарий 3	7	Перемирие	Латентный конфликт	-27 672
Сценарий 4	10	Перемирие	Уравновешенное	-12 790
Сценарий 5	13	Перемирие	Приподнятые ожидания	2 092
Сценарий 6	5	Война	Уравновешенное	-58 194
Сценарий 7	5	Интенсивная война	Латентный конфликт	-98 408

Источник: рассчитано автором

Сентябрьская 2023 г. военная операция Азербайджанской Республики в НКР продлилась полтора дня. Отношение правительства Армении к ней можно охарактеризовать как «это не наша война». Проходили переговоры с Азербайджаном о мире и делимитации границ. Поэтому обществом данная вооруженная акция была воспринята таким образом, который делает невозможным присвоение параметра «Война». Следовательно, для прогноза 2023 г. в модели значение переменной «Внешнеполитическое состояние Армении» следует определить как «Перемирие».

При перечисленных условиях прогноз миграционного баланса Армении на 2023 г. составит 20 317 человек оттока населения.

В остальных строках табл. 4 приведены прогнозы миграционного баланса для нескольких сочетаний независимых переменных. Так, в сценарии 1 модель предсказывает, что при нулевом годовом приросте ВВП, «Перемирии» во внешнеполитическом состоянии и «Уравновешенном» внутриполитическом состоянии миграционный баланс будет соответствовать оттоку населения в 37 154 человека (или с вероятностью 95% будет находиться в диапазоне от 48 770 до 26 990 человек).

Выводы

Построенные модели, объясняющие миграционную динамику и миграционные установки в Республике Армения, адекватно отражают мобильность населения страны в зависимости от изменения используемых в них факторов (переменных). Они могут быть применены в стратегическом прогнозировании и управлении не только в демографической сфере, но и в вопросах социально-экономического планирования,

¹³ Из Нагорного Карабаха в Армению переехали 100625 вынужденных переселенцев // Armenpress : [сайт] URL: <https://armenpress.am/rus/news/1121102.html> (дата обращения: 13.01.2024).

¹⁴ О предварительных результатах Переписи населения РА 2022 // Статистический комитет Республики Армения [сайт]. URL: <https://armstat.am/file/doc/99537288.pdf> (дата обращения: 13.01.2024).

бюджетирования и иных аспектах государственного управления.

Армения – небольшая, уязвимая в военном, экономическом и политическом аспекте страна, которая находится в неустойчивом геополитическом регионе. В информационном поле Республики систематически появляются публикации о большой вероятности новой войны, но уже в самой Армении. Не исключено, что эта тема информационного воздействия на армянское общество будет продолжаться. Ввиду чего общие настроения в обществе и миграционные настроения должны периодически измеряться в контексте внутри- и внешнеполитической обстановки.

Следует также учитывать, что рост ВВП страны, который в модели является наиболее важной переменной, сильно связан с внешними по отношению к Армении факторами. В частности, нужно принимать во внимание то, что специальная военная операция России значительно улучшила экономическое положение Республики Армения. Страна получила возможность задействовать в качестве ресурса для роста реэкспорт в Российскую Федерацию широкого ассортимента товаров – от высокотехнологичной продукции западных государств до подержанных автомобилей и потребительских товаров. Большой приток финансовых ресурсов в экономику Армении обеспечили приблизительно 110 тысяч релокантов из России, что составляет 4,2% от фактического населения Армении. Дополнительный приток средств в армянскую банковскую систему составил 3 млрд долларов США, что обеспечило примерно четверть всего прироста ВВП в 2022 г.¹⁵ Частные трансферты из России в 2022 г. насчитывали 3,6 млрд долларов США. Если в 2021 г. рост ВВП Армении составил 5,8%, то в 2022 г. уже 14,2%¹⁶, однако в 2023 г. он прогнозируется на уровне 7%.

Нельзя исключить возможность возникновения внутривнутриполитических волнений, так как после 44-дневной войны 2020 г. лояльность к властям сильно пошатнулась. Вместе с тем в ближайшие несколько лет вероятность смены или преобразования власти мала, ибо доверие к партийной системе в целом чрезвычайно низкое. В этом контексте показательны результаты выборов в Совет старейшин г. Еревана 17 сентября 2023 г., в которых приняли участие всего 28,4% избирателей. Правящая партия «Гражданский договор» получила 32,6% голосов от участвовавших в выборах, или 9,2% от имеющих право голосовать. Доверие к двум основным оппозиционным партиям еще ниже. Партия «Национальный прогресс» набрала 18,9% (или 5,4% голосов всех избирателей), а блок «Мать Армения», ассоциирующаяся со вторым Президентом Армении Р. С. Кочаряном, получила 15,4% (или 4,4% всех избирателей)¹⁷. Вместе с тем в зависимости от того, какая часть беженцев из НКР останется в Армении, и какая их часть получит гражданство, зависит развитие внутривнутриполитических процессов в стране, тем более что в эти процессы в значительной степени вовлечены некоторые глобальные и региональные державы.

Анализ динамики миграционного баланса последних 30 лет, сегодняшний внешнеполитический, внутривнутриполитический и экономический контекст, разочарование армянского общества в революционных ожиданиях, разрушенная старая картина мира, в котором образ «покровителя» был связан с Россией, неопределенная новая картина мироздания и будущего самой Армении дают основания утверждать,

¹⁵ В Армении остались жить около 110 тысяч релокантов из России // Интерфакс : [сайт]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/891304> (дата обращения: 13.01.2024).

¹⁶ ВВП Армении в 2022 году вырос на 14,2% // Интерфакс : [сайт]. URL: <https://www.interfax.ru/business/884025> (дата обращения 13.01.2024).

¹⁷ ЦИК РА подвела итоги выборов в Совет старейшин Еревана // ARMENPRESS : [сайт]. URL: <https://armenpress.am/rus/news/1120393.html> (дата обращения: 13.01.2024).

что по крайней мере в течение предстоящих нескольких лет наиболее вероятно продолжение оттока населения из страны. Снижение этого показателя или переход к миграционному приросту возможен лишь за счет армянской диаспоры, которая насчитывает приблизительно семь миллионов человек.

С другой стороны, в Армении просматривается новая интенсивно возрастающая тенденция притока неквалифицированной дешевой рабочей силы из Республики Индия. В ноябре 2023 г. количество трудовых мигрантов из Индии составило приблизительно 30 000 человек¹⁸. Они преимущественно заняты в сфере услуг, строительстве и сельском хозяйстве. Одновременно в III квартале 2022 г. количество безработных в Армении насчитывало 158 тыс. человек. Систематическое замещение рабочей силы в стране низкооплачиваемыми трудовыми мигрантами будет сдерживать рост зарплат и станет дополнительным выталкивающим фактором для армянского населения. Поэтому нельзя исключить того, что значительное изменение этнической структуры населения Республики Армения превратится не только во внутривнутриполитическую, но и во внешнеполитическую проблему.

Список литературы

1. *Kline, R. B. Principles and Practice of Structural Equation Modeling* (4th ed.). New York : The Guilford Press, 2016. 534 p. ISBN 978-1-4625-2334-4.
2. *Аракелян, И. А. Динамика и структура трудовой миграции из Армении / И. А. Аракелян, Р. М. Погосян // Sciences of Europe. 2022. № 87-2(87). С. 58–63. DOI [10.24412/3162-2364-2022-87-2-58-63](https://doi.org/10.24412/3162-2364-2022-87-2-58-63). EDN [UTEYXQ](https://www.edn.ru/UTEYXQ).*
3. *Даллакян, С. А. Регулирование процесса выезда эмигрантов из Республики Армения // Научное обозрение. Экономические науки. 2019. № 2. С. 5–10. EDN [NOCVQD](https://www.edn.ru/NOCVQD).*
4. *Айрапетян А. С. Миграционная политика Республики Армения: Теоретические и прикладные проблемы конституционно-правового регулирования: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Российско-армянский университет. Ереван, 2022. 30 с.*
5. *Grigoryan, A. Remittances and Emigration Intentions: Evidence from Armenia / A. Grigoryan, K. Khachatryan // International Migration. 2022. Vol. 60, Issue 6. Pp. 198–234. DOI [10.1111/imig.12980](https://doi.org/10.1111/imig.12980). EDN [TDSQJK](https://www.edn.ru/TDSQJK).*
6. *Agadjanian, V. Embedding or Uprooting? The Effects of International Labour Migration on Rural Households in Armenia. / V. Agadjanian, A. Sevoyan // International Migration. 2014. No 52. Pp. 29–46. DOI [10.1111/imig.12058](https://doi.org/10.1111/imig.12058).*
7. *Dalaryan, A. Analysis of Factors Influencing the Intentions to Migrate from Rural Areas of Armenia and Georgia Using Caucasus Barometer 2015. // Analytical Bulletin. 2017. № 1 (10). Pp. 65–84.*
8. *Нуреев, Р. М. Факторный анализ причин миграции населения Республики Армения в начале XXI века / Р. М. Нуреев, А. Г. Манукян // Journal of Economic Regulation. 2012. Т. 3, № 3. С. 11–27. EDN [PDTFME](https://www.edn.ru/PDTFME).*
9. *Манукян С. А., Динамика миграционных настроений в Армении в 2012–2015 гг. // 21-й Век, Информационно-аналитический журнал. 2017. № 1 (42). С. 26–41.*

Сведения об авторе

Манукян Самвел Аршалуйсович, кандидат социологических наук, доцент, Ереванский государственный университет; аналитик, аналитический центр «Орбели», Центр общественных связей и информации аппарата Премьер-министра Республики Армения, Ереван, Армения.

Контактная информация: e-mail: samvelmanukyana@gmail.com; ORCID ID: [0000-0002-9332-8640](https://orcid.org/0000-0002-9332-8640).

Статья поступила в редакцию 22.12.2023; принята в печать 26.02.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

¹⁸ Ваан Керобян. В Армении число трудовых мигрантов из Индии не превышает 30 тыс. человек // ARMINFO : [сайт]. URL: https://finport.am/full_news.php?id=49261 (дата обращения 13.01.2024).

MATHEMATICAL MODELS OF MIGRATION BALANCE AND MIGRATION ATTITUDES IN ARMENIA

Samvel A. Manukyan

Yerevan State University, Yerevan, Armenia

E-mail: samvelmanukyana@gmail.com

For citation: Manukyan, Samvel A. Mathematical Models of Migration Balance and Migration Attitudes in Armenia. DEMIS. Demographic Research. 2024. Vol. 4, No. 1. Pp. 23–39. DOI [10.19181/demis.2024.4.1.2](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.2).

Abstract. The purpose of the study is to provide a quantitative explanation of the migration balance and migration attitudes in Armenian society. A linear regression model has been constructed to explain the dependence of the migration balance on variables at the macro level, including annual GDP growth, the internal and external political state of Armenia. Data from the Armenian Statistical Service on statistics of border movements and annual GDP growth were used. The foreign policy state is represented by a variable taking the values “Truce”, “War”, and “Intense War”. The internal political state is represented by a variable taking the values “Open conflict”, “Latent conflict”, “Balanced”, “Positive expectations”, and “High expectations”. Based on the model, an estimate of the migration balance for 2023 was calculated. According to a sociological survey conducted in November 2022 using the structural modeling method (Structural Equation Modeling), two models were built that explain migration attitudes in society through the socio-economic characteristics of the respondent and characteristics of his political culture, including: the presence of a labor migrant in the family, the age of the respondent, approval of the 2018 revolution in Armenia, the realization of expectations from the revolution, a sense of political competence, political subjectivity and patriotism. The results of the study can be used to forecast the migration balance and migration attitudes in the society, as well as strategic planning and management of migration processes in Armenia.

Keywords: migration balance, Armenia, post-Soviet period, migration attitudes, regression model, structural models, First Nagorno-Karabakh war, Second Nagorno-Karabakh war, forecasting, strategic planning, strategic management

References

1. Kline R. B. *Principles and practice of structural equation modeling* (4th ed.). New York : The Guilford Press, 2016. 534 p. ISBN 978-1-4625-2334-4.
2. Arakelyan, I. A. Dynamics and Structure of Labor Migration from Armenia / I. A. Arakelyan, R. M. Poghisyan. *Sciences of Europe*. 2022. No 87-2 (87). Pp. 58–63. DOI [10.24412/3162-2364-2022-87-2-58-63](https://doi.org/10.24412/3162-2364-2022-87-2-58-63). (In Russ.).
3. Dallakyan, S. A. Regulation of the Process of Exiting Emigrants from the Republic of Armenia. *Scientific review. Economic Sciences*. 2019. No 2. Pp. 5–10. (In Russ.).
4. Hayrapetyan, A. S. *Migracionnaya politika Respubliki Armeniya: Teoreticheskie i prikladnye problemy konstitucionno-pravovogo regulirovaniya. [Migration Policy of the Republic of Armenia: Theoretical and Applied Problems of Constitutional and Legal Regulation] Abstract of the Dissertation for the Degree of Doctor of Law*. Russian-Armenian University. Yerevan, 2022. 30 p. (In Russ.).
5. Grigoryan, A. Remittances and Emigration Intentions: Evidence from Armenia / A. Grigoryan, K. Khachatryan. *International Migration*. 2022. Vol. 60, Issue 6. Pp. 198–234. DOI [10.1111/imig.12980](https://doi.org/10.1111/imig.12980).
6. Agadjanian, V. Embedding or Uprooting? The Effects of International Labour Migration on Rural Households in Armenia. / V. Agadjanian, A. Sevoyan. *International Migration*. 2014. No. 52. Pp. 29–46. DOI [10.1111/imig.12058](https://doi.org/10.1111/imig.12058).
7. Dalaryan, A. Analysis of Factors Influencing the Intentions to Migrate from Rural Areas of Armenia and Georgia Using Caucasus Barometer 2015. *Analytical Bulletin*. 2017. No. 1 (10). Pp. 65–84.
8. Nureev, R. M. Factor Analysis of the Migration Causes in the Republic of Armenia in the Early XXI Century / R. M. Nureev, A. G. Manoogyan. *Journal of Economic Regulation*. 2012. Vol. 3, No. 3. Pp. 11–27. (In Russ.).
9. Manukyan, S. Dinamika migracionnyx nastroyeniy v Armenii v 2012–2015 gg. [Dynamics of Migration Sentiment in Armenia in 2012–2015].”21st Century”, *Information and Analytical Magazine*. 2017. No. 1 (42). Pp. 26–41. (In Russ.).

Bio note:

Samvel A. Manukyan, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Yerevan State University; Analyst, “Orbeli” Analytical Center, Center for Public Relations and Information under the Office of the Prime Minister of the Republic of Armenia, Erevan, Armenia.

Contact information: e-mail: samvelmanukyana@gmail.com; ORCID ID: [0000-0002-9332-8640](https://orcid.org/0000-0002-9332-8640).

Received on 22.12.2023; accepted for publication on 26.02.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

ДЕМОГРАФИЯ РЫНКА ТРУДА

DOI [10.19181/demis.2024.4.1.3](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.3)
EDN [CZSKEV](https://www.czskeve.ru)

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В КРУПНЕЙШИХ ГОРОДАХ РОССИИ В 2019–2021 ГГ.

Топилин А. В.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: topilina@mail.ru*

Для цитирования: Топилин, А. В. Демографические особенности формирования и использования трудовых ресурсов в крупнейших городах России в 2019–2021 гг. // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 1. С. 40–54. DOI [10.19181/demis.2024.4.1.3](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.3). EDN [CZSKEV](https://www.czskeve.ru).

Аннотация. В статье рассмотрены демографические особенности формирования трудового потенциала в городах-миллионниках. Выявлена роль миграции в пополнении ресурсов труда крупнейших городов, что соответствует закону Э. Г. Равенштайна о том, что большие города растут главным образом из-за миграции. Дана оценка демографической ситуации в крупнейших городах на основе показателей демографического благополучия. Установлено, что в период пандемии COVID-19 интенсивность миграционных процессов снизилась, а ее восстановление происходило по городам с неодинаковой скоростью. Осуществлен анализ структурных сдвигов в занятости по укрупненным группам отраслей и видам экономической деятельности – товаропроизводящие отрасли, инфраструктурная и социальная сферы. Проанализированы резервы увеличения занятости населения в крупнейших городах. При этом акцент сделан на повышение трудовой активности внутренних мигрантов, имеющих преимущества по сравнению с привлекаемой иностранной рабочей силой. Зафиксирована значительная дифференциация размеров заработной платы по крупнейшим городам, что создает неодинаковые условия для воспроизводства рабочей силы. Определены рейтинги крупнейших городов по показателям замещения поколений, занятости, безработицы, заработной платы, социальной сферы. Предложена разработка в системе плановых документов стратегического планирования блока показателей, характеризующих достижение демографического благополучия, повышение эффективности использования трудового потенциала крупнейших городов.

Ключевые слова: крупнейшие города, воспроизводство населения, миграция, занятость, безработица, ресурсы труда, стратегическое планирование

Введение

Крупнейшие города играют исключительно важную роль в политической, экономической, культурной и иных сферах жизнедеятельности городского населения. Мегалополисы являются центрами научно-технического прогресса, внедрения новых технологий, роботизации и цифровизации, подготовки научных и инженерных кадров. Вокруг крупнейших городов образуются агломерации, стягивающие население и рабочую силу с близлежащих территорий. К крупнейшим городам относятся населенные пункты с численностью жителей 1 млн и более. В научной литературе как синонимы используются и другие определения крупнейшего города, например, миллионник или мегалополис. В данной статье эти понятия используются как однозначные.

Актуальность работы обусловлена тем, что в период пандемии новой коронавирусной инфекции и антироссийских санкций обострился демографический кризис, отразившийся на обеспечении экономики трудовыми ресурсами. Усилилась возвратная трудовая миграция выходцев из стран СНГ при одновременном росте межрегиональной миграции рабочей силы. Возросла смертность населения в предпенсионном и пенсионном возрастах.

Демографическое благополучие и эффективность использования трудовых ресурсов крупнейших городов определяется не только специализацией производства, за счет чего обеспечивается более высокий уровень производительности труда [1], но и уровнем развития социальной сферы и предоставления услуг населению. В крупнейших городах имеется больше возможностей для трудоустройства населения, получения образования, повышения уровня квалификации. В научной литературе отмечаются и негативные последствия развития крупнейших городов: чрезмерная переуплотненность застройки, значительные затраты времени на проезд к месту работы и обратно, рост нагрузки на социальную сферу, ухудшение экологической обстановки [2]. В результате снижаются демографические показатели, растет заболеваемость населения, значительна смертность от внешних причин – дорожно-транспортных происшествий, самоубийств. Отрицательное воздействие на воспроизводство населения крупнейших городов оказала пандемия COVID-19. Произошел всплеск безработицы, усилилась социальная напряженность. И на фоне этого возникла потребность в обобщении и осмысливании демографических аномалий в развитии крупнейших городов для выработки мер по их преодолению.

Обзор литературы

Проблемам развития городов как многофункциональных комплексов посвящены работы таких российских ученых, как Б. С. Хорев [3], Г. М. Лаппо [4], В. Я. Любовный [5], Е. Н. Перцик [2], Н. В. Зубаревич [6]. К примеру, Б. С. Хорев еще в период плановой экономики занимался изучением демографических и трудовых проблем регулирования роста городов в условиях формирования единой системы расселения в СССР [3]. Другой ученый – В. Я. Любовный – предложил рассматривать крупные города как уникальный агрегат городских поселений, который вбирает в себя значительную часть всего демографического, социального и экономического потенциала регионов [5]. А ученый-урбанист Е. Н. Перцик выделил пять групп осязаемых социально-экономических проблем и негативных последствий, сопровождающих развитие крупнейших городов и агломераций [2]. Среди универсальных причин развития мегагородов были названы демографический взрыв, глобализация и информационная революция [7].

Важнейшим направлением устойчивого функционирования крупнейших городов является наиболее полный учет демографического фактора – воспроизводства населения и миграционных процессов. Эти проблемы исследуются в трудах В. С. Белозерова, Н. В. Сопнева [8], Е. Б. Бедриной [9], Н. В. Мкртчяна [10], Л. Л. Рыбаковского [11], С. В. Рязанцева [12], А. Е. Щура [13]. Отметим предложенный С. В. Рязанцевым теоретический подход к определению демографического благополучия в системе национальной безопасности России [12], который использован нами для оценки ситуации в крупнейших городах. Ученые Н. В. Сопнев и В. С. Белозеров разработали типологию региональных столиц регионов Юга Европейской части России по характеру и интенсивности миграционных процессов [8]. Вопросы миграционного баланса меж-

ду региональными столицами и их пригородами рассматривал Н. В. Мкртчян [10].

В ряде работ отмечается, что растущий уровень урбанизации, развитие научного и технологического потенциала крупнейших городов формируют повышенные требования к качеству трудовых ресурсов и комфортности места проживания [14].

Проблемами управления развитием современного российского мегаполиса занимались В. С. Бочко и Е. А. Захарчук – на примере сопоставления стратегий развития городов Екатеринбурга и Бирмингема [15], А. П. Багирова и О. В. Нотман – на основе применения индексного метода оценки качества городской среды [16]. Вопросы управления культурного многообразия в крупнейших городах, которые отличаются многоэтничностью и наличием большого числа диаспор, проанализированы в книге О. И. Вендиной, Э. А. Паина [17]. Возрастающая роль креативной индустрии как фактора удовлетворения новых потребностей населения показана на примере крупнейших городов Японии [18].

Таким образом, в научной литературе отражены различные аспекты и подходы к изучению многообразия развития современного мегаполиса. В нашей статье рассмотрены демографические особенности формирования трудовых ресурсов крупнейших городов в условиях неустойчивого режима воспроизводства населения.

Данные и методы исследования

В статье использованы данные Всероссийской переписи населения 2020 года по крупнейшим городам, материалы выборочных обследований рабочей силы, балансы трудовых ресурсов по Москве и Санкт-Петербургу. Применены методы группировок, аналогов и сопоставлений, коэффициенты корреляции рангов.

Для анализа особенностей демографической ситуации в крупнейших городах и ее влияния на формирование трудовых ресурсов нами применен методологический подход, разработанный членом-корреспондентом РАН С. В. Рязанцевым и основанный на оценке демографического благополучия страны или региона. При этом под демографическим благополучием на макроуровне понимается сбалансированное соотношение количественных и качественных показателей демографического развития страны (региона) на протяжении минимум пяти лет [12].

Из пяти показателей оценки демографического благополучия для нашего исследования использованы два, по которым имеется статистическая информация по крупнейшим городам: 1 – показатель восходящей динамики численности населения, 2 – показатель положительного естественного и миграционного прироста. Дополнительно к этим показателям для оценки формирования трудовых ресурсов нами рассчитаны коэффициенты замещения поколений как отношение численности молодежи до 16 лет к численности населения старше трудоспособного возраста, а также показатели демографической нагрузки на население в трудоспособном возрасте.

Проведено ранжирование крупнейших городов по степени влияния отдельных социально-экономических показателей на демографическое благополучие их жителей.

Результаты исследования

Особенности воспроизводства населения крупнейших городов

По данным Всероссийской переписи населения 2020 г., в стране насчитывалось 16 крупнейших городов с населением свыше 1 млн человек каждый. Общая численность жителей крупнейших городов составила 37 256 тыс. человек, или 33,9% город-

ского и 25,3% всего населения России. Наиболее быстрыми темпами в период между двумя последними переписями росла численность населения Краснодара – на 43,9%, Красноярска – на 21,6%, Воронежа – на 18,9%, что позволило им в 2020 г. войти в группу городов-миллионников. Однако лидерами по абсолютному приросту численности населения остаются обе столицы – Москва и Санкт-Петербург – 1 506 тыс. и 772 тыс. человек соответственно. Высокие темпы прироста численности населения на уровне столичных – 11–14% – имели Казань, Екатеринбург, Новосибирск. И только в двух крупнейших городах – Нижнем Новгороде и Омске численность населения сократилась на 2,0 и 3,4% соответственно. Обращает на себя внимание тот факт, что за короткий период после переписи 2020 г. численность населения в 10 крупнейших городах сократилась, что связано не только с пандемией, усилением антироссийских экономических санкций, но и проведением мобилизации и увеличением выезда россиян за рубеж.

Демографическая ситуация в крупнейших городах определяется воздействием второй волны депопуляции, начавшейся в 2016 г. В результате усиливаются негативные процессы в формировании трудовых ресурсов крупнейших городов, растет дефицит рабочей силы.

Крупнейшие города отличаются, как правило, суженным характером воспроизводства населения, естественной его убылью при низкой рождаемости и более высокой смертности. Самые неблагоприятные показатели естественного воспроизводства населения имели три города – Волгоград, Нижний Новгород, Воронеж. В 2021 г. в этих городах отмечалась самая низкая рождаемость – 7,8, 8,8 и 9,2 человек на 1 000 жителей при более высоком – в два и более раз коэффициенте смертности – 18,4, 19,1 и 18,3. Такие диспропорции в рождаемости и смертности привели к максимальным показателям естественной убыли населения этих городов – 10,6, 10,3 и 9,1 человек на 1 000 городских жителей. Близкие к этим значениям показатели воспроизводства населения отмечались также в Омске и Самаре. Таким образом в период пандемии новой коронавирусной инфекции естественная убыль населения за счет всплеска смертности во всех крупнейших городах значительно возросла.

Негативные тенденции формирования трудовых ресурсов крупнейших городов частично компенсируются миграцией населения из небольших городов, поселков городского типа и сельской местности. Крупнейшие города являются притягательными центрами как для внешних, так и внутренних мигрантов. Мигранты удовлетворяют потребность отраслей экономики и социальной сферы как в квалифицированной, так и неквалифицированной рабочей силе, способствуют росту экономики крупнейших городов. Так, в Москве миграционный прирост населения за 2019–2021 гг. составил 72,1 тыс. человек, Краснодаре – 51,2 тыс., Санкт-Петербурге – 43,3 тыс., в остальных крупнейших городах – по 20 тысяч и меньше. Исключением стали Челябинск и Омск, в которых наблюдался отток населения – 8,7 тыс. и 19,2 тыс. человек соответственно (см. табл. 1).

Во время пандемии характер миграции в крупнейших городах был крайне неустойчивым. В одних городах – Красноярске, Волгограде, Уфе, Краснодаре, Казани, Санкт-Петербурге миграционный прирост не только восстановился, но и значительно возрос. В других миллионниках – Москве, Екатеринбурге, Перми, Самаре миграционный прирост уменьшился. Такая неоднозначная ситуация складывалась в зависимости от масштабов распространения пандемии, оперативности оказания медицинской помощи, мер федеральных органов и местных властей по регулирова-

нию миграционных процессов. В целом же пандемия привела к снижению миграционной активности населения. Если в 2012 г. коэффициент миграционного прироста населения Москвы был равен 89 на 10 000 жителей, а Санкт – Петербурга – 148 на 10 000, то в 2019 г. он снизился до 38 и 27 соответственно, то есть в несколько раз. После пандемии коэффициент миграционного прироста в Москве и ряде других городов оставался значительно ниже, чем в 2019 г.

Для 2021 г. характерна значительная дифференциация крупнейших городов по коэффициенту миграционного прироста. На одном полюсе – Москва, Нижний Новгород, Самара, Екатеринбург, имеющие коэффициент 18,1–26,2 на 10 000 человек, на другом – Краснодар – 249,2, Красноярск – 134,1 и Уфа – 130,4 на 10 000 человек соответственно. При этом увеличение миграционного сальдо по сравнению с 2019 г. имело место только в восьми крупнейших городах: Красноярске – в 6,1 раза, в Уфе – более чем в три раза, в Краснодаре – в 2,6 раза, в Казани – в 2,3 раза и т. д.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что демографическая ситуация в крупнейших городах характеризуется как неблагоприятная. Выделяются три группы крупнейших городов по этому показателю (см. табл. 1).

Таблица 1

Показатели общего, естественного и миграционного прироста крупнейших городов России

Table 1

Indicators of general, natural and migration population change of the largest cities of Russia

Города	Численность населения 2021 г. (% к 2019 г.)	Общий прирост населения (%)			Естественный прирост на 1 000 человек населения			Миграционный прирост (человек)		
		2019	2020	2021	2019	2020	2021	2019	2020	2021
1 группа										
Краснодар	115,8	11,3	1,6	2,4	4,0	1,9	-1,8	10 055	14 589	26 466
2 группа										
Екатеринбург	102,9	2,9	0,1	-0,1	0,9	-1,9	-3,8	9 195	7 336	3 953
Уфа	101,0	0,4	-0,3	0,8	0,1	-3,5	-5,0	4 466	1 125	14 765
Красноярск	100,8	0,0	-0,1	0,9	0,8	-2,0	-4,2	-2 431	1 523	14 780
Казань	100,6	0,4	0,0	0,2	2,9	-0,7	-1,9	1 822	781	4 247
Новосибирск	100,2	0,5	-0,3	0,1	-0,5	-3,8	-5,1	8 388	713	9 456
Ростов-на-Дону	100,2	0,4	0,0	-0,3	-1,3	-4,2	-7,7	6 140	5 162	5 722
Москва	100,16	0,5	-0,2	-0,2	1,2	-2,0	-3,3	47 600	1 600	22 900
3 группа										
Санкт-Петербург	99,9	0,3	-0,3	-0,9	-0,1	-3,3	-5,7	14 500	5 300	23 900
Нижний Новгород	99,9	1,4	-0,6	-0,8	-3,8	-7,1	-10,3	3 447	1 177	2 345
Воронеж	99,6	0,4	-0,7	-0,2	-2,2	-5,1	-9,1	6 475	-2 198	7 693
Пермь	98,9	0,1	-0,6	-0,6	-1,3	-4,5	-6,1	2 808	-1 307	-135
Волгоград	98,8	-0,4	-0,4	-0,4	-3,9	-7,3	-10,1	-530	3 391	7 033
Самара	98,4	0,0	-1,0	-0,7	-3,1	-7,4	-9,6	3 665	-3 016	2 789
Челябинск	98,2	-0,4	-0,8	-0,7	-0,6	-4,2	-5,5	-3 274	-3 269	-2 083
Омск	96,7	-0,9	-1,3	-1,2	-2,2	-6,1	-8,3	-7 732	-7 110	-4 369

Источник: рассчитано автором по данным Росстата¹

¹ Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13206> (дата обращения: 13.01.2024).

Данные таблицы свидетельствуют о том, что в зоне относительного демографического благополучия в 2019–2021 гг. находился лишь один город Краснодар, за исключением 2021 г., когда отмечалась незначительная естественная убыль населения. Краснодар буквально ворвался в когорту крупнейших городов за несколько лет до переписи населения 2020 года. Важную роль в развитии города играет его расположение в благоприятных природно-климатических условиях, привлекающих мигрантов из различных российских регионов. Прирост численности населения Краснодара в период 2019–2021 гг. достиг 15,8%, намного опередив Екатеринбург, занимающий по темпам прироста второе место. Основной вклад в увеличение числа жителей Краснодара внесла миграция, сальдо которой за три года возросло в два раза, достигнув в 2021 г. 26,5 тыс. человек.

Крупнейшие города, входящие во вторую группу, находятся в зоне риска, имея незначительный общий прирост населения при нестабильных показателях естественного движения и компенсирующего эффекта миграционного прироста. В третьей группе ситуация уже критическая – в 6 городах естественная убыль не компенсируется миграцией, а два города – Челябинск и Омск несут потери населения как в результате естественной убыли, так и за счет отрицательного миграционного прироста.

Суженное воспроизводство населения крупнейших городов (т. е. устойчивое превышение уровня смертности над уровнем рождаемости) сопровождается старением населения. В частности, в Москве доля лиц старше трудоспособного возраста, достигнув в предпандемный 2019 г. 28,3%, в 2021 г. из-за высокой смертности пенсионеров снизилась до 26,4. Такая же ситуация в период пандемии наблюдалась и в других крупнейших городах, однако она носила временный характер. Доля молодежи в возрасте до 16 лет в крупнейших городах, как правило, меньше, чем в среднем по России, что обусловлено более низкой рождаемостью населения в этих городах. В ряде городов – Воронеже, Москве, Санкт-Петербурге, Волгограде, Ростове-на-Дону – доля молодежи составляет 15,8–16,6%, а в других городах она выше, достигая максимума 20,0–20,9% в Краснодаре, Уфе и Казани.

Разнонаправленное движение численности населения возрастной группы до 16 лет и старше трудоспособного возраста в крупнейших городах приводит к увеличению дифференциации двух взаимосвязанных показателей: коэффициента демографической нагрузки и коэффициента замещения поколений. Первый показатель отражает демографическую ситуацию на данный момент времени, второй дает возможность оценить перспективы изменения пропорций между укрупненными возрастными группами. Крупнейшие города ранжированы по коэффициенту замещения поколений (см. табл. 2).

По коэффициенту замещения поколений выделяются три группы крупнейших городов. В первую группу входят города Красноярск, Краснодар, Уфа, Казань и Екатеринбург с коэффициентом замещения 0,91–0,99. В этих городах повышенная доля молодежи до 16 лет, по сравнению с остальными городами, и пониженная доля лиц старших возрастов. Во второй группе – четыре крупнейших города с более низким коэффициентом замещения поколений 0,77–0,89. Здесь доля молодежи до 16 лет ниже, чем в городах первой группы, а доля лиц старшего поколения, наоборот, выше. Самая неблагоприятная ситуация, с точки зрения перспектив формирования трудового потенциала, складывается в третьей группе. Коэффициент замещения поколений в городах этой группы самый низкий – 0,60–0,71 при минимальной доле моло-

дежи и максимальном удельном весе лиц старших возрастов. В эту группу входят обе столицы – Москва и Санкт-Петербург.

Таблица 2

**Население крупнейших городов России
по укрупненным возрастным группам в 2021 г.**

Table 2

Population of the largest cities in Russia by enlarged age groups in 2021

Города	Коэффициент замещения поколений	Население в возрасте 0–15 лет	Население в трудоспособном возрасте	Население старше трудоспособного возраста	Демографическая нагрузка на 1000 человек трудоспособного возраста
1 группа					
Красноярск	0,99	18,9	61,9	19,2	615
Краснодар	0,98	20,0	59,6	20,4	677
Уфа	0,98	20,1	59,4	20,5	683
Казань	0,95	20,9	57,1	22,0	751
Екатеринбург	0,91	19,4	59,4	21,2	685
2 группа					
Пермь	0,89	19,4	58,8	21,8	701
Челябинск	0,84	18,9	58,7	22,4	704
Новосибирск	0,83	18,5	59,4	22,1	682
Омск	0,77	18,3	58,1	23,6	721
3 группа					
Н. Новгород	0,71	17,5	58,1	24,4	720
Ростов-на-Дону	0,69	16,0	60,7	23,3	647
Самара	0,68	17,3	57,3	25,4	744
Воронеж	0,67	16,5	59,0	24,5	694
Санкт-Петербург	0,65	16,6	57,8	25,5	727
Волгоград	0,64	16,2	58,7	25,1	705
Москва	0,60	15,8	57,8	26,4	730

Источник: рассчитано автором по данным Росстата²

Особенности демографической ситуации в период кризиса отразились на уровне и структуре занятости населения. Вместе с тем крупнейшие города сохранили более высокий уровень занятости, чем в среднем по России. В 2022 г., по данным обследования Росстата, уровень занятости населения в возрасте 15 лет и старше составил в Москве 65,8%, в Санкт-Петербурге – 66,9%, тогда как в среднем по России – 59,8%.

Для выявления основных тенденций в динамике занятости все виды экономической деятельности по классификации ОКВЭД-2 распределены по трем укрупненным группам: товаропроизводящие ВЭД (сельское хозяйство, добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, строительство и др.); инфраструктурные (оптовая и розничная торговля, транспортировка и хранение, деятельность в области информации и связи, финансовая, научно-техническая деятельность, управление и обеспечение военной безопасности и др.); социальные виды деятельности (образование, здравоохранение, культура и спорт, предоставление прочих видов услуг).

В крупнейших городах отмечается устойчивая тенденция увеличения доли занятых в инфраструктурных видах деятельности за счет перераспределения рабочей

² Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13206> (дата обращения: 13.01.2024).

силы из группы товаропроизводящих отраслей и в меньшей степени – из отраслей социальной сферы. Это общемировая тенденция, обусловленная техническим прогрессом, роботизацией и цифровизацией экономики.

В результате доля занятых в инфраструктурной сфере достигла, например, в Москве 62,6%, в Санкт-Петербурге – 58%, в Новосибирске – 55,7% при среднем значении показателя по России 48,0%. Занятость же в товаропроизводящих видах экономической деятельности в крупнейших городах сокращается, в том числе за счет занятых в обрабатывающих производствах. В Москве доля занятых в данной группе отраслей составляет 23,6%, в Санкт-Петербурге – 24,2%, тогда как в среднем по России 34,4%. Сохраняется более высокая, по сравнению со среднероссийским уровнем, занятость в строительстве, достигая в обеих столицах примерно 12% при 7% по стране в целом.

Развитие инфраструктурных видов деятельности в крупнейших городах обеспечивается за счет более высокой занятости населения в отраслях, связанных с созданием и внедрением информационных систем и развитием научных исследований в области новых технологий. В Москве такими видами деятельности заняты 13,9%, в Санкт-Петербурге – 10,9%, тогда как в среднем по России 6,1%. В сфере финансовой и страховой деятельности в Москве заняты 5,7% против 2,0% в среднем по России.

В целом структурные сдвиги в занятости населения крупнейших городов происходят медленно, что связано с более низкой производительностью труда, чем в развитых западных странах. Высокой остается занятость в оптовой и розничной торговле, в строительстве, где работает большое число мигрантов.

В крупнейших городах уровень безработицы в большинстве случаев ниже, чем в малых и средних городах. В Москве, к примеру, уровень безработицы, рассчитанный по методологии МОТ, составил в I квартале 2023 г. 2,0% численности рабочей силы, в Санкт-Петербурге – 1,7%, а по России в среднем – 3,6%. Существенное влияние на рост безработицы в крупнейших городах оказала пандемия COVID-19. Так, в столице число безработных, обратившихся в службы занятости, составляло в 2019 г. 39,3 тыс. человек, а в 2020 г., в период пика пандемии, 112,6 тыс., с последующим снижением в 2021 г. до 51,7 тыс. человек. Такая же картина наблюдалась в Санкт-Петербурге, где эти показатели за 2019–2021 гг. составили 21,3 тыс., 102,5 тыс. и 31,1 тыс. человек соответственно. Подобные качели уровня безработицы наблюдались и в других крупнейших городах. При этом самый сильный всплеск уровня безработицы, по сравнению с его уровнем в Москве, отмечался в Краснодаре – в 5,1 раз, Уфе – 3,7 раз, Екатеринбурге – 3,6 раз, Омске – 3,2 раз, Ростове – на – Дону – в 3,1 раз, Нижнем Новгороде – в 3,0 раз. В 2021 г. численность безработных сократилась в 13 крупнейших городах, но все же не достигла более низкого уровня 2019 г. Исключение составили Волгоград и Пермь, численность безработных в которых уменьшилась в 2021 г. по сравнению с 2019 г.

Можно предположить, что в крупнейших городах при более высокой оснащенности крупных предприятий высокотехнологичным оборудованием, развитой отраслевой структуре и высокой производительности труда должна быть выше и заработная плата. Однако в оплате труда наблюдается значительная дифференциация. В 2021 г. более высокая заработная плата зафиксирована лишь в 5 из 16 крупнейших городов, а в 11 она была ниже или на среднероссийском уровне.

Все крупнейшие города по уровню заработной платы можно разделить на три группы. В первую группу вошли 4 города с более высокой заработной платой по сравнению со средней по РФ. Обе столицы лидируют с большим отрывом: в Москве заработная плата составляла 112,8 тыс. рублей, а в Санкт-Петербурге – 76,3 тыс., что

соответственно в 2 раза и на 47,8% больше, чем в среднем по стране. К первой группе следует отнести Красноярск и Екатеринбург, в которых заработная плата также была выше среднероссийского показателя и составляла 64,8 тыс. и 63,8 тыс. соответственно. Во второй группе городов – Краснодар, Уфа, Казань и Нижний Новгород, здесь заработная плата была на уровне или чуть выше средней по России – 57,2 тыс. рублей. В третьей, самой проблемной группе, оказалось больше всего – семь городов, в которых заработная плата была ниже, чем по России в среднем: диапазон составил от 44,8 тыс. руб. в Волгограде до 56,0 тыс. руб. в Перми.

Таким образом, анализ показал, что сложилась значительная дифференциация (соотношение 1 к 2,5) в уровне заработной платы в крупнейших городах, что создает неодинаковые условия для воспроизводства и использования рабочей силы. В конце ряда оказались такие промышленные центры как Волгоград, Омск, Воронеж, Челябинск с заработной платой на 12,6–21,7% ниже, чем в среднем по РФ. Осуществить технологический прорыв при таком низком уровне оплаты труда невозможно.

Многие крупнейшие города испытывают проблемы и с развитием социальной сферы. (см. табл. 3).

Таблица 3

**Распределение крупнейших городов России*
по отдельным социальным показателям в 2021 г.**

Table 3

Distribution of the largest cities in Russia by selected social indicators in 2021

Место	Города	Общая площадь жилья на 1 городского жителя	Число мест в дошкольных учреждениях на 100 детей	на 10 000 человек населения			Число посещений амбулаторно-поликлинических учреждений в смену на 10 000 человек
				врачей	среднего медицинского персонала	больничных коек	
1	Краснодар	1	2–3	1	2	2	10
2	Воронеж	2	8–9	4	4	10	4
3	Екатеринбург	6–7–8	6	8	6	1	7
4	Н. Новгород	10	2–3	9	7	4	6
5	Казань	5	9–10	7	3	13	2
6	Самара	3	11	5	8	9	5
7	Челябинск	9	1	10	9	5	15
8	Омск	11–12	9–10	14	1	8	3
9	Пермь	12–13	4–5	12	14	7	1
10	Уфа	14	13	3	5	3	14
11	Ростов-на-Дону	4	14–15	6	10	12	8
12	Санкт-Петербург	6–7–8	7–8	2	12	14	13
13	Волгоград	13	4–5	13	11	6	11
14	Новосибирск	6–7–8	12	11	13	11	9
15	Москва	15	14–15	15	15	15	12

* *Примечание:* без Красноярска, данные по которому отсутствуют

Источник: рассчитано автором по данным Росстата³

Из таблицы видно, что Краснодар занимает лидирующее положение по развитию социальной сферы, что положительно сказывается на показателях демографи-

³ Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13206> (дата обращения: 13.01.2024).

ческого благополучия. Екатеринбург, находящийся на втором месте по воспроизводству населения, также занимает высокое третье место по показателям социальной сферы. Впрочем, расчеты коэффициентов корреляции рангов Спирмена показывают, что между демографической ситуацией и отдельными показателями развития социальной сферы тесной прямой или обратной связи не просматривается. Так, коэффициент Спирмена между демографическими показателями (общий, естественный и миграционный приросты) и обеспеченностью общей площадью жилья в расчете на одного городского жителя составил $+0,215$, что свидетельствует о прямой, но слабой корреляционной связи между ними. Между показателем обеспеченности детей местами в детских дошкольных учреждениях и демографическими показателями выявлена обратная зависимость, но она еще меньше и равна $-0,124$. Самая заметная прямая связь сложилась между демографическими показателями и обеспеченностью населения крупнейших городов врачами $+0,55$.

Вместе с тем отметим такой факт: обе столицы – Москва и Санкт-Петербург – по отдельным показателям развития социальной сферы отстают от других крупнейших городов. Этот вывод подтверждают и другие исследования. Например, распределение 35 крупнейших и крупных городов России по комфортности проживания показало, что по развитию социальной сферы Москва занимает 31 место, Санкт – Петербург – 12, многие другие крупнейшие города – ниже 20 места [14]. Сложившиеся диспропорции между экономическим потенциалом крупнейших городов и развитием в них социальной сферы отрицательно сказывается на обеспечении не только расширенного, но и простого воспроизводства рабочей силы, снижении уровня бедности населения.

В таблице 4 представлены рейтинги крупнейших городов по отдельным показателям социально-экономического развития.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что между показателями демографического благополучия и отдельными социально-экономическими показателями развития крупнейших городов нет прямой взаимосвязи. Можно выделить лишь Краснодар и Екатеринбург, имеющие наиболее благоприятные демографические показатели и повышенный уровень социально-экономического развития. Для других крупнейших городов, к примеру, для Волгограда и Омска характерны как низкие показатели воспроизводства населения, так и отставание развития социальной сферы.

Важным источником пополнения трудовых ресурсов крупнейших городов является трудовая миграция из стран СНГ и дальнего зарубежья. Вопросы привлечения и использования иностранной рабочей силы в мегаполисах освещены в работе Е. Б. Бедриной [9]. В 2021 г. в Москве работали 613,3 тыс. международных трудовых мигрантов, имеющих действующий патент на трудовую деятельность, что составило 8,0% всех занятых в столице, в Санкт-Петербурге – соответственно 269,8 тыс., или 10,8%. Эти показатели значительно выше, чем в среднем по России – 2,7%. На обе столицы в 2021 г. приходилось 42,6% всех иностранных трудовых мигрантов.

В последние годы численность и доля трудовых мигрантов из российских регионов растет быстрее, чем привлекаемых иностранных работников. Так, в Москве численность межрегиональных трудовых мигрантов в 2021 г. составила 1 559,1 тыс. человек, в Санкт-Петербурге – 226,8 тыс., то есть суммарно на обе столицы пришлось 1 785,9 тыс. человек, или более 70% всех внутренних трудовых мигрантов.

Таблица 4

**Распределение рейтингов крупнейших городов России
по демографическим и социально-экономическим показателям**

Table 4

**Distribution of ratings of the largest cities in Russia by demographic
and socio-economic indicators**

Города	Темп роста численности населения 2018–2021 гг.	Коэффициент замещения поколений 2021 г.	Уровень занятости ¹	Уровень безработицы ²	Зарплата	Социальная сфера
Краснодар	1	2	6	13	8	1
Екатеринбург	2	5	5	9	4	3
Уфа	3	3	9	10	7	10
Красноярск	4	1	14	–	3	–
Казань	5	4	8	8	9	5
Новосибирск	6	8	15	15	5	14
Ростов-на-Дону	7	11	13	14	11	11
Москва	8	16	2	3	1	15
Санкт-Петербург	9	14	1	5	2	12
Нижний Новгород	10	10	3	2	6	4
Воронеж	11	13	11	11	14	2
Пермь	12	6	10	4	10	9
Волгоград	13	15	16	1	16	13
Самара	14	12	4	6	12	6
Челябинск	15	7	7	7	13	7
Омск	16	10	12	12	15	8

Примечания:

¹ Численность работников организаций к численности населения в трудоспособном возрасте.

² Численность безработных, состоящих на учете в службах занятости.

Источник: рассчитано автором по данным Росстата⁴

Российские трудовые мигранты по сравнению с иностранной рабочей силой имеют ряд преимуществ. Образовательный уровень российских внутренних мигрантов в целом выше, чем у прибывших из-за границы работников. Высшим профессиональным образованием обладал каждый третий (33%) внутрироссийский мигрант, тогда как среди иностранных работников таковых было только 23,0% (включая неполное высшее образование). Среднее профессиональное образование имел примерно каждый пятый как внутренний, так и внешний трудовой мигрант. При этом около 40% иностранных работников указали на то, что не имеют никакого образования.

Есть различия в использовании российских и иностранных трудовых мигрантов в крупнейших городах по отраслям. Внутрироссийские трудовые мигранты относительно меньше по сравнению с иностранными работниками используются в строительстве, торговле и сельском хозяйстве, и сравнительно больше в обрабатывающих производствах, в транспортировке и хранении продукции, деятельности в области информации и связи.

Учитывая тот факт, что численность трудоспособного населения сокращается, в перспективе трудовая миграция сохранит свое значение, прежде всего, как дополни-

⁴ Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13206> (дата обращения: 13.01.2024).

тельный источник трудовых ресурсов крупнейших городов. И все-таки акцент миграционной политики должен быть сделан на приоритетное привлечение и использование собственных трудовых мигрантов.

Как представляется, к настоящему времени крупнейшие города не исчерпали свои возможности экономического роста и технического прогресса. И по нашему мнению, миссия города, ее предназначение должны быть направлены не только на решение стратегических задач развития города, но и на более полный учет социально-демографических, этнических, культурных факторов, что будет способствовать удовлетворению возрастающих потребностей горожан в достойном труде и его оплате, получению непрерывного образования и социальной защиты, укреплению семейно-брачных отношений.

Заключение

Демографическая ситуация в крупнейших городах, исходя из критериев демографического благополучия, складывается отрицательно. Налицо естественная убыль населения, нестабильная динамика миграционного прироста. Снизилась компенсирующая роль миграции, особенно в период пандемии COVID-19, в пополнении трудовых ресурсов крупнейших городов.

Для крупнейших городов характерно суженное воспроизводство населения и трудовых ресурсов. Коэффициент замещения поколений во всех крупнейших городах меньше единицы, что свидетельствует о неблагоприятных перспективах демографического развития.

В структуре занятости населения крупнейших городов прослеживается тенденция на расширение занятости в инфраструктурных сферах деятельности при отставании занятости в отраслях социальной сферы.

Сложилась значительная дифференциация крупнейших городов по заработной плате и отдельным показателям развития социальной сферы. Ряд городов, центров индустриализации, имеют уровень зарплаты ниже среднего уровня по России, что не отвечает задачам развития мегаполисов как локомотивов научно-технического прогресса.

Дальнейшее совершенствование развития крупнейших городов предполагает включение их в систему стратегического планирования, разработку для них определенного набора плановых документов с соответствующим составом показателей и индикаторов. Важнейшим разделом этих документов должен стать блок показателей, обеспечивающих достижение положительной динамики демографического благополучия крупнейших городов.

Список литературы

1. Лавриненко, П. А. Агломерационные эффекты как инструмент регионального развития / П. А. Лавриненко, Т. Н. Михайлова, А. А. Ромашина, П. А. Чистяков // Проблемы прогнозирования. 2019. № 3(174). С. 50–59. EDN [SFXHGX](#).
2. Перцик, Е. Н. Свет и тени российской урбанизации в XX веке: опыт, проблемы, поиск решений // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2005. № 3. С. 5–10. EDN [HSJVHH](#).
3. Хорев, Б. С. Проблемы городов. Урбанизация и единая система расселения в СССР. Москва : Мысль, 1975. 428 с.
4. Лаппо, Г. М. Города России. Взгляд географа. Москва : Новый хронограф, 2012. 503 с. ISBN 978-5-94881-151-2. EDN [QKLEZX](#).
5. Любовный, В. Я. Города России: альтернативы развития и управления. Москва : Издательство «Экон-Информ», 2013. 614 с. ISBN 978-5-9506-0992-3. EDN [YVEOLR](#).

6. Зубаревич, Н. В. Развитие больших городов России в 2010-х годах / Н. В. Зубаревич, С. Г. Сафронов // Региональные исследования. 2019. № 1(63). С. 39–51. DOI [10.5922/1994-5280-2019-1-4](https://doi.org/10.5922/1994-5280-2019-1-4). EDN [GMFAAL](https://www.edn.ru/GMFAAL).

7. Клер, Е. Мега-города будущего: шанс или угроза для развития // Мир перемен. 2016. № 1. С. 90–104. EDN [VSDICR](https://www.edn.ru/VSDICR).

8. Сопнев, Н. В. Миграционные процессы в региональных столицах Юга Европейской России / Н. В. Сопнев, В. С. Белозеров // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. 2021. Т. 7, № 2. С. 176–191. EDN [UKTAIU](https://www.edn.ru/UKTAIU).

9. Бедрина, Е. Б. Особенности расселения трудовых мигрантов из зарубежных стран в российских мегаполисах // Экономика региона. 2019. Т. 15, № 2. С. 451–464. DOI [10.17059/2019-2-11](https://doi.org/10.17059/2019-2-11). EDN [BIVTEG](https://www.edn.ru/BIVTEG).

10. Мкртчян, Н. В. Региональные столицы России и их пригороды: особенности миграционного баланса // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2018. № 6. С. 26–38. DOI [10.1134/S2587556618060110](https://doi.org/10.1134/S2587556618060110). EDN [YNSRML](https://www.edn.ru/YNSRML).

11. Рыбаковский, Л. Л. Сравнительная оценка демографического неблагополучия регионов России // Социологические исследования. 2008. № 10 (294). С. 81–87. EDN [JSHTYR](https://www.edn.ru/JSHTYR).

12. Рязанцев, С. В. Демографическое благополучие: теоретические подходы к определению и методика оценки / С. В. Рязанцев, Т. Р. Мирязов // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1, № 4. С. 5–19. DOI [10.19181/demis.2021.1.4.1](https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.1). EDN [HNFJKJ](https://www.edn.ru/HNFJKJ).

13. Шур, А. Е. Города-миллионники на карте смертности России // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5, № 4. С. 66–91. DOI [10.17323/demreview.v5i4.8663](https://doi.org/10.17323/demreview.v5i4.8663). EDN [YUEEWL](https://www.edn.ru/YUEEWL).

14. Соколов, А. А. Рейтинг крупнейших и крупных городов России по уровню комфортности проживания / А. А. Соколов, О. С. Руднева // Народонаселение. 2017. № 3(77). С. 130–143. DOI [10.26653/1561-7785-2017-3-10](https://doi.org/10.26653/1561-7785-2017-3-10). EDN [ZWTFLLH](https://www.edn.ru/ZWTFLLH).

15. Бочко, В. С. Индивидуализация стратегий развития городов (на примере Екатеринбурга и Бирмингема) / В. С. Бочко, Е. А. Захарчук // Экономика региона. 2020. Т. 16, № 2. С. 391–405. DOI [10.17059/2020-2-5](https://doi.org/10.17059/2020-2-5). EDN [IFSXQR](https://www.edn.ru/IFSXQR).

16. Багирова, А. П. Качество среды мегаполиса как элемент качества жизни населения: оценка территориальной дифференциации / А. П. Багирова, О. В. Нотман // Социальное пространство. 2021. Т. 7, № 4. DOI [10.15838/sa.2021.4.31.7](https://doi.org/10.15838/sa.2021.4.31.7). EDN [DLULFH](https://www.edn.ru/DLULFH).

17. Вендина, О. И. Многоэтничный город. Проблемы и перспективы управления культурным разнообразием в крупнейших городах / О. И. Вендина, Э. А. Паин. Москва : Сектор, 2018. 184 с. ISBN 978-5-9905530-1-9. EDN [SZNVHM](https://www.edn.ru/SZNVHM).

18. Зверева, А. А. Креативные индустрии в крупнейших городах Японии / А. А. Зверева, И. С. Тихоцкая // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2023. Т. 78, № 4. DOI [10.55959/MSU0579-9414.5.78.4.7](https://doi.org/10.55959/MSU0579-9414.5.78.4.7).

Сведения об авторе:

Топилин Анатолий Васильевич, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: topilinav@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-4432-8943](https://orcid.org/0000-0002-4432-8943); РИНЦ Author ID: [453113](https://elibrary.ru/453113); Web of Science Researcher ID: [AAC-7690-2022](https://orcid.org/AAC-7690-2022); Scopus Author ID: [6507485591](https://orcid.org/6507485591).

Статья поступила в редакцию 09.01.2024; принята в печать 07.03.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF LABOR RESOURCES FORMATION AND USE IN THE LARGEST CITIES OF RUSSIA IN 2019–2021

Anatoly V. Topilin

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: topilnav@mail.ru

For citation: Topilin, Anatoly V. *Demographic Characteristics of Labor Resources Formation and Use in the Largest Cities of Russia in 2019–2021. DEMIS. Demographic Research. 2024. Vol. 4, No. 1. Pp. 40–54. DOI [10.19181/demis.2024.4.1.3](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.3).*

Abstract. The article examines the demographic characteristics of labor resources formation in Russian cities with a population of over a million. The research reveals the role of migration in replenishing largest cities' labor resources, which corresponds to E. G. Ravenstein's law that large cities grow mainly due to migration. Based on indicators of demographic well-being, the author gives an assessment of the demographic situation in the largest cities. It has been established that during the pandemic, the intensity of migration processes decreases, and its recovery occurs in cities at different rates. The article presents an analysis of structural changes in employment for large groups of industries and types of economic activity – commodity-producing industries, infrastructure, and social spheres. The reserves for increasing employment in the largest cities are considered. Emphasis is placed on increasing the labor activity of internal migrants, who have advantages compared to foreign labor. The research reveals a significant differentiation of wages across the largest cities, which creates unequal conditions for the reproduction of the labor force. It also determines ratings of the largest cities in terms of generation replacement, employment, unemployment, wages, and the social sphere. The author proposes a development in the system of strategic planning documents of a block of indicators characterizing the achievement of demographic well-being and increasing the efficiency of using the labor potential of the largest cities.

Keywords: largest cities, population reproduction, migration, employment, unemployment, labor resources, strategic planning

References

1. Lavrinenko, P. A. Agglomeration Effect as a Tool of Regional Development / P. A. Lavrinenko, T. N. Mikhailova, A. A. Romashina, P. A. Chistyakov. *Studies on Russian Economic Development*. 2019. Vol. 30, No. 3. Pp. 268–274. DOI [10.1134/S1075700719030109](https://doi.org/10.1134/S1075700719030109). (In Russ.).
2. Pertsik, E. N. Light and Shadows of the Russian Urbanization in XX Century: Experience, Problems, Search of Decisions. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*. 2005. No. 3. Pp. 5–10. (In Russ.).
3. Khorev, B. S. *Problemy gorodov. Urbanizatsiya i yedinaya sistema rasseleniya v SSSR [Problems of cities. Urbanization and a unified settlement system in the USSR]*. Moscow : Mysl, 1975. 428 p. (In Russ.).
4. Lappo, G. M. *Goroda Rossii. Vzgl'yad geografa [Cities of Russia. A geographer's view]*. Moscow : Novyy khronograf, 2012. 503 p. ISBN 978-5-94881-151-2. (In Russ.).
5. Lyubovny, V. Ya. *Goroda Rossii: al'ternativy razvitiya i upravleniya [Cities of Russia: alternatives for development and management]*. Moscow : Publishing House "Ekon-Inform", 2013. 614 p. ISBN 978-5-9506-0992-3. (In Russ.).
6. Zubarevich, N. V. Russia Largest Cities Development in 2010s / N. V. Zubarevich, S. G. Safronov. *Regional Studies*. 2019. No. 1 (63). Pp. 39–51. DOI [10.5922/1994-5280-2019-1-4](https://doi.org/10.5922/1994-5280-2019-1-4). (In Russ.).
7. Kler, E. Mega-goroda budushchego: shans ili ugroza dlya razvitiya [Mega-cities of the future: chance or threat for development]. *Mir Peremen [The World of Transformations]*. 2016. No. 1. Pp. 90–104. (In Russ.).
8. Sopnev, N. V. Migration Processes in the Regional Capitals of the South of European Russia / N. V. Sopnev, V. S. Belozero. *Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Geography. Geology*. 2021. Vol. 7, No. 2. Pp. 176–191. (In Russ.).
9. Bedrina, E. B. The Features of Resettlement of Labour Migrants from Foreign Countries in Russian Metropolises. *Economy of Regions*. 2019. Vol. 15, No. 2. Pp. 451–464. DOI [10.17059/2019-2-11](https://doi.org/10.17059/2019-2-11). (In Russ.).
10. Mkrtchyan, N. V. Regional Capitals and Their Suburbs in Russia: Net Migration Patterns. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*. 2018. No. 6. Pp. 26–38. DOI [10.1134/S2587556618060110](https://doi.org/10.1134/S2587556618060110). (In Russ.).
11. Rybakovsky, L. L. An Interregional Comparison of Social Troubles in Russia. *Sociological Studies*.

2008. No. 10(294). Pp. 81–87. (In Russ.).

12. Ryazantsev, S. V. Demographic Well-Being: Theoretical Approaches to Definition and Assessment Methodology / S. V. Ryazantsev, T. R. Miryazov. *DEMIS. Demographic Research*. 2021. Vol. 1, No. 4. Pp. 5–19. DOI [10.19181/demis.2021.1.4.1](https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.1). (In Russ.).

13. Shchur, A. E. Cities of Over a Million People on the Mortality Map of Russia. *Demographic Review*. 2018. Vol. 5, No. 4. Pp. 66–91. DOI [10.17323/demreview.v5i4.8663](https://doi.org/10.17323/demreview.v5i4.8663). (In Russ.).

14. Sokolov, A. A. Rating of the Biggest and Big Cities of Russia by the Level of Accommodation Comfort / A. A. Sokolov, O. S. Rudneva. *Population*. 2017. No. 3(77). Pp. 130–143. DOI [10.26653/1561-7785-2017-3-10](https://doi.org/10.26653/1561-7785-2017-3-10). (In Russ.).

15. Bochko, V. S. Individualization of City Development Strategies: Case of Ekaterinburg and Birmingham / V. S. Bochko, E. A. Zakharchuk. *Economy of Regions*. 2020. Vol. 16, No. 2. Pp. 391–405. DOI [10.17059/2020-2-5](https://doi.org/10.17059/2020-2-5). (In Russ.).

16. Bagirova, A. P. The Quality of Megalopolis Environment as an Element of Living Standards: Assessment of Territorial Differentiation / A. P. Bagirova, O. V. Notman. *Social Area*. 2021. Vol. 7, No. 4. DOI [10.15838/sa.2021.4.31.7](https://doi.org/10.15838/sa.2021.4.31.7). (In Russ.).

17. Vendina, O. I. *Mногоэтничный город. Проблемы и перспективы управления культурным разнообразием в крупнейших городах [Multi-ethnic city. Problems and prospects for managing cultural diversity in the largest cities]* / O. I. Vendina, E. A. Pain. Moscow : Sektor, 2018. 184 p. ISBN 978-5-9905530-1-9. (In Russ.).

18. Zvereva, A. A. Creative industries in major cities of Japan. *Lomonosov Geography Journal*. 2023. Vol. 78, No. 4. DOI [10.55959/MSU0579-9414.5.78.4.7](https://doi.org/10.55959/MSU0579-9414.5.78.4.7). (In Russ.).

Bio note:

Anatoly V. Topilin, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: topilina@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-4432-8943](https://orcid.org/0000-0002-4432-8943); RSCI Author ID: [453113](https://www.rsci.ru/author/453113); Web of Science Researcher ID: [AAC-7690-2022](https://www.webofscience.com/wos/authorid/AAC-7690-2022); Scopus Author ID: [6507485591](https://orcid.org/6507485591).

Received on 09.01.2024; accepted for publication on 07.03.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2024.4.1.4](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.4)EDN [ATPYKK](https://www.edn.ru/ATPYKK)

СПЕЦИФИКА РАЗМЕЩЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАБОЧЕЙ СИЛЫ ИНОСТРАННЫХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В СИБИРСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Андреянова Е. Л.

Иркутский научный центр Сибирского отделения РАН, Иркутск, Россия;

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: elena_andreyanova@mail.ru

Для цитирования: *Андреянова, Е. Л. Специфика размещения и использования рабочей силы иностранных трудовых мигрантов в Сибирском федеральном округе // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 1. С. 55-64. DOI [10.19181/demis.2024.4.1.4](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.4). EDN [ATPYKK](https://www.edn.ru/ATPYKK).*

Аннотация. Актуальность исследования связана не только с экономическими и демографическими вопросами достижения баланса трудовых и человеческих ресурсов в восточных территориях страны, но и с возросшей необходимостью геополитической стабильности РФ. В статье рассматриваются особенности и направления территориального и отраслевого размещения рабочей силы иностранных трудовых мигрантов в Сибирском федеральном округе (СФО). Основные выводы работы сводятся к следующим. При имеющейся депопуляции населения территория Сибирского федерального округа сохраняет историческую ориентацию государственной миграционной политики на размещение труда из внешних территориальных источников. Экономика СФО создает возможности для трудоустройства, способствующие притяжению иностранной рабочей силы. Отраслевая специфика приложения рабочей силы иностранных трудовых мигрантов представлена строительством, торговлей и ремонтом автомобилей. Территориальное размещение иностранных трудовых мигрантов характеризуется их концентрацией в агломерациях и городах Сибирского федерального округа. Население округа отличается толерантным отношением к иностранным трудовым мигрантам. Промышленность, ведущая отрасль экономики СФО, способствует активизации социально-экономического развития регионов, входящих в состав округа, и уровня жизни, что содействует притоку иностранных трудовых мигрантов. Выводы и результаты работы могут быть полезны представителям реального сектора региональной экономики, специалистам для определения оценки происходящих социально-экономических и миграционных процессов в восточных регионах страны.

Ключевые слова: региональная экономика, миграция населения, Сибирь, территория, депопуляция

Введение

Сибирь обладает уникальным богатством природных ресурсов поистине в планетарном масштабе, ее экономика ориентирована на добывающую и обрабатывающую промышленность, электроэнергетику и крупнотоннажную химию. Тем не менее рост валового регионального продукта субъектов Сибирского федерального округа не конвертируется в качество жизни, способное закрепить местное население на его территории. Эта проблема актуализирует потребность в регулировании, в частности, внешних миграционных процессов, направленных на поиск баланса трудовых и человеческих ресурсов регионов СФО при соблюдении свободы передвижения.

В представленной работе данный аспект изучается в плоскости территориального подхода и раскрывается через этапное рассмотрение: во-первых, выявление территорий РФ, способных в наибольшей степени к аккумуляции и размещению рабочей силы иностранных трудовых мигрантов; во-вторых, определение возможностей

ее использования в модельном регионе. За основу получения научных результатов взят позитивистский подход, который базируется на стереотипе экономического человека, и определяет, что такое поведение индивида формируется из максимизации полезности и получении рациональных благ. В работе в качестве исследуемой территории выступает СФО.

Объектом исследования являются субъекты Сибирского федерального округа, а его предметом – характеристики трудовой миграции иностранной рабочей силы в СФО. Цель работы: выявить специфику размещения и использования рабочей силы иностранных трудовых мигрантов в исследуемом округе.

Обзор научной литературы

Исторически процесс переселения и закрепления населения на азиатской части нашей страны был непростым и реализовывался через различные формы и виды государственного регулирования [1; 2]. Политика царской России относительно демографических и миграционных процессов носила характер территориального расширения, а в советский период – интенсивного освоения ресурсов. Сегодня характер и направления трудовой миграции населения Сибири свидетельствует о ее урбанизированном характере, вызванным агломерационными процессами, стягивающими население в крупные города и региональные столицы.

Комплексной оценке демографических проблем России посвящены доклады и научные труды Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН) («Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад» и др.) [3]. Причины и последствия миграционных настроений и перемещений рассматриваются в трудах Л. Л. Рыбаковского [4], О. Л. Рыбаковского [5], С. В. Рязанцева [6], З. И. Калугиной [7]. Острота нерешенных вопросов международной миграции и приграничных территорий государства исследуется Ш. Ю. Акрамовым, Н. Ю. Блиничкиной [8]. Значительный вклад в изучение региональной миграции внесли В. И. Самаруха [9], Е. А. Трофимов [10], Ю. В. Разумова, Т. В. Варкулевич, А. Г. Ким [11].

Источники и методы исследования

В качестве источников использовались научные труды авторов, отражающих ретроспективную и современную специфику миграции населения восточных территорий России. Актуальная информация по направлениям межстрановой и межрегиональной миграции населения представлена статистическими данными Межгосударственного статистического комитета СНГ, Федеральной службой государственной статистики РФ и ее территориальными органами в регионах Сибирского федерального округа (Всероссийская перепись населения 2020 г., информационно-аналитические материалы, касающиеся численности и миграции населения, Выборочные исследования по использованию труда иностранных граждан). Исследование опиралось на нормативно-правовую базу, при этом использовались документы федерального и регионального значения: Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 (ред. от 12.05.2023 г.) «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы», Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 (ред. от 01.07.2014 г.) «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года», Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 года».

В работе применялись общенаучные и научные методы: сравнительный анализ, синтез, дедукции и индукции, исторический.

Результаты

СФО как место притяжения иностранных трудовых мигрантов

Сибирский федеральный округ продолжает терять демографический потенциал под влиянием целого комплекса проблем (табл. 1).

Таблица 1

Изменение численности постоянного населения по субъектам СФО, 2022 г.

Table 1

Permanent population's change by subjects of Siberian Federal District, 2022

Субъект СФО	Общий прирост населения (человек)	Естественный прирост населения (человек)	Миграционный прирост населения (человек)
Республика Алтай	-39	322	-361
Республика Тыва	1 020	3 080	-2 060
Республика Хакасия	-2 755	-2 080	-675
Алтайский край	-23 982	-16 202	-7 780
Красноярский край	-10 781	-11 780	999
Иркутская область	-19 087	-8 648	-10 439
Кемеровская область	-23 775	-18 600	-5 175
Новосибирская область	-3 226	-11 599	8 373
Омская область	-19 473	-9 799	-9 674
Томская область	-10 620	-4 061	-6 559

Источник: составлено автором по данным Росстата¹

Как следует из табл. 1, демографическая ситуация в регионах СФО, кроме республик Алтай и Тыва, характеризуется отрицательным естественным приростом населения. В целом за 1990–2022 гг. население округа сократилось на 1 848 600 человек, составляя сегодня 16 889 400 человек или 11,6% от общей численности населения России.

Для Сибири исторически миграция трудовых ресурсов из центральных районов страны являлась одним из основных источников увеличения численности населения [9]. Это было обусловлено государственной политикой и реализацией крупных государственных проектов [1; 2]. Однако с 1990-х гг. XX в. вектор внутренней миграции в массовом масштабе изменился на противоположный – с востока на запад [7; 11].

В настоящее время с целью сбалансированности размещения рабочей силы и трудового потенциала Федеральная миграционная служба РФ ориентирует иностранные миграционные трудовые потоки на территории сибирских и дальневосточных регионов. Решения такого плана поддерживаются и в связи с реализацией договоренностей в рамках международных объединений в части территориального перемещения и свободы трудоустройства, в частности, для стран ближнего зарубежья Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Кроме восполнения естественной убыли и закрепления населения на востоке страны государственным регулированием в геостратегических интересах и национальной безопасности страны, Сибирь рассматривается как территория с более лояльным и толерантным отношением к иностранным мигрантам, что определяет ста-

¹ Численность и миграция населения Российской Федерации в 2022 году (Статистический бюллетень) // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 22.12.2023).

бильность национальных границ РФ. Совокупность перечисленных мер определяет динамику прибывших в Россию из стран СНГ с 2000 по 2022 гг. (рис. 1).

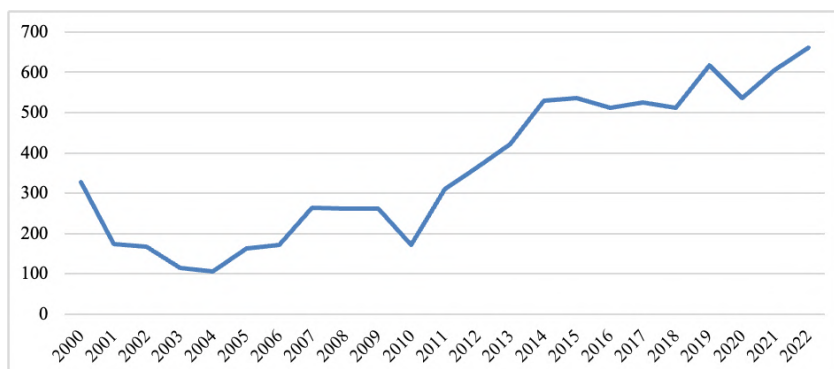

Рис. 1. Число прибывших в Россию мигрантов из стран СНГ (тыс. человек)
Fig. 1. Number of migrants arriving from the CIS Countries to Russia (thousand people)

Источник: составлено автором по данным Росстата²

По некоторым оценкам специалистов, Российская Федерация может рассчитывать на средний ежегодный приток мигрантов не менее чем в 300 тыс. человек. Здесь следует подчеркнуть, что речь идет о данных официальной статистики, а подсчет нелегального числа мигрантов из стран ЕАЭС составляет до 1 млн человек в год (0,7% от численности населения России) [4; 8].

Характеристики трудовой миграции иностранной рабочей силы в Сибирском федеральном округе

Анализ источников позволил сформулировать следующие результаты и определить специфику миграционных движений иностранной рабочей силы в Сибирском федеральном округе.

Среди федеральных округов РФ СФО – один из наиболее активных по привлечению иностранных трудовых мигрантов (табл. 2).

Из табл. 2 следует, что лидерами приема иностранных трудовых мигрантов являются Центральный федеральный округ, Северо-Западный федеральный округ и восточные регионы – ДФО и СФО.

По сравнению с общероссийскими показателями, Сибирский федеральный округ по притяжению иностранных трудовых мигрантов находится на четвертом месте среди других округов. Он в 2,5 раза больше привлекает труд иностранных мигрантов, чем российских.

До недавних пор Сибирь принимала в три раза больше иностранных трудовых мигрантов, чем Дальний Восток. По данным на 2019 г., объем приема иностранных трудовых мигрантов двух федеральных округов сравнялся.

Внутри СФО параметры потоков мигрантов со временем меняются. Лидерами по ввозу иностранной рабочей силы в 2014 г. были Иркутская область (9,5%), Новосибирская область (2,1%), Республика Бурятия (1,5%), другие регионы Сибири не набирали и 0,5%. В 2019 г. в большей степени иностранный труд использовали Иркутская

² Численность и миграция населения Российской Федерации в 2022 году (Статистический бюллетень) // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 22.12.2023).

и Новосибирская области, вдвое меньше трудовых мигрантов привлекал Красноярский край (6,6 тыс. человек)³.

Таблица 2

Распределение иностранных трудовых мигрантов по федеральным округам РФ (%)

Table 2

Distribution of foreign labor migrants by federal districts of the Russian Federation (%)

Регион (федеральный округ)	Иностранные трудовые мигранты	
	2019 г.	2014 г.
ЦФО	43,1	51,3
СЗФО	11,9	8,8
СФО	9,0	14,5
ДФО	9,6	4,6
ЮФО	7,9	3,4
УФО	3,9	8,6
ПФО	8,2	5,9
СКФО	6,1	3,0

Источник: составлено автором по данным Росстата⁴

В распределении по странам иностранных трудовых мигрантов ситуация такова: основными странами-донорами для России являются Узбекистан, Таджикистан, Украина, Беларусь, Армения, Киргизия, для СФО – Узбекистан, Таджикистан и Киргизия, а для Иркутской области – Таджикистан, Киргизия и Узбекистан.

По видам экономической деятельности распределение иностранных трудовых мигрантов выглядит следующим образом (табл. 3).

Таблица 3

Распределение иностранных трудовых мигрантов по ВЭД, 2020 г., %

Table 3

Structure of Foreign Labor Migrants by Type of Economic Activity, 2020, %

Страна/ округ	Сельское хозяйство	Обрабатывающая промышленность	Строительство	Торговля, ремонт автомобилей	Транспорт и хранение	Гостиницы и общественное питание	Другие услуги	Прочее
РФ	7,0	17,7	21,8	32,5	3,7	6,9	6,0	4,6
СФО	6,9	1,1	23,0	41,4	3,9	10,3	13,5	-
ДФО	0,6	48,7	19,8	24,8	1,5	2,9	0,6	1,1

Источник: составлено автором по данным Росстата⁵

³ Выборочное статистическое наблюдение за использованием труда мигрантов // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Владимирской области : [сайт]. URL: <https://33.rosstat.gov.ru/folder/35629> (дата обращения: 20.12.2023).

⁴ Выборочное статистическое наблюдение за использованием труда мигрантов // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Владимирской области : [сайт]. URL: <https://33.rosstat.gov.ru/folder/35629> (дата обращения: 20.12.2023).

⁵ Итоги ВПН-2020. Том 6 Миграция населения // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom6_Migraciya_naseleniya (дата обращения: 13.08.2023).

Из табл. 3 явствует, что большинство трудовых мигрантов в Сибирском федеральном округе занято в сфере торговли и ремонта автомобилей (41,4%), в строительстве (23,0%). Обобщенно можно констатировать, что структура занятости иностранных трудовых мигрантов по видам экономической деятельности в РФ, СФО и ДФО представлена их преобладанием в торговле и ремонте авто, только в ДФО налицо доминирование мигрантов в обрабатывающей промышленности, что связано с характером экономики дальневосточных регионов. Таким образом, иностранные мигранты не идут работать в ресурсную и промышленную сферы регионов, а сохраняют этническую занятость, связанную с традиционным приложением труда. Промышленность здесь рассматривается как драйвер социальной и экономической сфер территории, обеспечивая приемлемый уровень жизни населения.

Использование труда зарубежных мигрантов в сельской и городской средах сибирских регионов имеет свои особенности. Так, в СФО в городской среде прирост населения за счет миграции путем частичного замещения естественной убыли миграционным приростом наблюдается только в Республике Хакасия (на 31,1%), в Красноярском крае (на 51,4%), в Новосибирской области (на 83,8%).

В сельской местности ни естественный прирост, ни миграционный не дают итогового демографического прироста. Естественный прирост происходит только в национальных образованиях, еще сохраняющих традиционные установки деторождения: это республики Алтай и Тыва; в селах Новосибирской области миграционный прирост на 44,1% покрывает естественную убыль населения.

Главный результат сравнительного анализа миграционных движений населения в сибирских регионах заключается в том, что, согласно статистическим данным за 2022 г., только в двух из них – Новосибирской области и Красноярском крае – миграционный прирост частично покрывает естественную убыль жителей. И как следствие, сибирские регионы продолжают терять население.

В целом по России превышение естественного прироста над миграционным оттоком имеет место только в четырех регионах: Республика Дагестан, Республика Тыва, Республика Чечня и Ямало-Ненецкий округ, то есть в тех, что характеризуются традиционно высокими установками деторождений. Миграционный прирост перекрывает естественную убыль в Республике Татарстан, Калининградской, Ленинградской, Московской областях, г. Севастополь и г. Москва.

Обсуждение

Негативные последствия для развития исследуемых территорий под влиянием динамики демографической ситуации проявляются в сокращении темпов экономического развития, снижении предложения квалифицированной рабочей силы, изменении возрастной структуры с явно выраженным постарением населения, что наряду с большой территорией и низкой плотностью населения, ставит этот регион перед проблемой снижения человеческого и трудового потенциала.

В качестве инструментов регулирования процессов миграции населения эксперты называют следующие: 1) программы стимулирования внешней и внутренней трудовой миграции; 2) закрепление граждан РФ в точках экономического роста на территории региона. Если первое направление продолжает реализовываться, то второе требует действенных решений.

Как правило, завоз иностранной рабочей силы не является драйвером для развития перспективных отраслей регионов СФО и потенциальным инструментом роста

инновационной экономики. Отраслевой выгодополучатель – коммерческий сектор торговли и ремонта автомобилей, строительства. Соответственно, обеспечение кадрами социальной сферы, всех видов промышленности рассматриваемого региона должно восполняться за счет местных трудовых ресурсов.

Сельская местность СФО не является привлекательным центром притяжения труда мигрантов. Внутренние ресурсы сельской местности не обладают возможностями предложить варианты достойного обустройства потенциальной рабочей силы. Внешние инвестиционные предложения, основанные на ресурсах сельской местности и способствующие развитию не только сельского хозяйства, но и альтернативных видов деятельности, только начинают появляться.

Выводы и заключения

Современные тенденции государственного миграционного регулирования связаны с высоким уровнем оттока населения и ускорившейся естественной убылью населения восточных территорий Российской Федерации. В соответствии с государственной миграционной политикой Сибирский федеральный округ является одной из приоритетных территорий по привлечению труда из внешних источников. Если в предыдущие исторические периоды проникновение в Сибирь носило характер территориального расширения с геополитической и ресурсной составляющими, то сегодня СФО привлекателен для иностранных трудовых мигрантов в зависимости от общего уровня социально-экономического развития субъектов округа.

Сибирский федеральный округ, будучи одной из приоритетных территорий в РФ для размещения иностранной рабочей силы, способен создать рабочие места в привлекательных для мигрантов сферах экономической деятельности и предоставить им приемлемый уровень жизни и дохода. Между тем ресурсопроизводящая экономика округа не получает за счет мигрантов требуемую рабочую силу.

Характер сибирской миграции – отчетливо урбанизированный. Наиболее уязвимой в территориальном аспекте миграции в азиатской части России стала сельская местность, где явно недостаточно объектов приложения труда, в том числе с ориентацией на этническую занятость иностранных рабочих, а также социальной и культурной инфраструктуры, что делает ее непривлекательной для проживания мигрантов. В свою очередь, миграционные потоки из восточных территорий страны устремляются в города и области центральной России либо в крупные агломерации внутри Сибирского федерального округа.

Демографическая ситуация в регионах СФО, за исключением республик Алтай и Тыва, характеризуется отрицательным естественным приростом населения. Миграционный прирост лишь частично восполняет численность населения модельной территории.

Таким образом, специфика размещения и использования рабочей силы иностранных трудовых мигрантов в субъектах Сибирского федерального округа заключается в том, что в территориальном аспекте ее потоки ориентированы на города с высоким уровнем жизни, отраслевая реализация занятости представлена этнически ориентированными сферами труда. СФО поддерживает исторически обусловленную государственную политику по размещению внешней рабочей силы на своей территории и способен предоставить приемлемые экономические условия и благоприятную этническую среду для реализации трудовых прав мигрантов.

Список литературы

1. *Метелев, И. С.* Формы и методы формирования трудовых ресурсов Сибири и Дальнего Востока: исторический опыт и современность // Проблемы современной экономики. 2011. № 4 (40). С. 276–280. EDN [OWKMZL](#).
2. *Упоров, И. В.* Распределение трудовых ресурсов по регионам России: основные тенденции в историческом аспекте // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 6–2 (88). С. 211–215. DOI [10.24412/2411-0450-2022-6-2-211-215](#). EDN [SKKCHO](#).
3. Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад-2021 / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова [и др.] ; отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова. Москва: ФНИСЦ РАН, 2021. 138 с. ISBN 978-5-89697-369-0. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-369-0.2021](#). EDN [BGLITQ](#).
4. *Рыбаковский, Л. Л.* Экспертное сообщество о демографической ситуации в современной России / Л. Л. Рыбаковский, С. И. Кузина, А. В. Понеделков // Власть. 2021. Т. 29, № 5. С. 171–176. DOI [10.31171/vlast.v29i5.8554](#). EDN [KLIUBN](#).
5. *Рыбаковский, Л. Л.* Депопуляция в России: итоги за 1992–2022 гг., компоненты и компенсация миграцией на региональном уровне / Л. Л. Рыбаковский, О. Л. Рыбаковский // Социально-трудовые исследования. 2023. Т. 51, № 2. С. 16–26. DOI [10.34022/2658-3712-2023-51-2-16-26](#). EDN [GZOCNT](#).
6. *Письменная, Е. Е.* Влияние миграции на человеческий капитал и интеллектуальный потенциал населения регионов Российской Федерации / Е. Е. Письменная, С. В. Рязанцев, О. О. Смирнов, Т. Р. Мирязов, А. В. Смирнов // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 2. С. 7–23. DOI [10.17213/2075-2067-2022-2-7-23](#). EDN [YKISCY](#).
7. *Калугина, З. И.* Сибирский вектор трудовой миграции: тенденции последних лет // ЭКО. 2017. № 12. С. 127–135. EDN [ZUMEWY](#).
8. *Акрамов, Ш. Ю.* Демографическая безопасность в контексте международной миграции / Ш. Ю. Акрамов, Н. Ю. Блиничкина // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 2. С. 28–39. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.2](#). EDN [CESKQP](#).
9. *Самаруха, В. И.* Миграционное движение населения регионов Сибири / В. И. Самаруха, Т. Г. Краснова, Т. Н. Плотникова // Известия Байкальского государственного университета. 2018. Т. 28, № 1. С. 56–62. DOI [10.17150/2500-2759.2018.28\(1\).56-62](#). EDN [XOULTF](#).
10. *Трофимов, Е. А.* Современные реалии внешней образовательной миграции // Известия Байкальского государственного университета. 2023. Т. 33, № 1. С. 93–99. DOI [10.17150/2500-2759.2023.33\(1\).93-99](#). EDN [CYQGAS](#).
11. *Разумова, Ю. В.* Социальная и экономическая характеристика процессов внутренней миграции в Приморском крае: влияние миграции на экономику, рынок труда и популяционные процессы (2019–2020) / Ю. В. Разумова, Т. В. Варкулевич, А. Г. Ким [и др.]. Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2020. 160 с. ISBN 978-5-9736-0616-9. EDN [UNSGBD](#).

Сведения об авторе:

Андреянова Елена Леонидовна, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Иркутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, Иркутск, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: elena_andreyanova@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-8700-7253](#); РИНЦ Author ID: [259975](#); Web of Science Researcher ID: [AAA-7634-2021](#).

Статья поступила в редакцию 19.12.2023; принята в печать 16.02.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

FEATURES OF DISTRIBUTION AND USE OF FOREIGN LABOR IN THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT

Elena L. Andreyanova

*The Irkutsk Scientific Center, Siberian Branch RAS, Irkutsk, Russia;
Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
E-mail: elena_andreyanova@mail.ru*

For citation: Andreyanova, Elena L. Features of Distribution and Use of Foreign Labor in the Siberian Federal District. DEMIS. Demographic Research. 2024. Vol. 4, No. 1. Pp. 55–64. DOI [10.19181/demis.2024.4.1.4](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.4).

Abstract. *The relevance of the study is related not only to the economic and demographic issues of achieving a balance of labor and human resources in the eastern territories of the country, but also to the increased need for the geopolitical stability of the Russian Federation. The article examines the features and directions of the territorial and sectoral placement of the labor force of foreign labor migrants in the Siberian Federal District. The main conclusions of the work are as follows: 1) with the existing depopulation of the population, the territory of the Siberian Federal District retains the historical orientation of the state migration policy towards the placement of labor from external territorial sources; 2) the economy of the Siberian Federal District creates employment opportunities that contribute to the attraction of foreign labor. The sectoral specifics of the application of the labor force of foreign labor migrants are represented by construction, trade and repair of cars; 3) the territorial location of foreign labor migrants is represented by their concentration in agglomerations and cities of the Siberian Federal District; 4) the population of the district is characterized by a tolerant attitude towards foreign labor migrants; 5) industry is the leading branch of the economy of the Siberian Federal District, contributes to the activation of social-economic development of the regions and their standard of living, which contributes to the influx of foreign labor migrants. The conclusions and results of the work can be useful to representatives of the real sector of the regional economy, specialists to determine the assessment of the ongoing socio-economic and migration processes in the eastern regions of the country.*

Keywords: *regional economy, population migration, Siberia, territory, depopulation*

References

1. Metelev, I. S. Forms and Methods of Labor Resources Formation in Siberia and The Far East: Historical Experience and Present-Day Situation. *Problems of Modern Economics*. 2011. No. 4 (40). Pp. 276–280. (In Russ.).
2. Uporov, I. V. Raspreделение трудовыh ресурсов по регионaм россия: основныe тенденции в историческом аспекте. *Economy and Business: Theory and Practice*. 2022. Vol. 88, No. 6–2. Pp. 211–215. DOI [10.24412/2411-0450-2022-6-2-211-215](https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-6-2-211-215). (In Russ.).
3. *Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад 2021 [Demographic health of Russian regions. National Demographic Report 2021]*. T. K. Rostovskaya, A. A. Shabunova [et al.]; Ed. by T. K. Rostovskaya, A. A. Shabunova. Moscow : FCTAS RAS Publ., 2021. 138 p. ISBN 978-5-89697-369-0. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-369-0.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-369-0.2021). (In Russ.).
4. Rybakovsky, L. L. Expert Community Opinion about the Demographic Situation in Modern Russia / L. L. Rybakovsky, S. I. Kuzina, A. V. Ponedelkov. *Vlast'*. 2021. Vol. 29, No. 5. Pp. 171–176. DOI [10.31171/vlast.v29i5.8554](https://doi.org/10.31171/vlast.v29i5.8554). (In Russ.).
5. Rybakovskiy, L. L. Depopulation in Russia: Results for 1992–2022, Components and Compensation by Migration at the Regional Level / L. L. Rybakovskiy, O. L. Rybakovskii. *Social&Labour Research*. 2023. Vol. 51, No. 2. Pp. 16–26. DOI [10.34022/2658-3712-2023-51-2-16-26](https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-51-2-16-26). (In Russ.).
6. Pismennaya, E. E. The Impact of Migration on the Human Capital and Intellectual Potential of the Population of the Regions of the Russian Federation / E. E. Pismennaya, S. V. Ryazancev, O. O. Smirnov, T. R. Miryazov, A. V. Smirnov. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences*. 2022. Vol. 15, No. 2. Pp. 7–23. DOI [10.17213/2075-2067-2022-2-7-23](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-7-23). (In Russ.).
7. Kalugina, Z. I. Siberian Vector of Labour Migration: Recent Trends. *ECO*. 2017. No. 12. Pp. 127–135. (In Russ.).
8. Akramov, Sh. Yu. Demographic Security in the Context of International Migration. / Sh. Yu. Akramov, N. Yu. Blinichkina. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 2. Pp. 28–39. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.2](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.2). (In Russ.).

9. Samaruha, V. I. Migration Movement of the Population of Siberian Regions / V. I. Samaruha, T. G. Krasnova, T. N. Plotnikova. *Bulletin of Bajkal State University*. 2018. Vol. 28, No. 1. Pp. 56–62. DOI [10.17150/2500-2759.2018.28\(1\).56-62](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2018.28(1).56-62). (In Russ.).

10. Trofimov, E. A. Modern Realities of Foreign Educational Migration. *Bulletin of Bajkal State University*. 2023. Vol. 33, No. 1. Pp. 93–99. DOI [10.17150/2500-2759.2023.33\(1\).93-99](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2023.33(1).93-99). (In Russ.).

11. Razumova, Yu. V. *Social'naya i ekonomicheskaya harakteristika processov vnutrennej migracii v Primorskom krae: vliyaniye migracii na ekonomiku, rynek truda i populyacionnye processy (2019–2020) [Social and Economic Characteristics of Internal Migration Processes in Primorsky Krai: The Impact of Migration on the Economy, Labor Market and Population Processes in 2019–2020]* / Yu. V. Razumova, T. V. Varkulevich, A. G. Kim [et al.]. Vladivostok : Publishing House of VGUES, 2020. 160 p. ISBN 978-5-9736-0616-9. (In Russ.).

Bio note:

Elena L. Andreyanova, Candidate of Economic Sciences, Docent, Leading Researcher, Irkutsk Scientific Center, Siberian Branch RAS, Irkutsk, Russia; Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: elena_andreyanova@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-8700-7253](https://orcid.org/0000-0001-8700-7253); PИИЦ Author ID: [259975](https://www.iiict.ru/author/259975); Web of Science Researcher ID: [AAA-7634-2021](https://orcid.org/AAA-7634-2021).

Received on 19.12.2023; accepted for publication on 16.02.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

DOI [10.19181/demis.2024.4.1.5](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.5)

EDN [AIMFCB](#)

LABOUR MIGRATION AND ECONOMIC GROWTH: A PERSPECTIVE FROM ASIA PACIFIC REGION

Hoang Duong Nguyen

National Economics University, Hanoi, Vietnam

E-mail: 11204925@st.neu.edu.vn

Bich Ngoc Nguyen

National Economics University, Hanoi, Vietnam

E-mail: alisnguyen.work@gmail.com

Hoang Minh Chau Le

Foreign Trade University, Hanoi, Vietnam

E-mail: lehoang.mchau@gmail.com

For citation: Nguyen, Hoang Duong. Labour Migration and Economic Growth: A Perspective from Asia Pacific Region / Hoang Duong Nguyen, Bich Ngoc Nguyen, Hoang Minh Chau Le. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 1. Pp. 65–84. DOI [10.19181/demis.2024.4.1.5](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.5).

Abstract. Globalization has led to significant changes in economies and societies worldwide, particularly in the Asia-Pacific region where labor migration drives economic growth. Migrant workers, valued across various sectors, play a key role in regional development by sending remittances that support families' essential needs and entrepreneurial endeavors. Countries have simplified immigration procedures and enacted protective measures to attract and retain foreign labor, but challenges such as job displacement and balancing the rights of migrants with those of domestic workers persist. Research on the impact of labor migration on economic development in the Asia-Pacific region is crucial in addressing these complexities. Therefore, this article will focus on elucidating the theoretical foundations and practical aspects of labor migration while examining the correlation between labor migration and economic development in the countries within the Asia-Pacific region. The main purpose of the study is to elucidate the general migration context of the Asia-Pacific region and clarify it by conducting a deeper analysis of some representative countries in the region. Additionally, the study aims to elucidate the relationship between labor migration and economic development in this area. The results reveal that labor migration has a positive impact on economic growth through remittances.

Keywords: economic growth, immigration policy, labor, migration, remittances

Introduction

The vigorous process of globalization substantially fuels migration flows, particularly labor migration, exerting a profound impact on the economic growth of nations. The Asia-Pacific region accounts for nearly half of the global population, encompassing the two most populous countries in the world. This region consistently plays a significant role and remains a crucial topic of discussion in all trends related to population shifts, specifically

in the context of international labor migration [1]. The rapid increase in the number of migrating workers within this area has been, and continues to be, the focus of attention for numerous scientific researchers and policymakers.

Researchers have proposed various arguments to elucidate this increase, notably the “push-pull” theory. The “pull” factors refer to the attractions of the destination countries, which may include developed economies, advanced democracies, high social welfare, extensive human rights, among other positive aspects. Conversely, the “push” factors are the negative aspects of the origin countries that drive people to migrate, such as low income, limited employment opportunities, insurmountable social issues, unstable political environments, and other related problems. Numerous studies have utilized this theoretical framework to analyze factors influencing migration, such as the wage differentials between origin and destination nations [2] and five major groups of factors affecting labor migration, encompassing economic, social, environmental, political, and psychological factors [3]. Significant disparities in income among countries, transportation systems, policies attracting foreign labor, as well as alterations in the economic structures of nations have intensified labor migration flows [4]. This trend has led to noteworthy demographic changes in countries within the Asia-Pacific region, which, in turn, substantially impacts the economic development of the nations in this area.

Recent studies have indicated that the remarkable economic development in the Asia region is not a “miracle” but rather attributable to demographic shifts [5]. Additionally, remittances from migrant workers also contribute to establishing a stable economy in their home countries during initial stages of economic development [6]. However, without clear policies, and if these funds are not utilized for their intended purpose to mitigate the negative impacts of labor migration, the economy may easily become dependent on labor migration and remittances, and further raise concerns regarding the significant influence of remittances on economic growth. In this context, countries in the region need to thoroughly understand the impact of demographic changes, increased immigration, and policies attracting immigrant labor on economic development to formulate appropriate strategies.

Literature review

Drivers of immigration

The World Bank underscores that the main driver of migration continues to be employment related, with the underlying determinant being income disparities between nations [7]. Indeed, it is concurred that migration in some form or other is conceptually one of the most direct strategies that the poor can use to improve their living standards [8]. In addition, migration stemming from conflict-related circumstances is a prevalent phenomenon. While factors associated with social ties, transportation infrastructure, and emotional attachments may initially deter individuals in conflict-ridden areas from immediate migration, the majority ultimately opt for relocation in cases of turmoil [9]. Those compelled to leave their native regions due to perilous living conditions often seek asylum in their host countries for rightful support.

Concerning refugees, it is estimated that environmental refugees will soon become the largest group of involuntary migrants, especially those migrating due to climate change. Indeed, the majority of recent works and conferences on the topic focus on climate change, yet do not address other environmental changes as root causes of migration [10]. According to F. Gemenne [11] since the signature of the United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC) in 1992, a considerable number of climate policies, institutions

and instruments have emerged to tackle global warming after observing its impacts on the overall population flow. Besides, people also migrate with social and demographic incentives. According to Essentials of Migration Management – EMM¹, family acts as the main social drive behind migrating decisions, while concerning demographic factors, population structure and disease prevalence remains the most prominent.

Drivers operate across different scales and levels of social structure, influencing migration over different timeframes [12]. It is also important to highlight that particular migration drivers work in combination – forming what can be called ‘driver complexes’ – to shape the specific form and structure of population movements. In any migration flow, multiple ‘driver complexes’ may themselves interconnect in shaping the eventual direction and nature of a group’s movement [13].

Economic impacts of demographic change

D. S. Massey et al. [4] posited that while demographic factors do not generate migration, the trend of demographic changes significantly influences alterations in the flow of labor migration. Throughout the three decades prior to 2010, the high rate of labor migration in Southeast Asia paralleled impressive economic growth rates, especially in Singapore and Malaysia, where immigrants constituted a quarter of the total labor force [14]. This positive correlation has continued to unfold in the more than a decade since 2010. This highlights the importance of population structure to the developmental trajectory of a nation’s economy.

The relationship between population growth rates and the increase in the labor force varies by country, exerting distinct impacts on each nation’s economic development. According to G. Hugo [1], in less developed countries, the labor force’s growth rate is even higher than that of the population; conversely, in developed countries, the trend is the opposite. For developing nations in the Asia region, they are grappling with significant labor shortages. Countries like Japan, Taiwan, and South Korea have temporarily addressed this issue through industry and labor restructuring. However, this solution is short-term, and in the long run, these countries will inevitably need to import labor for small-scale manufacturing sectors and service industries with low added value [15].

The birth and death rates of a country’s population, which directly influence demographic fluctuations, have a tight correlation with the nation’s economy. D. de la Croix et al. [16] suggests that the key factor influencing long-term economic growth is the reduction in fertility rates, which leads to a decrease in the dependent population. This dynamic consequently increases the number of individuals within working age and decreases dependency ratios. The research by M. Cruz and S. A. Ahmed [17] also supports this viewpoint, demonstrating that in Bangladesh, lower child dependency ratios are associated with reduced poverty rates. Specifically, during childhood, individuals primarily act as consumers; however, upon entering the workforce, they transition from consumers to contributors to economic value, with the capacity to save and invest, thereby enhancing the economy. Hence, an increase in the proportion of the population within working age positively contributes to the growth of GDP per capita, which is a crucial indicator for evaluating economic development and quality of life within a country.

Migration and migration policy

According to G. P. Freeman [18], migration policy is determined by the content and relative power weighting of organized interests in a given society. Policymakers are conceptualized as brokers in charge of producing policies to ensure a balance of benefits for all

¹ Types of labour migration // EMM2.0 Handbook : [site]. URL: <https://emm.iom.int/handbooks/labour-migration/types-labour-migration> (accessed on 19.11.2023).

parties. Therefore, when the costs or benefits associated with migration are concentrated within specific interest groups, these groups are prone to exhibit enhanced organizational efficiency, consequently yielding greater influence on policy formulation.

The aforementioned theory finds relevance in explaining immigration policy within many industrialized countries in the Asia-Pacific region. Governments have recognized the potential of availing cost-effective labor from their migrant workforce which prompts them to make adjustments to entry visas [19]. As recorded in August 2021, the labour force participation rate of recent migrants in Australia was 72.4%, which was higher than the Australian-born population's participation rate of 66.3%², making migrants the highly potential labor force of this nation. In April 2022, through Australia - India Economic Cooperation and Trade Agreement, the Australian Government extended the stay period for international students from India and abolished the Labor Market Testing for temporary workers with 482 visas. Then in July 2023, the Australian Government officially approved a new visa called the Pacific Engagement Visa to grant residence permits to 3,000 qualified migrants from the Pacific region and Timor-Leste³.

Nonetheless, there exists notable divergence between political pronouncements and the actual content of legal instruments, commonly referred to as the “discursive gap” [20]. Accordingly, implemented policies can often represent significantly diluted iterations of the assertive rhetoric made by politicians, who pledge to curtail immigration, enhance border security, and combat unauthorized migration. Under this circumstance, the Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration was officially issued in 2018 as the first inter-governmental agreement to comprehensively cover all aspects of international migration. The Migration Governance Indicators (MGI) was also utilized to monitor the implementation of all 23 commitments in the Global Compact for Migration of member countries⁴. Policies to protect the rights of migrants are increasingly being improved, especially for low-skilled workers and refugees.

Theoretical basis

Labour migration

According to ILO Department of Statistics⁵, all international migrants who are currently employed or unemployed and seeking employment in their present country of residence are recognized as migrant workers. According to IOM⁶, labor migration refers to the movement of individuals from their country of origin to another country for work purposes. It can be seen that each organization has a different view on the definition of migrant workers, but in general they agree that migrant workers have two main characteristics: (1) residing in a country that is not their country of nationality and (2) for employment-related

² Australian Labour Market for Migrants – April 2023 // Jobs and Skills Australia : [site]. URL: <https://www.jobsandskills.gov.au/publications/australian-labour-market-migrants-april-2023> (accessed on 19.11.2023).

³ A Pacific Mobility Index to strategically guide the Pacific Engagement Visa // Devpolicy Blog : [site]. URL: <https://devpolicy.org/pacific-mobility-index-to-guide-the-pacific-engagement-visa-20230703/> (accessed on 19.11.2023).

⁴ Asia-Pacific Migration Data Report 2022 / International Organization for Migration. Geneva : IOM, 2023. 200 p. ISBN 978-92-9268-646-8.

⁵ The Contribution of Labour Mobility to Economic Growth // International Labour Organization : [site]. URL: https://www.ilo.org/ankara/news/WCMS_398770/lang--en/index.htm (accessed on 19.11.2023).

⁶ International Migration Law No. 34 – Glossary on Migration / International Organization for Migration. Geneva : IOM, 2019. 248 p. ISSN 1813-2278.

purposes.

According to EMM⁷, workers can choose to pursue citizenship in the host country or opt for a temporary stay. Temporary laborers then fall into two distinct groups including seasonal migrant workers whose job is contingent upon seasonal demand and circular workers who are granted residency permits to work between two or more nations over multiple years. At the same time, migrant workers can be classified based on their working qualifications into high-skilled and low-skilled ones. Most nations aspire to attract highly proficient laborers to gain a competitive edge in the global marketplace, hence offering them competitive remuneration and the prospect of permanent residency or citizenship. In contrast, low-skilled laborers are sometimes ineligible for robust compensation, retirement benefits, or social security coverage, hence exposing themselves to the risk of labor exploitation.

Economic growth

Most authors share the same understanding regarding economic growth, yet explain differently in their works. According to the Organization for Economic Cooperation and Development – OECD [21], economic growth can be defined as the increase or improvement in the inflation-adjusted market value of the goods and services produced by an economy in a financial year. J. L. Cornwall⁸, in his latest updated version, describes economic growth as the process by which a nation's wealth increases over an extended period.

Growth in an economy is measured by change in the volume of its output or in the real expenditure or income of its residents⁹. There exist many tools to accurately measure economic growth; however, the use of Gross Domestic Product (GDP) and Foreign Trade Index (FDI) remains the most popular [22]. This study will employ GDP and FDI as the main indicator of an economy's growth to assess the relationship between labor migration and economic growth.

The correlation between labor migration and economic growth

The interaction between labor migration and economic development is bidirectional. According to F. Docquier [23], causality between these variables runs in both directions, both positively and negatively and in both the short and long term.

It is undeniable that the development of strong economies contributes to promoting the trend of labor migration. The long-standing theoretical Neoclassical Economics model argues that migration results from differences in labor supply and demand between geographical areas. From the macroeconomic perspective, labor decreases and wages increase in low-resource areas, while labor supply increases and wages decrease in resource-rich areas. The microeconomic impact of economic development on labor migration is also demonstrated through the model of individual choice [24]. Within this framework, rational actors opt for migration based on a cost-benefit analysis, wherein they anticipate a favorable financial return as a consequence of their mobility.

Otherwise, migration flow influences the well-being of the family, the kin community and ultimately the entire economy in many different ways [23] and among those, remittances appear to be their most visible contribution [7]. As a stable source of foreign exchange, remittances aid the homeland's economy by promoting consumption, savings and invest-

⁷ Types of labour migration // EMM2.0 Handbook : [site]. URL: <https://emm.iom.int/handbooks/labour-migration/types-labour-migration> (accessed on 19.11.2023).

⁸ Cornwall, J. L. Economic growth // Encyclopædia Britannica : [site]. URL: <https://www.britannica.com/money/economic-growth> (accessed on 19.11.2023).

⁹ World Development Indicators // The World Bank : [site]. URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=NY.GDP.MKTP.CD> (accessed on 19.11.2023).

ment [25]. In the long term, future remittances can be used by governments and private organizations in developing economies to mobilize capital in the international market [26]. Just as international trade, migration of people benefits not only labor-sending countries but also labor-receiving ones [23]. Immigrant labor increases the supply of labor in the receiving countries, thereby creating more jobs, increasing production and ultimately improving Gross Domestic Product (GDP) [22]. According to M. Kremer and S. Watt [27], the availability of migrant workers in the early childhood education sector has also helped reduce childcare costs, allowing many local women to return to work and participate in the economic development process. Also, immigrant workers are willing to take jobs that native ones often avoid and the less-educated workforce often adapts more easily to specialized tasks in productive complementary jobs, thus making an important contribution to improving labor productivity [28].

Methodology

This study employs quantitative research methods, an approach geared toward providing an objective and numerical depiction of a specific situation. This method involves the systematic collection, interpretation, and presentation of data. Descriptive quantitative research seeks to present a comprehensive and accurate portrayal of the subject under investigation using numerical data, enabling researchers to draw meaningful insights and conclusions.

In this study, the data collection process included sourcing secondary data from reputable organizations such as World Bank, the International Monetary Fund (IMF), the International Labour Organisation (ILO), the International Organisation for Migration (IOM), the Ministry of Manpower (MOM) and the United Nations (UN). This diverse array of sources ensured the reliability and credibility of the data. Additionally, various written sources, including statistical data, research journals by previous scholars, and reference books related to the study, were consulted.

By integrating secondary data from these diverse sources, this study gained access to a wealth of information, thereby enhancing the depth and breadth of the study. World Bank data provided valuable insights into the research topic, providing a comprehensive perspective. Official statistics from the International Labor Organization (ILO), the International Organization for Migration (IOM) have reinforced the reliability of the study, especially regarding migration data up to 2022. Furthermore, the incorporation of research journals and reference books by previous scholars added an academic dimension to the study. By synthesizing findings and theories from existing research, this study positioned itself within the broader academic discourse, capitalizing on the collective knowledge and understanding of previous researchers. This approach enriches the theoretical framework and analytical depth of the study.

The careful selection of secondary data sources played a pivotal role in this research methodology. Each data source was meticulously evaluated for relevance, accuracy, and reliability to ensure that the research findings were grounded in trustworthy information. By compiling data from a variety of reputable sources, this study bolstered the robustness of its analysis and fortified the validity of its conclusions. Adhering to rigorous research standards and drawing from a diverse range of sources, this study aimed to contribute valuable insights to the academic community and inform macro-executive decision-making processes related to current accounts.

Findings and discussion

Total number of migrants to and from Asia-Pacific region

According to Fig. 1, by mid-2020, statistics revealed that the total number of migrants departing from the Asia-Pacific region was nearly twice the number of immigrants arriving in the area. Approximately 83 million residents of this region resided in other countries, accounting for 30% of the total global migrant population. South Asia and Southeast Asia were identified as the principal sub-regions contributing the highest number of migrants within the entire area. In terms of immigrant intake, Southeast Asia, the Pacific, and East Asia were predominant, attracting a substantial number of immigrants, totaling 42.6 million individuals, which represented 15% of the global migrant population. These impressive figures underscore the potential of this region as it continues to expand and attract a significant labor force of migrants from around the world.

Fig. 1. Total number of migrants to and from Asia-Pacific region by subregion as of mid-2020 (million people)

Source: Asia-Pacific Migration Data Report 2022¹⁰

Migration, and more specifically labor migration, plays a crucial role and acts as a driving force behind the robust economic development observed in the Asia-Pacific region. Prior to the COVID-19 pandemic, countries such as Singapore, Malaysia, and Thailand heavily relied on foreign workers due to labor shortages in various sectors like construction, manufacturing, and services. However, the pandemic exerted a negative impact on labor migration trends, resulting in a substantial reduction in the number of immigrant workers entering these countries. Post-pandemic, the immigrant intake in these nations is only witnessing a modest recovery, with numbers still remaining relatively low (Fig. 2). Conversely, there is a strong resurgence in the outward flow of labor, especially from South Asian countries (Fig. 3).

¹⁰ Asia-Pacific Migration Data Report 2022 / International Organization for Migration. Geneva : IOM, 2023. 200 p. ISBN 978-92-9268-646-8.

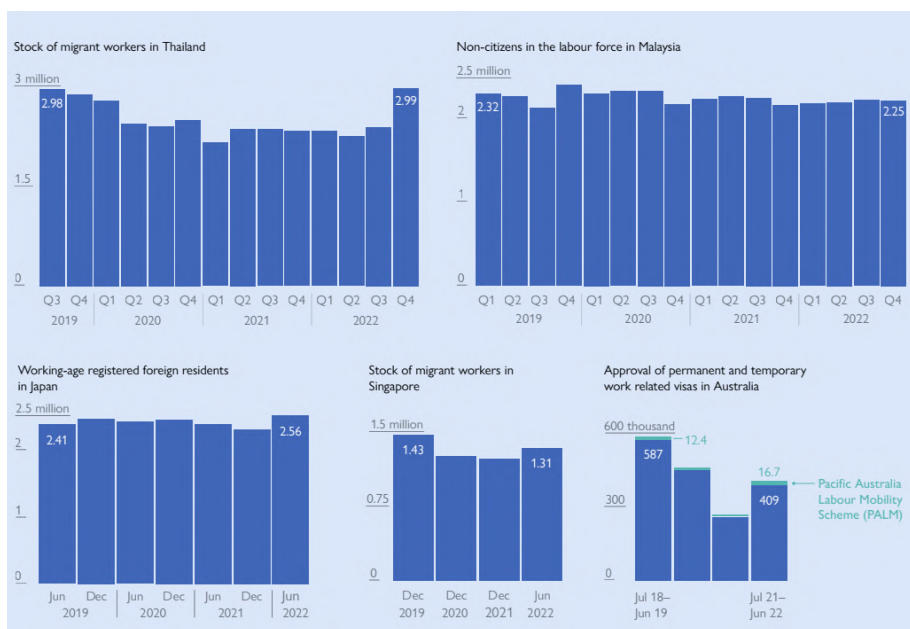

Fig. 2. Stock and inflow of migrant workers in main destinations in Asia-Pacific region between 2019 and 2022

Source: Asia-Pacific Migration Data Report 2022¹¹

In the Asia-Pacific region, the year 2020 witnessed Australia, Thailand, Japan, and Singapore emerging as the predominant destinations for the majority of migrating laborers. Thailand, a Southeast Asian nation, accommodates a significant portion of the region's immigrant labor. Due to the impacts of the Covid-19 pandemic, Thailand experienced a 6.1% economic contraction in 2020, as per the International Monetary Fund data¹². This downturn was the most severe witnessed since the Southeast Asian financial crisis, primarily due to the detrimental effects of the pandemic on the manufacturing sector and the number of immigrant workers in Thailand. A clear decline in immigration flow to the country is observable in Figure 2, with no significant recovery in sight, fluctuating between 2.4 to 2.6 million individuals up until the third quarter of 2022. By the fourth quarter of 2022, the nation's economy began showing signs of recovery, with immigrant labor numbers rising back to pre-pandemic levels. World Bank¹³ indicates that the GDP growth rate of Thailand for the entire year of 2022 reached 2.6%. While this is a sign of economic recovery for Thailand, the growth rate is still comparatively lower than other countries in the region.

According to Figure 2, post-pandemic, in Malaysia, the number of foreign workers reached 2.25 million in 2022, with the majority originating from Bangladesh, Indonesia, and Japan. Meanwhile, in Singapore, this figure was 1.31 million as of June 2022, according

¹¹ Asia-Pacific Migration Data Report 2022 / International Organization for Migration. Geneva : IOM, 2023. 200 p. ISBN 978-92-9268-646-8.

¹² Five Things to Know About Thailand's Economy and COVID-19 // International Monetary Fund : [site]. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2021/06/21/nao62121-5-things-to-know-about-thailands-economy-and-covid-19> (accessed on 19.11.2023).

¹³ Thailand Economic Monitor December 2023: Thailand's Path to Carbon Neutrality – The Role of Carbon Pricing // The World Bank : [site]. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/thailand/publication/temdec2023> (accessed on 19.11.2023).

to data from the Ministry of Manpower (MOM)¹⁴. Both countries exhibit significant reliance on foreign labor in the construction and manufacturing sectors. Part of this recovery can be attributed to these nations gradually reopening their borders and reviving their economies. However, in Japan, the reduction trend of migrant labor is not as substantial as in the aforementioned countries. The number of foreign workers in Japan increased from 2.35 million in December 2021 to 2.56 million in June 2022 (Fig. 2). While the policy of border reopening partly contributes to the growth in labor migration, the primary driving factors are the labor shortages in sectors such as nursing care, agriculture, fishing, and construction, particularly in rural areas. These sectors are grappling with severe labor shortages, necessitating an influx of foreign workers to meet the demand.

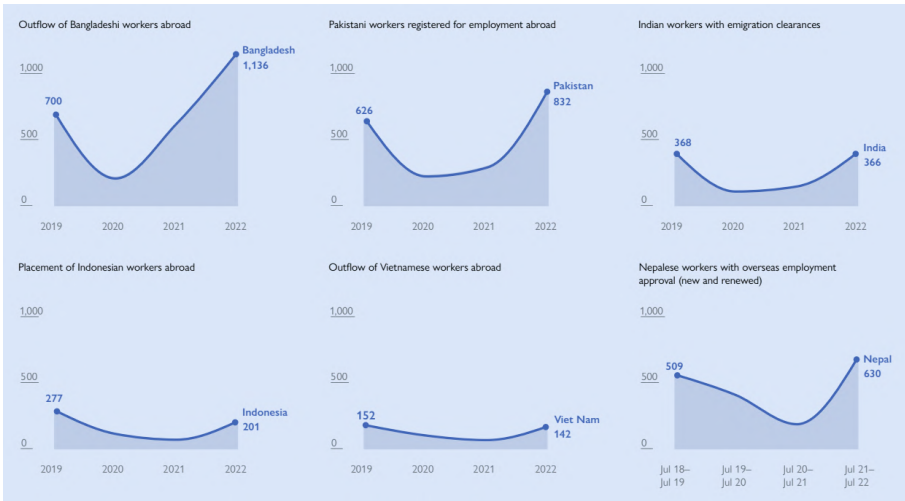

Fig. 3. Outflow of nationals from Asia-Pacific countries for employment abroad in 2022 (thousand people)

Source: Asia-Pacific Migration Data Report 2022¹⁵

According to IOM, India, Bangladesh, Pakistan, Indonesia, Vietnam, and Nepal were among the top ten countries with the highest number of emigrants in the Asia-Pacific region as of mid-2020. Bangladesh, Pakistan, and India exhibited similar trends in outward labor flows. These three nations, all located in South Asia, collectively received remittances amounting to USD 147 billion in 2020, despite falling short of initial projections due to the impact of Covid-19¹⁶. The Covid-19 pandemic significantly affected the number of workers registering to work abroad from these three countries. As seen in Figure 3, between 2019 and 2020, there was a sharp decline in migrant labor from these countries, with Bangladesh experiencing the most substantial impact as the number of its overseas workers more than tripled compared to 2020, corresponding to approximately 500,000 workers. Both Pakistan

¹⁴ Foreign workforce numbers // Singapore Ministry of Manpower of Japan : [site]. URL: <https://www.mom.gov.sg/documents-and-publications/foreign-workforce-numbers> (accessed on 19.11.2023).

¹⁵ Asia-Pacific Migration Data Report 2022 / International Organization for Migration. Geneva : IOM, 2023. 200 p. ISBN 978-92-9268-646-8.

¹⁶ Bangladesh có mức tăng kiều hối cao nhất Nam Á [Bangladesh has the highest increase in remittances in South Asia] // Ministry of Foreign Affairs of the Socialist Republic of Viet Nam : [site]. URL: <https://ngkt.mofa.gov.vn/bangladesh-co-muc-tang-kieu-hoi-cao-nhat-nam-a/> (accessed on 19.11.2023). (In Viet.).

and India also experienced significant declines. Figure 3 shows a rapid recovery in migrant labor flows from these countries in 2022, with Bangladesh, Pakistan, and Nepal exceeding pre-pandemic levels, even reaching record highs since 1971.

While Southeast Asian countries, especially Malaysia, have traditionally been destinations for migrant labor from South Asia, labor flows to these nations were not significant compared to those to the Gulf Cooperation Council (GCC) countries. In Bangladesh, migrant workers heading to GCC countries constituted about 83% of the total migrant labor flow in 2022, while in Nepal, up to 87% of approved labor permits were designated for GCC countries, with another 6% for Malaysia in the same year¹⁷. Both Vietnam and India witnessed a recovery, with the placement of Indonesian migrant workers in 2022 increasing to over 70% compared to 2019 figures, according to the Indonesian Migrant Workers Protection Board¹⁸. Regarding Vietnam, the outflow of migrant labor to foreign countries exceeded the target of 90,000 as reported by the Ministry of Labour, Invalids, and Social Affairs, which stood at 142,000 in 2022 (Fig. 3).

In conclusion, the examination of migration trends in the Asia-Pacific region underscores the integral connection between labor migration and robust economic development. The data depicted in Figures 1, 2, and 3 not only reveal the intricate dynamics of global movement but also emphasize the pivotal role played by labor migration in fostering economic growth within the region. South Asia and Southeast Asia, as major sources of migrants, significantly contribute to the global migrant population, and their migration patterns are closely intertwined with economic trends. In essence, the Asia-Pacific region continues to serve as a key player in shaping global migration patterns, with labor migration acting as a driving force behind its economic development.

The impact of remittances on the economic development of Asia-Pacific region

International remittance flows have increased significantly over the years and have brought many positive impacts on economic development [23]. For many developing countries in the region, this is the largest source of foreign exchange earnings, even surpassing export revenue, Foreign Direct Investment - FDI, aid and other private capital flows [29].

According to the Global Knowledge Partnership on Migration and Development – KNOMAD, the total amount of remittances worldwide in 2022 reached 794.06 billion USD, in which the Asia-Pacific region accounted for 310.74 billion USD, which was 39%. Based on chart Figure 4, the South Asia region accounts for the largest proportion with 43% of the region's total remittances, followed by Southeast Asia (26%) and East Asia (21%). Meanwhile, countries in the Pacific region have the lowest total remittances in the region, catering for the modest 1% of the regional remittances. The main hindrance appears to be high costs; specifically, the cost to send money to this region accounts for 10% of transaction value, much higher than the world average of 6.5%¹⁹.

¹⁷ Asia-Pacific Migration Data Report 2022 / International Organization for Migration. Geneva : IOM, 2023. 200 p. ISBN 978-92-9268-646-8.

¹⁸ Statistik Perlindungan dan Penempatan [Protection and Deployment Statistics] // BP2MI : [site]. URL: <https://www.bp2mi.go.id/statistik-penempatan> (accessed on 19.11.2023). (In Indonesian).

¹⁹ Annual Report 2021 // Market Development Facility : [site]. URL: <https://marketdevelopmentfacility.org/2021-annual-report/> (accessed on 19.11.2023).

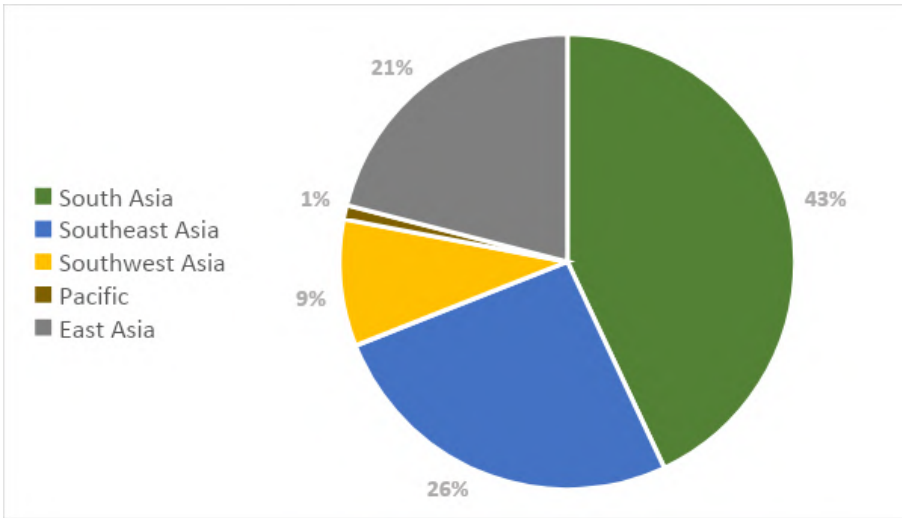

Fig. 4. Remittance flows to Asia-Pacific divided by region in 2022

Source: KNOMAD²⁰

According to IOM, although the economy is showing signs of stagnation, remittances flowing into the region still increased by 2.1%, higher than the global average increase of 1.7%. There are many reasons for this upward trend, notably the increase in oil prices in countries in the Gulf Cooperation Council – GCC and the growing labor market in economies belonging to the OECD. However, as suggested by Fig. 5, remittances in individual member regions differ in trends, in which remittances in South Asia and Southeast Asia, two sub-regions with the largest proportion, both increased, while other areas with low proportions decreased. Specifically, remittances in South Asia and Southeast Asia increase by 6% and 4%, respectively, while the Pacific region, Southwest Asia and East Asia decrease by 12%, 7% and 3%, correspondingly.

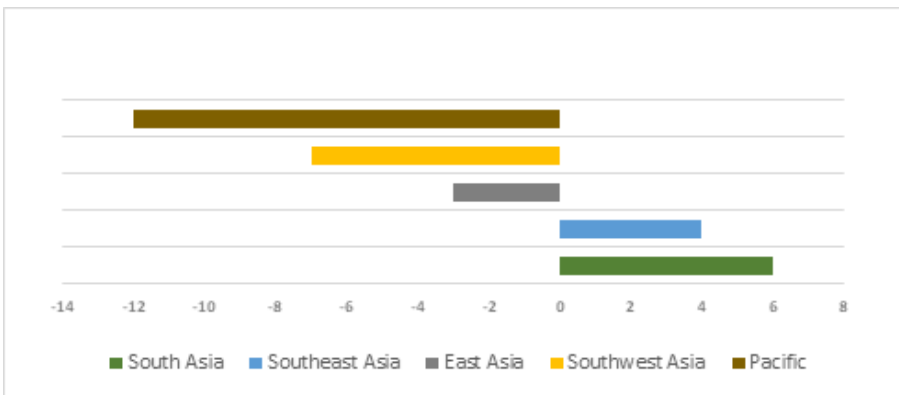

Fig. 5. Change in the proportion of remittance flows transferred to Asia-Pacific Region in 2021–2022

Source: KNOMAD²¹

²⁰ Remittances // KNOMAD : [site]. URL: <https://www.knomad.org/data/remittances> (accessed on 19.11.2023).

²¹ Ibidem.

According to Figure 4, the three subregions South Asia, Southeast Asia and East Asia already cater for 90% of total remittances in the Asia – Pacific region. Therefore, in order to accurately reflect the impact of remittances on the regional economic growth, it is necessary to assess their impact on each subregion's main determinants of rapid economic growth including total investment, which is mainly measured through FDI inflow, consumption and domestic production [22]. M. Coon and R. Neumann [30] also point out that a rise of 10% in FDI results in a corresponding 3.6% growth in remittance inflows. As depicted in Fig. 6, South Asia and Southeast Asia witness an increase in FDI flows from 2021 to 2022, respectively 9% and 5% while the FDI flow in East Asia declines slightly by 3%. Considering that remittances in South Asia and Southeast augment in the same order while that of East Asia decreases, it can be stated that remittances have a positive impact on the pattern of the investment flow. In addition, remittances are widely known to exert a positive impact on GDP, although its range of influence has not been proven [31; 32; 33].

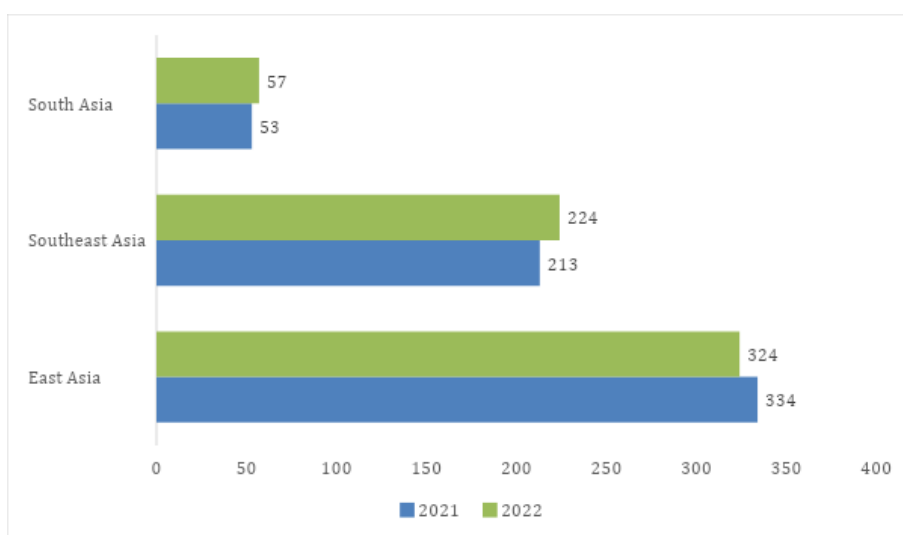

Fig. 6. FDI inflows by selected subregion in the Asia Pacific Region in 2021–2022 (billion dollars)

Source: UNCTAD²²

In addition, many countries in the Asia-Pacific region rely heavily on remittances for economic development, as clearly seen in Table 1. Remarkably, Tonga, a country in the Pacific with GDP in 2022 ranking 204 out of 213 countries in the world, ranked first in the proportion of remittances in GDP in 2022 with 49.9%. It is then followed by Samoa (34%), Nepal (22%) and Marshall Islands (11%)²³. Most of the countries in the top 10 in terms of remittances share in GDP are developing countries with low-income levels, mainly concentrated in the East Asia-Pacific region. Such dependence was mainly due to the nations' inability to provide sufficient income for residents, leading to remittances being the only means of income for low-income families [34].

²² A Special ASEAN Investment Report 2023. International Investment Trends: Key Issues and Policy Options / The ASEAN Secretariat ; United Nations Conference on Trade and Development. Jakarta : ASEAN, 2023. 107 p. ISSN 2963-279X.

²³ Ibidem.

Table 1

**Top 10 countries with the largest proportion of remittances
in GDP in Asia-Pacific region in 2022**

Country	The proportion of remittances in GDP (%)
Tonga	49.9
Samoa	33.7
Nepal	21.8
Marshall Island	11.1
Philippines	9.5
Fiji	9.3
Pakistan	7.7
Vanuatu	7.6
Timor-Leste	7.5
Kiribati	7.2

Source: KNOMAD²⁴

Remittances are the most obvious and visible bridge between migration and development, especially in developing countries whose development is sustainable economic development through education, health and poverty reduction [7]. Personal remittances are channeled directly to end users, which are the laborers themselves and their families [26]. Hence, they directly augment income, mitigate income disparities, foster human capital formation [35] and facilitate the construction of schools and clinics [36] and thus, promote economic growth [25] in developing countries of the region. Personal remittances also contribute to increased consumption by low-income households and reduce poverty, therefore enhancing the living standard and promoting sustainable economic development. It is evident that remittances not only impact domestic consumption but also bring long-term positive impacts to countries [23].

In summary, remittance flows have a demonstrably positive influence on regional economic growth. Moreover, their impact extends beyond mere economic enhancement, encompassing the promotion of sustainable development in various facets of life such as education, healthcare, and overall lifestyle.

Policies for attracting immigrant workers in Asian-Pacific region

“Remittances are highly complementary to government cash transfers and essential to households during times of need”²⁵. According to J. N. Francois et al.²⁶, in general, every 10% increase in remittances will bring about a 0.66% long-term increase in GDP. Because of this, increasing remittances, with a focus on attracting quality migrant human resources, has become extremely urgent for economies in the region.

In strongly developed countries in the region, the population tends to age. In fact, many mighty economies such as Korea, China or Japan face seriously low fertility rates (Fig. 7), even the fertility rate in Korea has just hit a record bottom of 0.84, which means that for every 100 women in her reproductive years, only 84 children are born. Therefore,

²⁴ Remittances // KNOMAD : [site]. URL: <https://www.knomad.org/data/remittances> (accessed on 19.11.2023).

²⁵ Remittances Remain Resilient but Likely to Slow // The World Bank : [site]. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2023/06/13/remittances-remain-resilient-likely-to-slow> (accessed on 19.11.2023).

²⁶ J. N. Francois, N. Ahmad, A. Keinsley and A. Nti-Addae. Remittances Increase GDP with Potential Differential Impacts Across Countries // World Bank blogs : [site]. URL: <https://blogs.worldbank.org/en/peoplemove/remittances-increase-gdp-potential-differential-impacts-across-countries> (accessed on 19.11.2023).

countries with aging populations increase investment and production in younger economies such as Vietnam, Cambodia, Malaysia and Bangladesh, where provide many skilled workers at affordable prices²⁷.

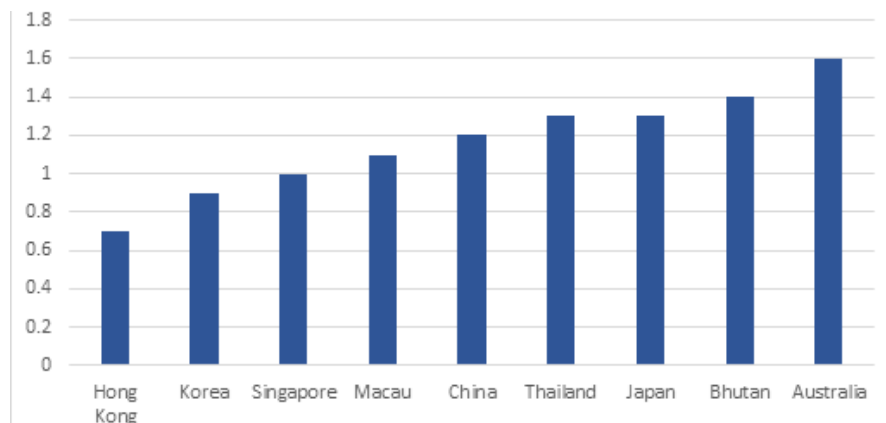

Fig. 7. 10 countries with the lowest fertility rates in the Asia-Pacific region in 2022

Source: Statista²⁸

Globalization and the liberalization of opportunities in newly developing countries has encouraged temporary or permanent skilled movements from developed to developing regions. The migrant labor market of the twenty-first century extends to many occupations and under the influence of the growing demand for human resources in high-tech occupations many countries have sought to attract highly qualified resources [37]. Thanks to the growing demand for highly qualified labor, the concept of “battle for talent” between countries was born. According to D. Kapur and J. McHale [24], technological progress, the aging of populations in rich countries and the globalization of production are three long-term trends considered to be the strongest drivers of international competition. talent economics. Public policy has the ability to influence international migration flows through the control and selective admission of migrant workers who meet certain policy objectives. The study will focus on the cases in Japan and Australia whose policies’ effectiveness has been well proven.

Japan is one of the leading countries in the region in terms of talent attracting policies. As a country with the highest proportion of people over 65 years old in the world, the country’s labor market seriously lacks skilled workers in the agricultural industry. According to Margolis, Japan needs additional 6.7 million workers to reach the set GDP level by 2040²⁹. Therefore, since 1993, Japan has conducted the Technical Intern Training Program to attract young workers to experience and work in this country. This program is built based on employee training courses held since the 1960s. In 2019, the Government of this country

²⁷ Asia’s demographic growing pains // East Asia Forum : [site]. URL: <https://eastasiaforum.org/2023/06/25/asias-demographic-growing-pains/> (accessed on 19.11.2023).

²⁸ Total fertility rates in the Asia-Pacific region in 2021, by country or territory // Statista : [site]. URL: <https://www.statista.com/statistics/1171367/apac-total-fertility-rates-by-country-or-region/> (accessed on 19.11.2023).

²⁹ Japan’s foreign workers face a new post-COVID landscape // The Japan Times : [site]. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/09/05/national/social-issues/foreign-workers-japan-covid19/> (accessed on 19.11.2023).

established a new status of residence called Specified Skills Worker for foreign workers. to supplement some professions. Accordingly, workers in nine sectors, typically health care, construction and agriculture and fishery, will be granted residence permits for up to 5 years for type (i) visas and indefinitely for visa type (ii). In 2022, Japan also increased cooperation with many young economies and signed Memoranda of Cooperation with 14 countries³⁰ on the issue of protecting the rights of workers coming to work under this new visa. As a result, there are now 1.8 million foreign workers in Japan, which is over twice as many as 10 years ago³¹. According to the Ministry of Health, Labor and Welfare – MHLW³², foreign workers in Japan mainly work in the manufacturing, construction, and sales industries, as suggested in Table 2.

Table 2

Structure of foreign workers by occupation in Japan in 2022

Fields	Number of foreign workers (persons)	Ratio (%)
Manufacturing	485,128	26.6
Wholesale/ Retail	237,928	13.1
Accommodation/ Food & Drink	208,981	11.5
Construction	116,789	6.4
Education/ Learning Support	76,854	4.2
Information & Communications	75,954	4.2
Medical Care/ Welfare	74,339	4.1
Academic Research & Specialized/ Technical services	64,261	3.5
Agriculture/ Forestry/ Fisheries	48,233	2.6
Others	409,904	23.8

Source: MHLW³³

Australia is among the top 10 destinations for international migrant workers, according to IOM. The Australian Government³⁴ declared that the number of migrant workers coming to this country has increased by 51% compared to last year, mainly thanks to flexible changes in policy. From April 2022, two temporary worker programs in the Asia-Pacific region, the Seasonal Worker Program (SWP) and the Pacific Labor Scheme (PLS) have been merged into the Pacific Australia Labor Mobility program (PALM). According to the Australian Government information site, with the goal of filling the labor gap in the agricultural sector, the PALM program allows Australian businesses to qualify to recruit foreign workers from 9 Pacific island countries and Timor-Leste comes to work for up to 4 years for medium and low-skilled workers. In just 7 months, the total number of PALM workers in Australia increased from more than 24,400 in May 2022 to more than 35,100 in December 2022, an

³⁰ Japan // OECD iLibrary : [site]. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/cf203c31-en/index.html?itemId=/content/component/cf203c31-en> (accessed on 19.11.2023).

³¹ Record 1.8 Million Foreign Workers in Japan as of 2022 // Nippon.com : [site]. URL: <https://www.nippon.com/en/japan-data/ho1612/> (accessed on 19.11.2023).

³² Provisional Report of Monthly Labour Survey // Ministry of Health, Labour and Welfare of Japan : [site]. URL: <https://www.mhlw.go.jp/english/database/db-l/ro5/2310pe/2310pe.html> (accessed on 19.11.2023).

³³ Ibidem.

³⁴ Australian Labour Market for Migrants – April 2023 // Jobs and Skills Australia : [site]. URL: <https://www.jobsandskills.gov.au/publications/australian-labour-market-migrants-april-2023> (accessed on 19.11.2023).

increase of 44%³⁵.

In general, the Asia-Pacific has long been an ideal destination for migrant workers, and is also a place that produces many highly qualified workers. The positive impact of this human resource is demonstrated through remittance flows, knowledge transfer as well as the ability to meet market needs. There is every indication that international population movements in to, out of and within Asia will continue to increase in scale and significance.

Conclusion

In summary, labor migration is not only a societal phenomenon but also a vital force contributing to the economic structure of countries within the region. A distinctive feature of labor migration in this region is its interplay with demography, as well as the increase in remittances - a crucial financial resource for the economies of countries that send labor migrants to other nations. From this study, a clear understanding of the barriers and opportunities presented by labor migration can be perceived. One of the greatest challenges is not only managing and controlling the flow of migrant labor but also creating a conducive and sustainable environment for migrant workers. This necessitates improvements in policies and the education and training system, as well as enhanced regional and international cooperation. To maximize the economic benefits of labor migration, countries need to implement integrated strategies, emphasizing skills development, improvement of working conditions, and protection of the rights and benefits of migrant laborers.

Policy implications

Labor migration in the Asia-Pacific region significantly contributes to economic growth, underscoring the urgent need for more clear and comprehensive policy measures. The reciprocal relationship between labor migration and economic development can be further optimized through effective management and regulation of labor migration. Based on the analyses in this study, we propose the following policy implications.

Firstly, favorable conditions should be created for workers from one's own country who wish to work abroad. This includes ensuring workers' rights in the countries they migrate to and signing bilateral agreements between governments to promote labor migration flows. Countries in the Asia-Pacific region should consider establishing bilateral partnerships and agreements related to labor migration. These agreements should aim to protect the rights of migrant workers and facilitate legal migration. This approach could encourage more organized and stable labor migration flows, protect workers from exploitation, and meet the labor market demands of host countries. This win-win approach benefits both labor-sending and labor-receiving countries without compromising the rights and benefits of the migrant workers themselves.

Secondly, a crucial policy to consider is relaxing immigration policies. Countries with low birth rates, such as Japan and South Korea, may face potential future labor shortages. The governments of these two countries could address this issue by raising the retirement age, but they should also consider another potentially effective policy: easing immigration restrictions. As there is an increasing number of people migrating out of East and Southeast Asian countries (excluding Japan, Singapore, and Malaysia), nations that are likely to experience future labor shortages should proactively and flexibly adjust their immigration policies to attract workers. These relaxed policies will play a vital role in drawing workers from abroad, thereby addressing labor market needs effectively.

³⁵ Foreign workforce numbers // Singapore Ministry of Manpower of Japan : [site]. URL: <https://www.mom.gov.sg/documents-and-publications/foreign-workforce-numbers> (accessed on 19.11.2023).

Thirdly, another policy that should be developed and improved for countries in need of immigrant and migrant labor is creating a more favorable environment for these workers. This can be achieved by effectively managing labor flows, improving education systems to enhance skills development for both migrant and immigrant labor, and protecting the rights of workers from these countries. A stable and sustainable economic, political, and legal environment will attract a plentiful labor force. Alongside, both countries that receive migrant labor and those that export labor abroad need to focus on improving the skill levels of their workforce. This approach will not only boost their confidence but also increase the efficiency of local vocational training, as they invest significant time, money, and effort without any guaranteed employment in the future.

Research gaps and future research directions

A significant limitation of this study is that the reported data in this particular study, and data sources in general, might not accurately and clearly cover the number of low-skilled immigrant workers or distinguish legal immigrant workers from refugees. Therefore, over-relying on numerical data to evaluate the impact of immigration on economic development is not advisable. The reliability of these results, along with estimates of the number of informal immigrant workers, needs further careful consideration. Certainly, in the future, with more accurate confirmation of the above results, our study can achieve greater objectivity and accuracy regarding the impact of both informal and formal immigrant workers on regional economic growth.

Moreover, our study has touched upon the influence of remittances on countries in the Asia-Pacific region. Essentially, our findings affirm the positive impact of remittances on the economic development of these countries. However, to date, there hasn't been a unanimous conclusion among scholars regarding whether the relationship between remittances and economic development is positive or negative. Some conclusions on the positive impact of remittances on economic development include the beneficial effects of remittances on the economies of developing countries. Meanwhile, others suggest that the aforementioned relationship is either negative or has very little impact on the economy. The discrepancy between the conclusions of these studies can be attributed to various factors, possibly including different research methods or subjects. Therefore, in the future, as more data becomes available, we will reconsider and thoroughly examine these results.

References

1. Hugo, G. The Demographic Underpinnings of Current and Future International Migration in Asia. *Asian and Pacific Migration Journal*. 1998. Vol. 7, No. 1. Pp. 1–25. DOI [10.1177/011719689800700101](https://doi.org/10.1177/011719689800700101).
2. Traoré, B. Characterization of Link between Migration and Local Non-Agricultural Diversification of Rural Households in Fologna (Mali). *American Journal of Rural Development*. 2019. Vol. 7, No. 1. Pp. 6–13. DOI [10.12691/ajrd-7-1-2](https://doi.org/10.12691/ajrd-7-1-2).
3. Panda, S. S. Factors Affecting Temporary Labour Migration for Seasonal Work: A Review / S. S. Panda, N. R. Mishra. *Management Research Review*. 2018. Vol. 41, No. 10. Pp. 1176–1200. DOI [10.1108/MRR-04-2017-0104](https://doi.org/10.1108/MRR-04-2017-0104).
4. *International Migration: Prospects and Policies in a Global Market* / D. S. Massey, J. E. Taylor (eds). Oxford : Oxford Academic, 2004. 408 p. ISBN 0199269009. DOI [10.1093/0199269009.001.0001](https://doi.org/10.1093/0199269009.001.0001).
5. Bloom, D. E. Demographic Change and Economic Growth in Asia / D. E. Bloom, J. E. Finlay. *Asian Economic Policy Review*. 2009. Vol. 4. Pp. 45–64. DOI [10.1111/j.1748-3131.2009.01106.x](https://doi.org/10.1111/j.1748-3131.2009.01106.x).
6. Sobiech, I. Remittances, Finance and Growth: Does Financial Development Foster the Impact of Remittances On Economic Growth? *World Development*. 2019. Vol. 113. Pp. 44–59. DOI [10.1016/j.worlddev.2018.08.016](https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2018.08.016).
7. *Moving for Prosperity: Global Migration and Labor Markets*. Policy Research Report. Washington,

DC : World Bank, 2018. 290 p. ISBN 978-1-4648-1282-8. DOI [10.1596/978-1-4648-1281-1](https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1281-1).

8. Clemens, M. A. Economics and Emigration: Trillion-Dollar Bills on the Sidewalk? *Journal of Economic Perspectives*. 2011. Vol. 25, No. 3. Pp. 83–106. DOI [10.2307/23049424](https://doi.org/10.2307/23049424).

9. Adhikari, P. The Plight of the Forgotten Ones: Civil War and Forced Migration. *International Studies Quarterly*. 2012. Vol. 56, No. 3. Pp. 590–606. DOI [10.1111/j.1468-2478.2011.00712.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2011.00712.x).

10. Meze-Hausken, E. Migration Caused by Climate Change: How Vulnerable Are People in Dryland Areas? *Mitigation and Adaptation Strategies for Global Change*. 2000. Vol. 5. Pp. 379–406. DOI [10.1023/A:1026570529614](https://doi.org/10.1023/A:1026570529614).

11. Gemenne, F. How They Became the Human Face of Climate Change. Research And Policy Interactions in the Birth of the ‘Environmental Migration’ Concept. In *Migration and Climate Change* / E. Piguat, A. Pécoud, P. de Guchteneire (eds). Cambridge : Cambridge University Press, 2011. 442 p. ISBN 9781107014855.

12. Massey, D. S. *Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium* / D. S. Massey, J. Arango, G. Hugo, A. Kouaouci, A. Pellegrino, J. E. Taylor. Oxford : Oxford University Press, 2005. 376 p. ISBN 0199282765.

13. Van Hear, N. *Drivers of Migration*. Migrating out of Poverty Research Programme Consortium Working Paper 1 / N. Van Hear, O. Bakewell, K. Long. Brighton : University of Sussex, 2012. 43 p.

14. Kaur, A. Labor Crossings in Southeast Asia: Linking Historical and Contemporary Labor Migration. *New Zealand Journal of Asian Studies*. 2009. Vol. 11, No. 1. Pp. 267–303.

15. Kim, W. B. Economic Interdependence and Migration Dynamics in Asia. *Asian and Pacific Migration Journal*. 1996. Vol. 5, No. 2–3. Pp. 303–317. DOI [10.1177/011719689600500208](https://doi.org/10.1177/011719689600500208).

16. De la Croix, D. Demographic Change and Economic Growth in Sweden: 1750–2050 / D. de la Croix, T. Lindh, B. Malmberg. *Journal of Macroeconomics*. 2009. Pp. 132–148. DOI [10.1016/j.jmacro.2007.08.014](https://doi.org/10.1016/j.jmacro.2007.08.014).

17. Cruz, M. On the Impact of Demographic Change on Economic Growth and Poverty / M. Cruz, S. A. Ahmed. *World Development*. 2018. Vol. 105. Pp. 95–106. DOI [10.1016/j.worlddev.2017.12.018](https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2017.12.018).

18. Freeman, G. P. Modes of Immigration Politics in Liberal Democratic States. *The International Migration Review*. 1995. Vol. 29, No. 4. Pp. 881–902. DOI [10.2307/2547729](https://doi.org/10.2307/2547729).

19. *Employer-Migrant Worker Relationships in the Middle East: Exploring Scope for Internal Labour Market Mobility and Fair Migration* / International Labour Organization, Regional Office for Arab States. Beirut : ILO, 2017. ISBN 9789221306740.

20. Czaika, M. The Effectiveness of Immigration Policies / M. Czaika, H. de Haas. *Population and Development Review*. 2013. Vol. 39, No. 3. Pp. 487–508. DOI [10.1111/j.1728-4457.2013.00613.x](https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2013.00613.x).

21. *How Was Life? Volume II: New Perspectives on Well-being and Global Inequality since 1820* / OECD. Paris : OECD Publishing, 2021. DOI [10.1787/3d96efc5-en](https://doi.org/10.1787/3d96efc5-en).

22. Tehseen Jawaid, S. Workers’ Remittances and Economic Growth in China and Korea: An Empirical Analysis/ S. Tehseen Jawaid, S. A. Raza. *Journal of Chinese Economic and Foreign Trade Studies*. 2012. Vol. 5, No. 3. Pp. 185–193. DOI [10.1108/17544401211263946](https://doi.org/10.1108/17544401211263946).

23. Docquier, F. The Emigration-Development Nexus: Recent Advances from the Growth Theory Perspective. *Revue d'économie du développement*. 2017. Vol. 25. Pp. 45–68. DOI [10.3917/edd.313.0045](https://doi.org/10.3917/edd.313.0045).

24. Kapur, D. *Give Us Your Best and Brightest: The Global Hunt for Talent and Its Impact on the Developing World* / D. Kapur, J. McHale. Washington : Center for Global Development, 2005. 246 p. ISBN 1933286032.

25. Meyer, D. The Impact of Remittances on Economic Growth: An Econometric Model / D. Meyer, A. Shera. *Economia*. 2017. Vol. 18, No. 2. Pp. 147–155. DOI [10.1016/j.econ.2016.06.001](https://doi.org/10.1016/j.econ.2016.06.001).

26. Ketkar, S. *Innovative Financing for Development* / S. Ketkar, D. K. Ratha. Washington : The World Bank, 2008. 202 p. ISBN 978-0-8213-7685-0. DOI [10.1596/978-0-8213-7685-0](https://doi.org/10.1596/978-0-8213-7685-0).

27. Kremer, M. *The Globalization of Household Production* / M. Kremer, S. Watt. Weatherhead Center For International Affairs, 2006. 51 p.

28. Peri, G. Task Specialization, Immigration, and Wages / G. Peri, C. Sparber. *American Economic Journal: Applied Economics*. 2009. Vol. 1, No. 3. Pp. 135–69. DOI [10.1257/app.1.3.135](https://doi.org/10.1257/app.1.3.135).

29. Juthathip Jongwanich. *Workers’ Remittances, Economic Growth and Poverty in Developing Asia and the Pacific Countries*. MPDD Working Paper Series WP/07/01 / Juthathip Jongwanich ; United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific (ESCAP), 2007. Bangkok : United Nations, 20 p.

30. Coon, M. Follow the Money: Remittance Responses to FDI Inflows / M. Coon, R. Neumann. *Journal of Globalization and Development*. 2018. Vol. 8, No. 2. Pp. 2017–0023. DOI [10.1515/jgd-2017-0023](https://doi.org/10.1515/jgd-2017-0023).

31. Khan, I. Analyzing the Impact of Positive and Negative Remittance Inflow Shocks on Economic

Growth of India. *Journal of Economic Studies*. 2024. Vol. 51, No. 2. Pp. 338–356. DOI [10.1108/JES-02-2023-0089](https://doi.org/10.1108/JES-02-2023-0089).

32. Cazachevici, A. Remittances and Economic Growth: A Meta-Analysis / A. Cazachevici, T. Havranek, R. Horvath. *World Development*. 2020. Vol. 134. Article 105021. DOI [10.1016/j.worlddev.2020.105021](https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105021).

33. Matuzeviciute, K. Remittances, Development Level, and Long-Run Economic Growth. K. Matuzeviciute, M. Butkus. *Economies*. 2016. Vol. 4, No. 4. Article 28. DOI [10.3390/economies4040028](https://doi.org/10.3390/economies4040028).

34. Shafqat, M. M. Growth, Remittances and Self-Development in Low-Income Regions / M. M. Shafqat, E. Xia. *Human Systems Management*. 2019. Vol. 38, No. 3. Pp. 257–265. DOI [10.3233/HSM-180410](https://doi.org/10.3233/HSM-180410).

35. Islam, S. Remittance Inflow into Rural Economy of Bangladesh / S. Islam, H. Abubakar, S. A. Keramat. *Manpower Journal*. 2012. Vol. XLVII, No. 2–4.

36. Orozco, M. Mexican Hometown Associations and Development Opportunities / M. Orozco, M. Lapointe. *Journal of International Affairs*. 2004. Vol. 57, No. 2. Pp. 31–51.

37. Rothgang, M. The New Economy, the Impact of Immigration, and the Brain Drain / M. Rothgang, C. M. Schimdt. In *New Economy Handbook* / D. C. Jones (ed). San Diego: Academic Press, 2003. 1118 p. ISBN 978-0123891723.

Bio notes:

Hoang Duong Nguyen, Student, National Economics University, Hanoi, Vietnam.

Contact information: e-mail: 11204925@st.neu.edu.vn; ORCID ID: [0009-0000-2661-8704](https://orcid.org/0009-0000-2661-8704); Web of Science Researcher ID: [IUV-3716-2023](https://orcid.org/0009-0000-2661-8704).

Bich Ngoc Nguyen, Student, National Economics University, Hanoi, Vietnam.

Contact information: e-mail: alisnguyen.work@gmail.com; ORCID ID: [0009-0003-2993-7358](https://orcid.org/0009-0003-2993-7358); Web of Science Researcher ID: [IUV-4028-2023](https://orcid.org/0009-0003-2993-7358).

Hoang Minh Chau Le, Student, Foreign Trade University, Hanoi, Vietnam.

Contact information: e-mail: lehoang.mchau@gmail.com; ORCID ID: [0009-0004-7439-5639](https://orcid.org/0009-0004-7439-5639); Web of Science Researcher ID: [IUV-3452-2023](https://orcid.org/0009-0004-7439-5639).

Received on 02.01.2024; accepted for publication on 05.03.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ: ВЗГЛЯД ИЗ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Нгуен Хоанг Дуонг

Национальный экономический университет, Ханой, Вьетнам

E-mail: 11204925@st.neu.edu.vn

Нгуен Бич Нгок

Национальный экономический университет, Ханой, Вьетнам

E-mail: alisnguyen.work@gmail.com

Ле Хоанг Минь Чау

Университет внешней торговли, Ханой, Вьетнам

E-mail: lehoang.mchau@gmail.com

Для цитирования: Нгуен, Хоанг Дуонг. Трудовая миграция и экономический рост: взгляд из Азиатско-Тихоокеанского региона / Хоанг Дуонг Нгуен, Бич Нгок Нгуен, Хоанг Минь Чау Ле // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 1. С. 65–84. DOI [10.19181/demis.2024.4.1.5](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.5). EDN [AIMFCB](https://orcid.org/0009-0000-2661-8704).

Аннотация. Глобализация привела к значительным изменениям в экономике и обществе во всем мире, особенно в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где трудовая миграция является движущей силой экономического роста. Рабочие-мигранты востребованы в различных секторах и играют ключевую роль в региональном развитии. Страны упростили иммиграционные процедуры и приняли специальные меры для привлечения и удержания иностранной рабочей силы, но такие проблемы, как перемещение рабочих мест, баланс прав мигрантов и прав домашних работников, сохраняются. Исследования влияния трудовой миграции на экономическое развитие в Азиатско-Тихоокеанском регионе имеют огромное значение для решения этих вопросов. И потому настоящая статья посвящена анализу теоретических основ и практических аспектов трудовой миграции при изучении взаимосвязи между трудовой миграцией и экономическим развитием в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Основная цель исследования – определить общий контекст миграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе и уточнить его особенности путем проведения более глубокого анализа ситуации в некоторых репрезентативных странах региона. Кроме того, исследование направлено на выяснение взаимосвязи между трудовой миграцией и экономическим развитием в рассматриваемом регионе. Результаты показывают, что трудовая миграция оказывает положительное влияние на экономический рост посредством денежных переводов, которые поддерживают основные потребности семей и предпринимательскую деятельность.

Ключевые слова: экономический рост, миграционная политика, рабочая сила, миграция, денежные переводы мигрантов

Сведения об авторах:

Нгуен Хоанг Дуонг, студент, Национальный экономический университет, Ханой, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: 11204925@st.neu.edu.vn; ORCID ID: [0009-0000-2661-8704](https://orcid.org/0009-0000-2661-8704); Web of Science Researcher ID: [JUV-3716-2023](https://www.researcherid.com/rid/JUV-3716-2023).

Нгуен Бич Нгок, студент, Национальный экономический университет, Ханой, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: alingsnguyen.work@gmail.com; ORCID ID: [0009-0003-2993-7358](https://orcid.org/0009-0003-2993-7358); Web of Science Researcher ID: [JUV-4028-2023](https://www.researcherid.com/rid/JUV-4028-2023).

Ле Хоанг Минь Чау, студент, Университет внешней торговли, Ханой, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: lehoang.mchau@gmail.com; ORCID ID: [0009-0004-7439-5639](https://orcid.org/0009-0004-7439-5639); Web of Science Researcher ID: [JUV-3452-2023](https://www.researcherid.com/rid/JUV-3452-2023).

Статья поступила в редакцию 02.01.2024; принята в печать 05.03.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

DOI [10.19181/demis.2024.4.1.6](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.6)EDN [BUWFFZ](https://www.edn.ru/BUWFFZ)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКОГО ТУРИЗМА В ТАИЛАНДЕ В 2023 Г.

Рязанцев Н. С.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: ryazantsev080700@ya.ru

Лукашенко Е. А.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: ea-lukashenko@yandex.ru

Смирнов А. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: sofetel@mail.ru

Для цитирования: Рязанцев, Н. С. Социально-экономические и демографические аспекты российского туризма в Таиланде в 2023 г. / Н. С. Рязанцев, Е. А. Лукашенко, А. В. Смирнов // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 1. С. 85-100. DOI [10.19181/demis.2024.4.1.6](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.6). EDN [BUWFFZ](https://www.edn.ru/BUWFFZ).

Аннотация. В статье рассматривается эволюция притока российского турпотока в Королевство Таиланд в 2023 г., значительный рост которого преимущественно стал происходить после отмены статуса пандемии новой коронавирусной инфекции и вследствие нестабильной геополитической ситуации. Подробно освещается современная стратегия восстановления туристического бизнеса страны, направленная на популяризацию путешествий, включающая такие понятия, как безопасность, гигиеничность, экологичность, получение новых впечатлений, доходность и пр. Анализ новейших данных за прошедший 2023 г. как раз и представляет собой научную новизну исследования, основной целью которого является оценка темпов восстановления туристического потока наших соотечественников, всегда занимавших значимое место в турпотоке иностранных туристов в это гостеприимное юго-восточное государство. Актуальность исследования объясняется изучением тайского опыта наращивания объемов туристической отрасли, сильнее всего пострадавшей от COVID-19 и связанным с ним противозидемиологических ограничений. Результаты проведенной авторами научной работы, в первую очередь выявление основных тенденций, требующих системных изменений, необходимых для «восстановительной терапии» современной туристической отрасли в постковидный период, могут быть полезны для большого круга специалистов, в частности, применяться учеными в исследованиях миграции с рекреационными целями, а также в формате использования зарубежной практики при разработке стратегий увеличения туристических потоков в курортные регионы России.

Ключевые слова: Таиланд, международный туризм, туризм в Таиланде, туристическая отрасль Таиланда, последствия пандемии COVID-19, восстановление экономики Таиланда, российский туризм за рубежом, положение российских туристов за границей, российско-тайские отношения

Введение

Туристическая отрасль Королевства Таиланд остается одной из важнейших частей национальной экономики, несмотря на сильный удар со стороны пандемии новой коронавирусной инфекции, жестких ковидных ограничений, закрытие международных границ, падение туристических потоков, ряда иных последствий и долгое постковидное восстановление в целом. Граждане Российской Федерации традиционно занимали и продолжают занимать весомое место в турпотоке иностранных тури-

стов в эту юго-восточную страну, численность которых значительно упала в период локдауна, однако 2023 г. показал эффективную динамику восстановления туристического потока из России.

Большинство российских путешественников справедливо продолжает при выборе места, прежде всего, для пляжного, да и не только, отдыха за границей отдавать свое предпочтение годами излюбленным тайским курортам: островам Пхукет и Самуи, городам Паттайя и Чиангмай. Круглогодично мягкий климат, доброжелательное отношение тайцев к россиянам, клиентоориентированность бизнеса, преимущественно англоязычная среда, наращивание авиасообщения и его географии, широкий перечень так называемых «пакетных туров» при одновременной антигуманной дискриминации наших соотечественников на некогда более доступном для туристических поездок Западе, неудобства при проведении оплаты за услуги и товары за рубежом и другие обстоятельства – все это формирует новые высокие и стабильные потоки российских туристов в ряд стран Глобального Юга, в том числе и в Таиланд.

Источники информации и методы исследования

Достоверность исследования обеспечивается изучением широкого круга источников, преобладающая часть которых авторами статьи вводится в научный оборот впервые. Тем не менее имеющих принципиальное значение публикаций по избранному для изучения исследователями направлению еще не столь много ввиду того, что события происходят в наши дни.

Вместе с тем с момента объявления пандемии COVID-19 и в последовавший затем постковидный период отдельные российские и зарубежные ученые и практики – С. В. Рязанцев, Дань Нгуен Ань, Л. С. Рубан, М. А. Ананьин [1]; М. В. Шипугина [2]; А. В. Аношин, Э. Ф. Галямова, Е. В. Кутяшова, О. Н. Морозова [3]; Н. Л. Авилова, С. В. Дусенко [4]; Н. В. Бочкарева [5]; Е. В. Середина, Пантарук Чалемпаттананпонг [6]; Т. Е. Лебедева, С. В. Булганина, Д. С. Иванова, А. В. Лабазова, К. В. Белоусова [7]; Л. А. Шведов, Н. В. Яшкова, Т. Н. Цапина, С. В. Булганина, Т. Е. Лебедева [8] – в своих научных публикациях уже рассматривали те или иные актуальные проблемы развития туристической отрасли государств Юго-Восточной Азии, в т. ч. и Королевства Таиланд.

Особняком в приведенном нами списке работ стоит статья Н. С. Рязанцева «Международный туризм в Таиланде: тренды и восстановление потока российских туристов после пандемии COVID-19» [9]. Данная работа в этом ряду – вторая, написанная в соавторстве с еще двумя научными сотрудниками Института демографических исследований (ИДИ) ФНИСЦ РАН, развивающая и дополняющая немногим ранее выбранную молодым исследователем тему для изучения новыми актуальными данными и выводами.

Что касается подготовки настоящей статьи, то ее авторы широко использовали российскую и зарубежную прессу и периодику. Опубликованные в СМИ статьи с места событий «по горячим следам» отражают облик времени и дают серьезную информацию к размышлению.

В перспективе выбранная авторами исследовательская программа может быть продолжена.

Методология. Реализация задач по раскрытию и анализу проблематики данной статьи потребовала сочетания *различных методологических приемов и средств*, включая такие подходы, как ценностный, сравнительный и т. п. Исследование, проведенное в рамках подготовки настоящей работы к публикации, было направлено на анализ

основных направлений по рекреации российского турпотока в Королевство Таиланд в 2023 г., в частности, и активизацию туристической деятельности этой азиатской страны в целом. Итак, в своем исследовании авторы руководствовались требованиями объективности, конкретности, взаимосвязи общественных явлений с реальной действительностью, принципами системности и пр.

Влияние пандемии COVID-19 на туристическую отрасль Таиланда

Первый год пандемии новой коронавирусной инфекции привел к падению ВВП Сиамского королевства на 6,1% в 2020 г., и как следствие, сильное влияние было оказано на внутренний рынок труда¹. Согласно исследованию Национального института управления развитием Таиланда, снижение туристической активности «сильно сказалось» на более чем 3,9 млн работников отрасли, которые были вынуждены сменить свою некогда прибыльную сферу деятельности² на иную. До пандемии COVID-19, по подсчетам Министерства труда Королевства, туристический сектор насчитывал 7,7 млн человек, однако, принимая во внимание неформальную занятость и негативный эффект на смежные отрасли, с высокой долей уверенности можно предположить, что в действительности последствия пандемии были намного серьезнее³. Неудивительно, что в рамках борьбы с нехваткой рабочей силы после снятия ковидных ограничений и возобновления турпотока в страну Совет по туризму Таиланда начал предлагать государственные кредиты для гостиничного бизнеса, а также стал помогать выпускникам национальных учебных заведений, специализирующимся на туризме и гостиничном менеджменте, в поисках работы по туристическим специальностям, которые вновь становились необходимыми для государства.

По сравнению с 2022 г. минувший 2023 г. для Королевства выдался более чем удачным в плане восстановления экономики. Прежде всего, одной из ключевых причин этого стал прирост туристического потока, положительная динамика увеличения которого продолжает сохраняться и ныне. В соответствии с имеющимися местными мнениями общий поток международных авиапассажиров в Таиланд по результатам 2023 г. должен достичь чуть более 63 млн человек, тогда как в 2019 г. это число составляло порядка 80 млн человек, а оптимистичные прогнозы тайского авиационного ведомства говорят даже о показателе свыше 88,6 млн по итогам 2024 г.⁴. Общее число интуристов, посетивших страну с начала 2023 г., превысило 25 млн человек, в то время как в допандемийный рекордный 2019 г. такой показатель, по данным Министерства туризма и спорта Королевства, был выше 40 млн человек^{5,6}. Кроме того, в 2023 г. столица государства смогла вернуть себе статус самого посещаемого города

¹ GDP Growth (annual %) – Thailand // The World Bank : [site]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=TH> (accessed on 22.12.2023).

² Thailand's tourism industry struggles to deal with chronic labour shortage // Thaiger : [site]. URL: <https://thethaiger.com/news/phuket/thailands-tourism-industry-struggles-to-deal-with-chronic-labour-shortage> (accessed on 15.12.2023).

³ Ibidem.

⁴ В Таиланде зарегистрировано девять новых авиакомпаний // АвиаПорт. Новости : [сайт]. URL: <https://www.aviaport.ru/news/v-tailande-zaregistrirovano-devyat-novykh-aviakompaniy/> (дата обращения: 15.12.2023).

⁵ Таиланд с начала 2023 года посетили около 1,3 млн россиян // ТАСС : [сайт]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19464145?ysclid=lqg543z18j381044359> (дата обращения: 22.12.2023).

⁶ Reimagining Travel: Thailand Tourism after the COVID-19 Pandemic // McKinsey : [site]. URL: <https://www.mckinsey.com/industries/travel-logistics-and-infrastructure/our-insights/reimagining-travel-thailand-tourism-after-the-covid-19-pandemic> (accessed on 22.12.2023).

мира среди зарубежных туристов, приняв около 22,8 млн человек⁷. Напомним, что Бангкок уже достаивался такого звания в 2016 г., тогда его посетили свыше 21,5 млн туристов-иностранцев^{8,9}. Помимо столицы, еще два тайских города в 2023 г. вошли в топ-20: Пхукет занял 14-е место, а Паттайя – 15-е¹⁰.

Все перечисленные города, а также самый крупный на севере Таиланда город Чиангмай являются одними из наиболее привлекательных городов Азии не только для туристов, но и для так называемых «цифровых кочевников», в том числе выходцев из стран СНГ, включая Россию^{11,12}. В частности, это привело к стремительному росту русскоговорящего сообщества в Королевстве и формированию русскоязычного бизнеса. Сиам привлекает внимание «экспатов» своей относительной дешевизной, англоговорящей средой, множеством развлечений, климатом и рядом других факторов. Несмотря на то, что пандемия COVID-19 всерьез ударила по сложившемуся экономическому укладу государства, образу жизни и формату путешествий иностранцев, переосмысление рабочего времени и пространства позволило найти новую целевую группу иностранных туристов. В то же время важно учитывать, что отсутствие как таковой визы «цифрового кочевника» в Таиланде (несмотря на, казалось бы, все многообразие визовых программ) осложняет точный подсчет подобного рода социальной группы иностранцев в Королевстве.

Существенную роль в нормализации экономической ситуации в Таиланде сыграла и эпидемиологическая обстановка как внутри самого Королевства, так и в Китае, одном из наиболее важных для государства доноров туристов. Напомним, что в 2022 г. количество россиян, посетивших Таиланд, даже несколько превысило число китайских туристов из-за продолжившейся антиковидной кампании в Поднебесной вследствие новой волны распространения коронавирусной инфекции. И все же путешественники из КНР смогли быстро вернуть свое первенство, тем не менее численность туристов из России, как и сейчас, будет продолжать оставаться на одном из первых мест списка, уступая разве что представителям Малайзии (4 млн туристов по итогам 2023 г., согласно данным Министерства туризма и спорта Королевства Таиланд), Китая (3,1 млн туристов в 2023 г.), Республики Корея (1,5 млн туристов в 2023 г.) и Индии (1,47 млн туристов в 2023 г.)¹³. Вместе с тем напомним, что рынок названных стран сам по себе более емкий.

⁷ Бангкок занял первое место в мире по количеству туристов в 2023 году и стал самым посещаемым городом // The Pattaya News : [сайт]. URL: <https://thepattayanews.ru/2023/12/28/бангкок-занял-первое-место-в-мире-по-количеству-туристов-в-2023-году-и-стал-самым-посещаемым-городом/> (дата обращения: 13.01.2024).

⁸ Бангкок признан самым популярным городом среди туристов // Коммерсантъ : [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3095760> (дата обращения: 13.01.2024).

⁹ Такая статическая диспропорция обусловлена тем, что именно Бангкок является авиационным хабом, куда «слетаются» все авиапассажиры и уже оттуда продолжают свое путешествие по Королевству.

¹⁰ Бангкок занял первое место в мире по количеству туристов в 2023 году и стал самым посещаемым городом // The Pattaya News : [сайт]. URL: <https://thepattayanews.ru/2023/12/28/бангкок-занял-первое-место-в-мире-по-количеству-туристов-в-2023-году-и-стал-самым-посещаемым-городом/> (дата обращения: 13.01.2024).

¹¹ Best Places to Live for Digital Nomads // Nomad List : [site]. URL: <https://nomadlist.com/> (accessed on 13.01.2024).

¹² Единого и точного определения у термина «цифровой кочевник» нет. В широком смысле под этим термином принято понимать людей, которые ведут мобильный образ жизни: используя Интернет, работают в одной стране, а проживают – в другой.

¹³ Таиланд с начала 2023 года посетили около 1,3 млн россиян // ТАСС : [сайт]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19464145> (дата обращения: 22.12.2023).

Меры по стимулированию развития туристического сектора и инфраструктуры Таиланда в 2023 г.

В ноябре 2023 г. глава Управления гражданской авиации Королевства С. Конгпул сообщил о том, что девять новых авиакомпаний начали прохождение процедуры получения необходимых сертификатов для старта коммерческих авиаперевозок в стране и подтвердил, что авиационная отрасль государства демонстрирует признаки восстановления, а пассажиропоток увеличивается¹⁴. Создание альтернативных авиаперевозчиков расширяет сеть авиаперевозок и повышает доступность страны для иностранных путешественников, увеличивает конкуренцию среди компаний-перевозчиков, что в итоге положительно сказывается не только на качестве предоставляемых услуг, но и на их ценах.

Появление дополнительных участников на авиарынке стимулирует рост капиталовложений в развитие местной инфраструктуры, в том числе в открытие новых или модернизацию существующих авиагаваней и увеличение пассажиропотока. К примеру, в одном только международном бангкокском аэропорту Суварнабхуми запуск нового терминала на полную мощность способен повысить пропускную способность воздушной гавани до 60 млн человек в год¹⁵. Параллельно будет происходить и расширение другой столичной авиагавани – аэропорта Дон Муанг, третий терминал которого увеличит удовлетворение спроса растущих потоков, как авиапассажиров, так и туристов с сегодняшних 30 млн до 50 млн пассажиров в 2029 г.¹⁶. Капиталовложения также получит инфраструктура вокруг аэропорта Утапао, расположенного неподалеку от известного курорта Паттайя¹⁷. Стратегия инвестирования в развитие воздушных гаваней способна не только оправдать себя в вопросе максимизации обработки пассажиропотока, но и напрямую внести существенный вклад в ВВП государства или хотя бы его отдельных регионов либо городов¹⁸. Кроме того, стало известно и о том, что на фоне продолжающегося восстановления турпотока крупнейший национальный авиаперевозчик «Thai Airlines» ведет переговоры о возможном заказе 95 самолетов «Boeing» и «Airbus», поскольку авиакомпания готовится к выходу на растущие туристические рынки¹⁹.

Сверх того добавим, что с 1 июня 2023 г. для приезжающих в Королевство зарубежных туристов планировалось ввести специальный туристический сбор (что сегодня является довольно распространенной мировой практикой), необходимость которого бурно обсуждалась в правительственных кругах государства на протяже-

¹⁴ В Таиланде зарегистрировано девять новых авиакомпаний // АвиаПорт. Новости : [сайт]. URL: <https://www.aviaport.ru/news/v-taillande-zaregistrirovano-devyat-novykh-aviakompaniy> (дата обращения: 15.12.2023).

¹⁵ В Бангкоке в аэропорту Суварнабхуми протестировали новый терминал // АвиаПорт. Новости : [сайт]. URL: <https://www.aviaport.ru/news/761179/> (дата обращения: 15.12.2023).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Таиланд инвестирует 8,9 млрд долларов в развитие авиационной отрасли // Авиатранспортное обозрение : [сайт]. URL: <http://www.ato.ru/content/tailand-investiruet-89-mlrd-dollarov-v-razvitiie-aviacionnoy-otrasli> (дата обращения: 07.01.2024).

¹⁸ Как это, например, произошло в ОАЭ, где международный аэропорт г. Дубая, быстро став одним из крупнейших авиахабов не только в регионе, но и в мире, уже начал формировать более 27% ВВП одноименного эмирата, а к 2030 г., согласно некоторым оптимистичным прогнозам, этот показатель может достигнуть более 44% (См. : А. Мовчан. Объединенные Арабские Эмираты: монархический либерализм).

¹⁹ Национальная авиакомпания покупает 95 самолетов // Новости Таиланда : [сайт]. URL: <https://pattayapeople.ru/news/buying-airplanes-pattaya-thailand> (дата обращения: 07.01.2024).

нии нескольких последних лет. Затем дата его введения была перенесена на 1 января 2024 г. Размер уплачиваемого турналога должен был зависеть от способа пересечения государственной границы (поезд, самолет, морские суда) и не зависеть от сроков пребывания в стране. Исключение могли составить только фактически транзитные путешественники, которые планировали провести в Королевстве не более одних суток. В случае прилета в Таиланд самолетом сбор в размере 300 тайских бат предполагалось автоматически добавлять к стоимости авиабилета иностранного туриста²⁰ и направлять на поддержку зарубежных гостей, которые при путешествии по территории страны могли пострадать от несчастных случаев, а еще на развитие туристических направлений²¹. Заметим, вряд ли такая фискальная мера, по нашему мнению, способна хоть сколь-нибудь сократить интерес к данному турнаправлению, а также решить поставленные задачи. Однако позже стало известно, что тайские власти решили несколько повременить с этим туристическим сбором, и в соответствующем государственном ведомстве заявили, что «взимание туристического налога будет отложено до тех пор, пока ситуация в отрасли не улучшится»²². Дополнительно сообщим, что еще в сентябре 2023 г. власти Королевства уведомили о том, что намерены найти способы увеличения расходов зарубежных туристов и стимулировать их тратить денег больше, чем нынешняя норма в 43 тыс. тайских бат²³.

Поэтому неудивительно, что почти в то же время Правительство Таиланда одобрило продление временного безвизового 30-дневного пребывания в стране для граждан Китая, Индии и Казахстана до мая 2024 г. (изначально предполагалось, что мера будет действовать лишь до февраля с. г.)²⁴. Такое своего рода «равноправие» в отношении китайских и индийских туристов, скорее всего, можно объяснить желанием тайских властей стимулировать не только краткосрочный бюджетный туристический поток, но и продажу долгосрочных (сроком до 20 лет) так называемых «элитных» виз, ориентированных в первую очередь на состоятельных иностранных граждан²⁵. Как бы то ни было, крайне высокий порог входа – от 900 тыс. тайских бат за 5-летнюю визу – в данную миграционную программу лишает возможности путешественников из других государств, пусть и менее состоятельных, на такой способ легализации²⁶.

Уже в ближайшем будущем в Сиамском королевстве планируется развивать туризм в провинциях «второго уровня». Что опять же увеличит рост не только туристического потока, пополнит казну государства, но и сделает более равномерным распределение этого дохода по территории всей страны. Тем не менее существует вероятность того, что поскольку туристический поток из Поднебесной не оправдал ожиданий, то профильные ведомства Таиланда будут продолжать лоббировать увеличение сроков безвизового режима пребывания в стране, прежде всего для граждан

²⁰ Порядка 800 российских рублей по курсу ЦБ РФ на 15.12.2023 г.

²¹ Thailand – Tourist Tax : You will have to pay extra to enter these cities // The Economic Times : [site]. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/nri/visit/tourist-tax-you-will-have-to-pay-extra-to-enter-these-cities/thailand/slideshow/103609080.cms> (accessed on 22.12.2023).

²² Unpopular tourist tax further postponed 'until industry recovers' // The Nation : [site]. URL: <https://www.nationthailand.com/special-pr/thailand/tourism/40034004> (accessed on 07.01.2024).

²³ Порядка 110 тыс. российских рублей по курсу ЦБ РФ на 15.12.2023 г.

²⁴ Таиланд продвигает туризм в провинциях второго уровня // Новости Таиланда : [сайт]. URL: <https://pattayapeople.ru/news/second-tier-provinces-pattaya-thailand> (дата обращения: 15.12.2023).

²⁵ Become a Thailand Elite's member // Thailand Elite : [site]. URL: <https://thailand-elite.com/> (accessed on 07.01.2024).

²⁶ Порядка 3 млн российских рублей по курсу ЦБ РФ на 07.01.2024.

КНР, и/или его дальнейшее продление, чтобы оправдать свои, как выяснилось, несколько завышенные прогнозы, пусть и достижимые в обозримом будущем.

Особенности туристического потока из России в Королевство Таиланд в 2023 г.

Привлекательные миграционные послабления «в лучших интересах экономического и внешнеполитического взаимодействия с РФ, в особенности в сфере связей между народами, которые являются основой международных отношений» в крайне строгой миграционной системе коснулись и российских туристов. Так, с 1 ноября 2023 г. по 30 апреля 2024 г. граждане Российской Федерации по одностороннему решению официальных тайских властей вместо ранее разрешенных 30 дней смогут находиться на территории государства до 90 дней, и все также посредством получения так называемой «визы по прибытии», то есть постановления обычного штампа в паспорт с указанием крайнего дня законного пребывания в Королевстве²⁷.

Говоря в общих чертах о социально-политическом взаимодействии между двумя странами, нужно отметить, что высокие и доброжелательные партнерские российско-тайские отношения удовлетворительно сказываются и на практической жизни народов обоих государств. Таиланд, несмотря на давление Запада, так и не присоединился к противоправным санкциям против россиян, российского бизнеса и Российской Федерации в целом²⁸. Королевство достойно входит в перечень «дружественных стран», что позволяет нашим соотечественникам не только рассматривать Таиланд в качестве спокойного места для отдыха, но и не опасаться за свою безопасность, не бояться быть дискриминированными по этническому и национальному признакам и т. п. В действительности все эти факторы уже смогли заметно повлиять на рост туристического потока из России и, возможно, в дальнейшем смогут поддерживать такой же высокий приток туристов-россиян.

Продолжим тему о введенных миграционных изменениях для российских граждан, ибо они имеют весьма большое значение, так как многие из наших соотечественников целенаправленно выбирают данное государство для «зимовки», то есть для пребывания здесь в течение продолжительного времени. Для множества других российских туристов отпадает необходимость в осуществлении так называемых «визаранов», пусть пока только и до конца апреля 2024 г. Вероятнее всего, если тайские государственные органы до начала мая не придут к соглашению о сохранении такого продолжительного срока пребывания в Королевстве для россиян, то они так или иначе какое-то компромиссное решение все же найдут. Достаточно, например, вспомнить 2022 г., когда безвизовый режим для наших соотечественников был увеличен с привычных 30 до 45 дней²⁹. Согласно осенним 2023 г. прогнозам многих российских туристических агентов, вполне ожидаемо, что в зимний период 2023–2024 гг. Таиланд

²⁷ В Таиланде утвердили даты безвизового въезда россиян на 90 дней // РИА Новости : [сайт]. URL: <https://ria.ru/20231017/tailand-1903226237.html> (дата обращения: 15.12.2023).

²⁸ Посол РФ: западные страны оказывают давление на Таиланд из-за неприсоединения к санкциям // ТАСС : [сайт]. URL: <https://tass.ru/politika/17023759> (дата обращения: 15.12.2023).

²⁹ Общеизвестная во многих государствах мира практика так называемых «визаранов» предполагает выезд за пределы страны пребывания и последующий обратный въезд в максимально быстрый временной период в более-менее комфортных условиях и с низкими финансовыми вложениями. Такая «туристическая» экспресс-программа осуществляется, как правило, в рамках пересечения сухопутной границы с близлежащими государствами. В случае с Таиландом распространена практика взаимодействия с Лаосом и Камбоджей.

способен стать лидером в списке наиболее популярных для россиян направлений³⁰. Причиной тому справедливо служат не только, как мы уже выяснили, благоприятное миграционное законодательство тайского государства, но одновременно с этим и несколько ограниченная ныне по доступности география зарубежных поездок для граждан РФ, а кроме того, реальное расширение географии маршрутов авиаперевозчиков из России в Таиланд и увеличивающийся поток самолетов.

И все же объемы российских авиаперелетов в Королевство Таиланд в зимний период 2023–2024 гг. еще не достигли допандемийного уровня 2019 г., когда из России в сторону Сиама еженедельно направлялись около сотни авиалайнеров. Но, безусловно, тенденция к скорому возвращению на некогда впечатляющие уровни сохраняется. Сегодня, как и прежде, ключевые российские авиакомпании продолжают успешно выполнять свои рейсы в Королевство³¹. Также в 2023 г. увеличилась и сама география авиаперевозок из России в эту страну, к которой в рамках чартерной программы добавились такие города, как Челябинск, Тюмень, Пермь и Самара (очевидно, что именно благодаря чартерным перелетам россияне и смогли познакомиться с Таиландом в те далекие 1990-е гг., когда из нашей страны были организованы первые чартерные рейсы в тогда еще неизвестное для многих соотечественников азиатское государство)^{32,33}.

Таким образом, общее число городов, доступных для отправления из России в Королевство Таиланд в зимний сезон 2023–2024 гг., достигнет 17-ти (помимо Москвы к этим городам относятся Санкт-Петербург, Сочи, Казань, Уфа, Екатеринбург, Иркутск, Томск, Омск, Красноярск, Новосибирск, Владивосток и Хабаровск, то есть фактически почти все ключевые региональные центры европейской и азиатской частей страны), в то время как в зимний период 2022–2023 гг. их было 15³⁴. Причем, к примеру, на ключевой курорт для россиян о. Пхукет прямое авиасообщение доступно практически из всех городов, из которых самолеты из России летают в Королевство. Обилие прямого авиасообщения между нашей страной и Таиландом является очень важной причиной популярности данного направления для российских туристов. Во-первых, прямое авиасообщение между государствами само по себе не только положительно сказывается на ценообразовании, но и делает перелет максимально комфортным, ведь путешественники-россияне привыкли получать сервис в полной мере и на высоком уровне. Здесь нельзя забывать и о том, что большую долю отечественных туристов составляют семейные пары, зачастую путешествующие с детьми, для которых время перелета играет важную роль, а наличие стыковочного рейса, а тем более нескольких, может стать причиной выбора для визита в пользу иных стран. Во-вторых, Королевство Таиланд выглядит более выигрышным вариантом для таких путешественников, равно как и для жителей Дальнего Востока и Сибири, перелет откуда занимает и того меньше времени, чем в другие популярные среди россиян государства (Турция, Египет, Объединенные Арабские Эмираты и пр.).

³⁰ Какие федеральные округа России лидируют по продажам туров в Таиланд // Ассоциация туроператоров : [сайт]. URL: <https://www.atorus.ru/node/54456> (дата обращения: 15.12.2023).

³¹ Если говорить конкретнее, то это «Аэрофлот», «Сибирь» (под брендом «S7 Airlines»), «Уральские авиалинии», «Red Wings», «Azur Air» и «Икар» (до недавнего времени «Pegas Fly»).

³² Туры в Таиланд – очарование и колорит Азии! // Самараинтур : [сайт]. URL: <https://samaraintour.ru/tailand> (дата обращения: 15.12.2023).

³³ Туроператоры продолжают расширять полетные программы в Таиланд // Ассоциация туроператоров : [сайт]. URL: <https://www.atorus.ru/node/54450> (дата обращения: 15.12.2023).

³⁴ Там же.

Все это позволило Таиланду за несколько лет постепенно восстановить поток туристов из России. Так, если в допандемийный 2019 г. страну посетили почти 1,5 млн российских путешественников (до пандемии Россия, как правило, занимала 7-е место среди государств по числу туристов в юго-восточном Королевстве), а в 2021 г. их число составило менее 40 тыс., то уже в 2022 г. показатель, согласно тайландской статистике, достиг более 430 тыс., т. е. вырос в 14 раз³⁵. Что касается 2023 г., то только по итогам двух первых месяцев года в Таиланде побывали почти 390 тыс. российских туристов (или более 570 тыс., если брать зимний показатель 2022–2023 гг. в целом), к середине 2023 г. число наших соотечественников уже превысило 800 тыс. человек, а по результатам десяти месяцев года показатель достиг более 1,1 млн человек, что на деле подтвердило прогнозы тайских властей^{36,37}. В начале декабря 2023 г. число российских туристов, посетивших эту страну, вышло за рамки 1,3 млн человек³⁸. С началом высокого зимнего туристического сезона из России в Таиланд, по данным Министерства туризма и спорта Королевства, пребывает порядка 50 тыс. человек еженедельно, и такая динамика способна «добить» показатель в 1,5 млн человек и, если не превысить, то по крайней мере достичь допандемийного уровня³⁹.

Первые данные по турпотоку за 2023 г., пришедшие из Таиланда в январе 2024 г., со ссылкой на АТОР, говорят о том, что Королевству полностью удалось восстановить потерянные за время пандемии объемы российского туристического потока и даже немного их превзойти. А именно: более 1,48 млн визитов в 2023 г.; в 2019 г. их насчитывалось 1,47 млн⁴⁰. И теперь Россия занимает 5-е место по количеству туристов в общем зачете, а среди не азиатских рынков по-прежнему безусловный лидер. Согласно данным Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС), за первые три квартала 2023 г. общее число россиян, посетивших Таиланд, составило около 688 тыс. человек, из которых почти 520 тыс. прибыли в страну с туристической целью⁴¹. Важно учитывать, что возможное расхождение статических данных российской и тайландской сторон в большой степени связано с методологией подсчета. Так, если принимающая сторона ведет подсчет туристов, опираясь на их гражданство в независимости от страны прибытия, то отечественная миграционная система воспринимает выезжающих из РФ без учета их конечной точки путешествия. Сегодня, несмотря на, казалось бы, большое наличие прямых рейсов между Таиландом и Россией, нередко отечественные путешественники выбирают маршрут с транзитом через третьи государства, например, Катар или ОАЭ. Также нельзя забывать и том, что Сиам посещают и другие наши соотечественники, которые временно или постоянно проживают в третьих странах.

³⁵ Российский турпоток в Таиланд по итогам 2022 года вырос в 14 раз // Ассоциация туроператоров : [сайт]. URL: <https://www.atorus.ru/node/51175> (дата обращения: 22.12.2023).

³⁶ Власти Таиланда заявили о росте числа приезжих из России на 1000% // РБК : [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/society/27/07/2023/64c2c6e49a7947fb751fia33> (дата обращения: 22.12.2023).

³⁷ За 2023 год Таиланд посетило рекордное количество россиян // B2B Ostrovok.ru : [сайт]. URL: <https://b2b.ostrovok.ru/blog/za-2023-god-tailand-posetilo-rekordnoe-kolichestvo-rossiyan/> (дата обращения: 22.12.2023).

³⁸ Таиланд с начала 2023 года посетили около 1,3 млн россиян // ТАСС : [сайт]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19464145> (дата обращения: 22.12.2023).

³⁹ Там же.

⁴⁰ Российский турпоток в Таиланд за 2023 год превзошел показатели 2019 года // Ассоциация туроператоров : [сайт]. URL: <https://www.atorus.ru/node/55304> (дата обращения: 27.01.2024).

⁴¹ Выезд граждан России // ЕМИСС. Государственная статистика : [сайт]. URL: <https://fedstat.ru/indicator/38480> (дата обращения: 15.12.2023).

Оценивая туристический поток из Российской Федерации в Королевство Таиланд, нелишним будет напомнить и о том, что в начале 2023 г. тайское население, проживающее в курортных зонах, стало активно жаловаться на то, что российские путешественники якобы «заполнили» курорты страны, и даже поговаривать, что доля туристов-россиян в местных отелях и на пляжах достигла более 80% от общего числа посетителей. Но, как нам представляется, именно это в постпандемное время во многом и спасло экономику принимающей стороны⁴². Однако нельзя воспринимать подобные ситуации как прецедент для изменения миграционного законодательства тайского государства в целом или для российских граждан в частности, ведь Таиланд по-прежнему продолжает оставаться страной, максимально ориентированной на туризм во многих его проявлениях, не говоря уже о том, что это «страна улыбок», как считают сами тайцы. Кстати, подобная «комичная» ситуация снова повторилась прошлой осенью⁴³. Более того, статьи тайских СМИ стали пестреть сведениями о том, что «туристический поток из России в Таиланд увеличивается на 1000%» от года к году⁴⁴. Среди наиболее популярных у россиян локаций (см. рис. 1), помимо уже упомянутого о. Пхукет, можно выделить о. Самуи, города Паттайю и Бангкок. Нередко российские туристы посещают и маленькие острова, несколько удаленные от районных центров и менее затронутые жизнедеятельностью человека, но, как правило, такие поездки осуществляются в рамках одного дня.

Если говорить о финансовых трудностях, которые могут возникнуть перед нашими соотечественниками во время поездки в Сиамское королевство, то этот вопрос не стоит настолько остро, как может показаться поначалу.

Во-первых, большинство россиян посещает Таиланд в рамках «пакетных туров», что автоматически снимает ряд ключевых моментов, например, по оплате трансфера в/из отеля, а возможно и части экскурсий, в зависимости от выбранной программы. Деньги на оплату повседневных расходов на еду и развлечения можно без особого труда получить путем обмена наличных долларов США, заранее купленных в банках на Родине, в местных тайских обменниках по приемлемому курсу.

К большому сожалению, работа российской платежной системы «Мир» в Королевстве в 2023 г. так и не была отлажена, что в ближайшее время потребуют неотлагательной и тщательной проработки между государственными регуляторами и финансовыми учреждениями обеих стран. Безусловно, если такая мера на территории Таиланда будет реализована, Королевство и тайский туристический бизнес смогут рассчитывать на еще более мощный приток российских денег в экономику, а туристы из России – на получение максимально удобного способа расчетов на отдыхе⁴⁵. Вместе с тем даже сегодня туристы-россияне могут при вылете из Таиланда претен-

⁴² Yahoo News Japan: В условиях санкций Таиланд стал излюбленным местом отдыха российских туристов новости // ИНОТВ : [сайт]. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2023-01-27/Yahoo-News-Japan-v-usloviyah> (дата обращения: 15.12.2023).

⁴³ Al Jazeera : Жители Пхукета жалуются, что русские прибрали остров к рукам // ИНОТВ : [сайт]. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2023-09-06/Al-Jazeera-zhiteli-Phuketa-zhaluyutsya> (дата обращения: 15.12.2023).

⁴⁴ Поток российских туристов в Таиланд вырос на 1000% // Forbes Life : [сайт]. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/493621-potok-rossijskih-turistov-v-tailand-vyros-na-1000> (дата обращения: 22.12.2023).

⁴⁵ На радость туристам. В Таиланде может заработать платежная система «Мир» // Российский центр новостей : [сайт]. URL: <https://rusnewshub.ru/2023/09/26/na-razdost-turistam-v-taillande-mozhet-3> (дата обращения: 15.12.2023).

довать на возвращение до 6% стоимости приобретенных в стране товаров (такс-фри) в виде наличных средств.

Рис. 1. Курорты Таиланда на карте страны
Fig. 1. Resorts of Thailand on a map of the country

Источник: Куда поехать в Таиланде⁴⁶

Во-вторых, работа эмитированных российскими банками кобейджинговых банковских карточек китайской платежной системы «UnionPay» не была остановлена никакими очередными незаконными и античеловечными санкциями западных правительств. Кроме того, на территории Королевства продолжают свою деятельность обменники, в том числе криптообменники. В наиболее популярных среди российских туристов локациях, уже названных нами ранее, работают русскоязычные компании, занимающиеся обменом российского рубля и иных популярных национальных валют стран СНГ на местную фиатную валюту. Вопрос о законности финансовых операций с такими компаниями до сих пор пребывает в неопределенном состоянии, так как многие подобные «обменные пункты» практикуют получение российской валюты от наших соотечественников посредством межбанковских переводов на карточки российских банков своих доверенных физических лиц.

В-третьих, все больше россиян стало пользоваться переводами в альтернативных финансовых инструментах, а именно в криптовалюте, и прежде всего при помощи так называемых «стейблкоинов», т. е. с использованием максимально низковолатильных и высоколиквидных криптоинструментов, фактически привязанных к курсу доллара США. Напомним, что оборот криптоактивов в Таиланде законен, тем не менее находится в несколько подвешенном статусе из-за крайне запутанного и неоднозначного государственного регулирования.

По нашему мнению, возникла необходимость в поиске и изучении альтерна-

⁴⁶ Куда поехать в Таиланде, лучшие курорты для отдыха в 2024 году // Автомобильные путешествия Александра Большакова : [сайт]. URL: <https://in-trips.ru/blog/kurorty-taylanda.html> (дата обращения: 22.12.2023)

тивных финансовых инструментов, способных повысить интерес не только рядовых граждан РФ к ранее недооцененной криптоиндустрии, но и обратить внимание отечественных законодателей на дерегулирование такого способа расчетов, способных эффективно обходить противоправные антироссийские санкции. Мало того, поскольку между странами в том или ином виде существует и функционирует платежный шлюз, а между Россией и Таиландом сохранились переводы в рамках пока все еще наиболее популярной международной межбанковской платежной системы «SWIFT», то тайская экономика способна удовлетворить спрос со стороны и более состоятельных российских граждан.

За прошедшие 2022–2023 гг. россияне обошли всех других иностранных инвесторов в вопросе покупки недвижимости в Сиамском королевстве. Общий объем продаж вилл в 2022 г. вырос в ряде локаций на 82%, из них около половины купили граждане России⁴⁷. Например, россияне стали самой многочисленной группой покупателей недвижимости на Пхукете, где они скупили более 40% всех реализованных среди иностранцев лотов, и приобрели ее наши сограждане в том числе для сдачи в аренду⁴⁸. В частности, один неназванный россиянин купил 16 вилл. В конечном итоге все сказанное привело к резкому росту стоимости недвижимости в некоторых районах страны, что опять же вызвало недовольство местных жителей; и даже был установлен новый исторический рекорд по стоимости жилья. В целом аналитики российских компаний по продаже недвижимости за рубежом сходятся во мнении, что в 2023 г. на Таиланд пришлось порядка 20% спроса со стороны покупателей из России^{49,50}. При этом эксперты указывают на то, что, вероятнее всего, такая высокая доля интереса к данному направлению способна сохраниться и в 2024 г.⁵¹

В равной мере тайские жители и туристические компании начали жаловаться на то, что некоторые предприимчивые россияне стали заниматься незаконным бизнесом, работая с российскими туристами напрямую^{52,53,54}. Такое утверждение стоит принять во внимание, ведь так называемая «русскоязычная экономика» на тайландских курортах действительно в последнее время приобретает все более заметные

⁴⁷ В Таиланде зафиксировали рост числа приезжих из России на 1000% // Коммерсантъ : [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6125747> (дата обращения: 15.12.2023).

⁴⁸ Россияне доминируют на рынке недвижимости Таиланда // РИА Новости – Недвижимость : [сайт]. URL: <https://realty.ria.ru/20230222/tailand-1853628072.html> (дата обращения: 15.12.2023).

⁴⁹ Россияне начали скупать недвижимость в Индонезии и Таиланде перед началом турсезона // Forbes.ru : [сайт]. URL: <https://www.forbes.ru/investicii/487237-rossiane-nacali-skupat-nedvizimost-v-indonezii-i-taillande-pered-nacalom-tursezona> (дата обращения: 15.12.2023).

⁵⁰ Кто обогнал Турцию: топ-5 стран у россиян для покупки жилья в 2023 году // РБК Недвижимость : [сайт]. URL: <https://realty.rbc.ru/news/657648629a79479095d3ac31> (дата обращения: 15.12.2023).

⁵¹ Там же.

⁵² Согласно законодательству Таиланда, в целях защиты трудовых интересов тайского населения, иностранным гражданам запрещено работать гидами и водить туристические экскурсии на территории страны, однако иностранцы могут быть переводчиком при местном гида. Неудивительно, что это часто становится лазейкой для предприимчивых иностранных граждан, с чем старается жестко бороться тайландская полиция.

⁵³ Премьер Таиланда потребовал принять жесткие меры против работающих гидами иностранцев // ТАСС : [сайт]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17398561> (дата обращения: 15.12.2023).

⁵⁴ В Таиланде пожаловались на потерю доходов от туристов из-за смекалистых россиян // Lenta.ru : [сайт]. URL: <https://lenta.ru/news/2023/02/07/smekalistye/> (дата обращения: 15.12.2023).

масштабы^{55,56}. Резюмируя, укажем на то, что преимущественно для путешественников из России на тайских курортах в настоящее время работают рестораны восточноевропейской кухни, туристические фирмы, трансферы, агентства недвижимости, обменные пункты и пр. компании, основанные русскоговорящими представителями из стран СНГ. Таким образом, в Таиланде в последние годы фактически начинает складываться более значимая так называемая «русскоязычная экономика», которая ныне заслуживает гораздо большего внимания со стороны научного сообщества.

Заключение и выводы

Сегодня можно смело констатировать, что экономика Королевства Таиланд продолжает успешно справляться пусть и с несколько продолжительными последствиями пандемии COVID-19, с которыми столкнулись многие сектора экономики, прежде ориентированные на некогда очень высокие потоки иностранных туристов в страну и тайское общество в целом. Однако весьма адекватная государственная политика, направленная в том числе на серьезные капиталовложения не только в важные уже на данный момент, но и перспективные в будущем инфраструктурные и рекреационные проекты и локации, а также грамотное сотрудничество и партнерство с иностранными государствами в рамках соблюдения собственных национальных интересов под призмой экономической выгоды позволяют сопроводить это восстановление и рациональной диверсификацией экономики Таиланда, создавая более твердую почву для дальнейшего наращивания национального благосостояния в широком смысле этого слова. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что в случае возникновения новых глобальных катаклизмов, включая и эпидемиологические, страна окажется несколько лучше подготовленной к непредвиденным трудностям, а объему туристических потоков в Королевство будет уготовлено довольно скорое восстановление.

Касательно дальнейших перспектив российского туристического потока в Таиланд, подчеркнем, что в случае продолжения нестабильной геополитической ситуации в мире вкпе с деструктивной дискриминацией россиян по национальному признаку рекреационные ресурсы дружелюбных и надежных стран Глобального Юга без труда будут продолжать удовлетворять качественно высокий спрос наших соотечественников на зарубежный отдых, что позволит этим государствам завоевать еще большую репутацию и авторитет со стороны России, заслужить любовь и качественно сместить интересы и географию заграничных поездок российских граждан. И все же в случае нормализации или стабилизации ситуации в какой-то степени существует вероятность того, что мы сможем наблюдать некоторое снижение интереса к крайне популярным

⁵⁵ Rich Russians Isolated From the West Are Flocking to Thailand's Phuket // Bloomberg : [site]. URL: <https://www.bloomberg.com/news/features/2023-07-27/wealthy-russians-flock-to-thailand-money-flows-to-phuket-reshaping-island> (accessed on 15.12.2023).

⁵⁶ Нельзя исключать, что в ближайшее время в Таиланде может сформироваться еще более основательная так называемая «русскоязычная экономика», как это произошло, например, все в тех же ОАЭ. В общих чертах данный термин подразумевает, что в иностранном государстве может произойти своего рода уникальная экономическая ситуация, когда массовая эмиграция представителей одной культуры, языка или этноса формирует свое языковое сообщество в виде целого района, квартала или даже города, экономическая деятельность которого направлена перво-наперво на удовлетворение потребностей соотечественников с учетом национальной специфики. Наиболее знакомым для всех примером являются так называемые «китайские кварталы», разбросанные по многим странам земного шара.

сегодня направлениям Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии. Впрочем, такой эффект, вероятнее всего, будет носить лишь кратковременный характер, так как курорты этих стран, во-первых, были любимы россиянами на протяжении практически всей истории современной России, а, во-вторых, данные территории имеют немалые перспективы в формировании и развитии новых «точек роста», способных привлечь и надолго акцентировать внимание иностранных туристов.

Список литературы

1. *Рязанцев, С. В.* Российский туризм в ЮВА как форма миграции до и во время пандемии COVID-19 / С. В. Рязанцев, Дань Нгуен Ань, Л. С. Рубан, М. А. Ананьин // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Т. 4, № 4 (53). С. 37–54. DOI [10.31696/2072-8271-2021-4-4-53-037-054](https://doi.org/10.31696/2072-8271-2021-4-4-53-037-054). EDN [DUNHAU](https://www.edn.ru/DUNHAU).
2. *Шипугина, М. В.* Мягкая сила вакцинации для международного туризма // Современные проблемы сервиса и туризма. 2022. Т. 16, № 1. С. 81–88. DOI [10.24412/1995-0411-2022-1-81-88](https://doi.org/10.24412/1995-0411-2022-1-81-88). EDN [JBFIEM](https://www.edn.ru/JBFIEM).
3. *Аношин, А. В.* Влияние государственных расходов на развитие сферы туризма экономически среднеразвитых стран / А. В. Аношин, Э. Ф. Галямова, Е. В. Кутяшова, О. Н. Морозова // Московский экономический журнал. 2021. № 3. С. 442–453. DOI [10.24412/2413-046X-2021-10146](https://doi.org/10.24412/2413-046X-2021-10146). EDN [QTSRWA](https://www.edn.ru/QTSRWA).
4. *Авилова, Н. Л.* Опыт гостиниц Юго-Восточной Азии в преодолении последствий эпидемий в XX веке: ретроспективный анализ / Н. Л. Авилова, С. В. Дусенко // Сервис в России и за рубежом. 2022. Т. 16, № 1. С. 28–35. DOI [10.24412/1995-042X-2022-1-28-35](https://doi.org/10.24412/1995-042X-2022-1-28-35). EDN [HEHQWU](https://www.edn.ru/HEHQWU).
5. *Бочкарева, Н. В.* Туристический бизнес Таиланда: новые вызовы и прогнозы // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2018. № 2. С. 12–19. DOI <http://doi.org/10.18101/2304-4446-2018-2-12-19>. EDN [YWQONH](https://www.edn.ru/YWQONH).
6. *Середина, Е. В.* Деятельность тайских организаций в привлечении российских туристов: использование позитивного опыта / Е. В. Середина, Пантарук Чалемпаттананонг // Вестник Российской академии международного туризма. 2020. № 3. С. 106–114. EDN [OZUDNN](https://www.edn.ru/OZUDNN).
7. *Лебедева, Т. Е.* Исследование предпочтений на туры в Таиланд / Т. Е. Лебедева, С. В. Булганина, Д. С. Иванова, А. В. Лабазова, К. В. Белоусова // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2019. № 2 (36). С. 289–294. EDN [XMFGJE](https://www.edn.ru/XMFGJE).
8. *Шведов, Л. А.* Факторы выбора потребителями отелей Таиланда / Л. А. Шведов, Н. В. Яшкова, Т. Н. Цапина, С. В. Булганина, Т. Е. Лебедева // Московский экономический журнал. 2021. № 2. С. 394–403. DOI [10.24412/2413-046X-2021-10086](https://doi.org/10.24412/2413-046X-2021-10086). EDN [KAFGTH](https://www.edn.ru/KAFGTH).
9. *Рязанцев, Н. С.* Международный туризм в Таиланде: тренды и восстановление потока российских туристов после пандемии COVID-19 // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 1. С. 83–91. DOI [10.19181/demis.2023.3.1.6](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.1.6). EDN [GDXBKU](https://www.edn.ru/GDXBKU).

Сведения об авторах:

Рязанцев Никита Сергеевич, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ryazantsev080700@ya.ru; ORCID ID: [0000-0001-6835-310X](https://orcid.org/0000-0001-6835-310X); РИНЦ Author ID: [1032293](https://elibrary.ru/1032293); Web of Science Researcher ID: [GPG-3864-2022](https://orcid.org/GPG-3864-2022); Scopus Author ID: [57220204335](https://orcid.org/57220204335).

Лукашенко Елена Адольфовна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ea-lukashenko@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-7712-8940](https://orcid.org/0000-0001-7712-8940); РИНЦ Author ID: [1077766](https://elibrary.ru/1077766); Web of Science Researcher ID: [ADP-4658-2022](https://orcid.org/ADP-4658-2022).

Смирнов Алексей Викторович, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: sofetel@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-6559-1679](https://orcid.org/0000-0002-6559-1679); РИНЦ Author ID: [1068065](https://elibrary.ru/1068065); Web of Science Researcher ID: [ABE-5329-2021](https://orcid.org/ABE-5329-2021); Scopus Author ID: [57219713206](https://orcid.org/57219713206).

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта [№ 22-68-00210](https://orcid.org/22-68-00210) «Эмиграция и положение русскоязычного населения в странах Азиатско-Тихоокеанского региона в условиях новых глобальных вызовов».

Статья поступила в редакцию 14.01.2024; принята в печать 14.03.2024.
 Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

SOCIO-ECONOMIC AND DEMOGRAPHIC ASPECTS OF RUSSIAN TOURISM IN THAILAND IN 2023

Nikita S. Ryazantsev

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
 E-mail: ryazantsev080700@ya.ru

Elena A. Lukashenko

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
 E-mail: ea-lukashenko@yandex.ru

Alexey V. Smirnov

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
 E-mail: sofetel@mail.ru

For citation: Ryazantsev, Nikita S. Socio-Economic and Demographic Aspects of Russian Tourism in Thailand in 2023 / N. S. Ryazantsev, E. A. Lukashenko, A. V. Smirnov. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 1. Pp. 85–100. DOI [10.19181/demis.2024.4.1.6](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.6).

Abstract. The article reviews the evolution of the growth of Russian tourist flow to the Kingdom of Thailand in 2023, a significant growth of which mainly began to occur after the cancelation of the pandemic status of a new coronavirus infection. The study covers the contemporary strategy for the recovery of the internal tourism business aimed at popularizing travel, including such concepts as safety, hygiene, environmental friendliness, getting new impressions, profitability, etc. The analysis of the updated data for the past year represents the scientific novelty of this study, aimed to assess the rate of recovery of the tourist flow of our compatriots, who have always made a significant share in the flow of foreign tourists to this hospitable Southeastern Kingdom. The relevance of the study can be explained within the study of Thai experience of increasing the volume of the tourism industry, which was most affected by COVID-19 and related anti-epidemiological restrictions. The results of the scientific work conducted by the authors, first of all, the identification of the main trends that require systemic changes necessary for the “recovery therapy” of the modern tourist industry in the post-COVID period, can be applied by scientists in studies of migration for recreational purposes, as well as in the format of using foreign experience in the development of strategies to increase tourist flows to Russian resorts. In the future, this research program will most likely be continued.

Keywords: Thailand, international tourism, tourism in Thailand, tourism industry of Thailand, consequences of the COVID-19 pandemic, economy recovery of Thailand, Russian tourism abroad, situation within Russian tourists abroad, Russian-Thai relations

References

1. Ryazantsev, S. V. Russian Tourism in Southeast Asia as a Form of Migration Before and During the COVID-19 Pandemic / S. V. Ryazantsev, Dan Nguyen Anh, L. S. Ruban, M. A. Ananyin. *Southeast Asia: Current Problems of Development*. 2021. Vol. 4, No. 4 (53). Pp. 37–54. DOI [10.31696/2072-8271-2021-4-4-53-037-054](https://doi.org/10.31696/2072-8271-2021-4-4-53-037-054). (In Russ.).
2. Shipugina, M. V. Vaccination's Soft Power for International Tourism. *Sovremennyye problemy servisa i turizma [Service and Tourism: Current Challenges]*. 2022. Vol. 16. No. 1. Pp. 81–88. DOI [10.24412/1995-0411-2022-1-81-88](https://doi.org/10.24412/1995-0411-2022-1-81-88). (In Russ.).
3. Anoshin, A. V. The Impact of Government Spending on the Development of Tourism in Economically Medium-Developed Countries / A. V. Anoshin, E. F. Galyamova, E. V. Kutyashova, O. N. Morozova. *Moscow Economic Journal*. 2021. No. 3. Pp. 442–453. DOI [10.24412/2413-046X-2021-10146](https://doi.org/10.24412/2413-046X-2021-10146). (In Russ.).
4. Avilova, N. L. Overcoming the Epidemics Consequences by Southeast Asian Hotels in the 21st Century: A Retrospective Analysis / N. L. Avilova, S. V. Dusenko. *Service in Russia and abroad*. 2022. Vol. 16,

No. 1. Pp. 28–35. DOI [10.24412/1995-042X-2022-1-28-35](https://doi.org/10.24412/1995-042X-2022-1-28-35). (In Russ.).

5. Bochkareva, N. V. Thailand's Tourism Business: New Challenges and Forecasts. *Bulletin of the Buryat State University. Economics and Management*. 2018. No. 2. Pp. 12–19. DOI [10.18101/2304-4446-2018-2-12-19](https://doi.org/10.18101/2304-4446-2018-2-12-19). (In Russ.).

6. Seredina, E. V. Activities of Thai Organizations in Attracting Russian Tourists: The Use of Positive Experience / E. V. Seredina, Pantaruk Chalempattanapong. *Bulletin of the Russian Academy of International Tourism*. 2020. No. 3. Pp. 106–114. (In Russ.).

7. Lebedeva, T. E. Research of Preferences for Tours in Thailand / T. E. Lebedeva, S. V. Bulganina, D. S. Ivanova, A. V. Labazova, K. V. Belousova // *Innovative Economy: Prospects for Development and Improvement*. 2019. № 2 (36). Pp. 289–294. (In Russ.).

8. Shvedov, L. A. Consumer Choice Factors of Thailand Hotels / L. A. Shvedov, N. V. Yashkova, T. N. Tsapina, S. V. Bulganina, T. E. Lebedeva // *Moscow Economic Journal*. 2021. № 2. Pp. 394–403. DOI [10.24412/2413-046X-2021-10086](https://doi.org/10.24412/2413-046X-2021-10086). (In Russ.).

9. Ryazantsev, N. S. International Tourism in Thailand: Trends and Recovery of the Flow of Russian Tourists after the COVID-19 Pandemic. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 1. Pp. 83–91. DOI [10.19181/demis.2023.3.1.6](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.1.6). (In Russ.).

Bio notes:

Nikita S. Ryazantsev, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: ryazantsev080700@ya.ru; ORCID ID: [0000-0001-6835-310X](https://orcid.org/0000-0001-6835-310X); RSCI Author ID: [1032293](https://www.rsci.ru/author/1032293); Web of Science Researcher ID: [GPG-3864-2022](https://orcid.org/GPG-3864-2022); Scopus Author ID: [57220204335](https://orcid.org/57220204335).

Elena A. Lukashenko, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: ea-lukashenko@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-7712-8940](https://orcid.org/0000-0001-7712-8940); RSCI Author ID: [1077766](https://www.rsci.ru/author/1077766); Web of Science Researcher ID: [ADP-4658-2022](https://orcid.org/ADP-4658-2022).

Alexey V. Smirnov, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: sofetel@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-6559-1679](https://orcid.org/0000-0002-6559-1679); ПИИЦ Author ID: [1068065](https://www.pii.ru/author/1068065); Web of Science Researcher ID: [ABE-5329-2021](https://orcid.org/ABE-5329-2021); Scopus Author ID: [57219713206](https://orcid.org/57219713206).

Acknowledgements and financing:

The reported study was funded by the Russian Science Foundation (RSF), research project [No. 22-68-00210](https://www.rsf.ru/project/22-68-00210) “Emigration and the situation of the Russian-speaking population in the countries of the Asia-Pacific region in the context of new global challenges”.

Received on 14.01.2024; accepted for publication on 14.03.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2024.4.1.7](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.7)EDN [OSPTJZ](https://osptjz.org)

THE INFLUENCE OF MOTIVATION FACTORS ON HOUSING CHOICE OF MIGRANTS IN HO CHI MINH CITY

Linh Le Dieu Nguyen

Hanoi University of Natural Resources and Environment, Hanoi, Vietnam

E-mail: nldlinh@hunre.edu.vn

For citation: Nguyen, Linh Le Dieu. **The Influence of Motivation Factors on Housing Choice of Migrants in Ho Chi Minh City.** *DEMIS. Demographic Research.* 2023. Vol. 4, No. 1. Pp. 101-115. DOI [10.19181/demis.2024.4.1.7](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.7).

Abstract. *This study aims to assess the impact of motivational factors on the housing choices of rural-to-urban migrants. The motivations leading to housing choices include migration reasons, life events, and satisfaction with housing. The author suggested a research model with three hypotheses and conducted a survey between migrant people living in Ho Chi Minh City, Vietnam to test these hypotheses. There are several notable findings in this study. Firstly, the first hypothesis was accepted as factors related to both economic and non-economic values have a positive impact on housing choices. This aligns well with the reality that the majority of individuals aged 25–45 consider this as their primary goal when migrating to the city and searching for housing. Secondly, changes in current life circumstances can lead to changes in housing choice intentions. Thirdly, a significant finding of the research is that most individuals with an intention to change their place of residence do so because they are dissatisfied with the housing conditions or prices. In this research, housing satisfaction is an even more significant factor influencing housing choice intentions than life events and economic and noneconomic values. This study has some limitations, as it is necessary to clarify other factors, because only motivation may be impossible to change housing choice intentions. It is suggested that a number of other factors, such as opportunities or migrants' capabilities could also influence the moving intentions.*

Keywords: *housing purchase, intention, migrants, motivation factors, migration motivation, life events, housing satisfaction*

Introduction

Housing for migrants is becoming a pressing issue for developing countries like Vietnam due to increasing demands in urban areas, while land resources are limited. According to the 2019 report from the General Statistics Office, the Red River Delta and the Southeast region are the two areas with the highest number of immigrants. Among them, the Southeast region has the highest number of migrants nationwide, with 1.3 million immigrants¹. One of the leading factors contributing to the high migration rate from rural to urban areas is the development of large cities, exemplified by Ho Chi Minh City in the Southeast region of Vietnam. According to a study conducted by the General Statistics Office in April 2019, the migration rate from rural to urban areas in Ho Chi Minh City was 27.2%. Urban expansion, along with infrastructure development and new construction projects, has generated significant demand and employment opportunities for rural migrants in the city.

However, the issue of rural-to-urban migration presents not only social welfare challenges but also housing concerns. The results of the 2019 Population and Housing Census indicate that more than half, approximately 53.1%, of rural-to-urban migrants moved to urban areas in search of employment, while 20.7% relocated due to family reasons or changes in residence. The majority of those migrating from rural areas to cities do so either for job

¹ Results of the 2019 Census on Population and Housing in Viet Nam / United Nations Population Fund ; General Statistics Office of Vietnam. Ha Noi : Statistical Publishing House, 2020. 300 p. ISBN 978-604-75-1489-2.

opportunities or family-related reasons. The demand for housing in cities for rural-to-urban migrants becomes more challenging as they also face obstacles related to employment, household registration, and enrolling their children in urban schools. Approximately 19% of migrants live in apartments that are less than 8m² per person, and 5.7% reside in apartments less than 15 m² per person². Over 62% of them rent or borrow housing from private individuals, while only 33.6% have their own households, the lowest percentage among migration streams. Therefore, housing remains one of the critical issues, attracting the attention of investors, policymakers, and researchers in Vietnam.

There have been various approaches when studying the housing of migrants in different countries. Previous studies often focused on housing choices, satisfaction with housing conditions, migrants' housing satisfaction, or, in some countries like China, the impact of the household registration system (hukou) on housing intentions [1]. However, when it comes to the aspect of housing choice, there are multiple approaches as well. C. Jansen et al. [2] identified three main theoretical explanations for housing choices. First, the life cycle and life course theory used to explain and predict housing choices [3]. Second, the theory of planned behavior is seen as a general theory explaining behavior based on attitudes, social norms, and perceived behavioral control [4]. The third theory is the decision-making theory, focusing on explaining the decision-making process regarding changing or not changing one's residence and, if changing, selecting the location [3; 5]. According to I. Ajzen [4], intention is considered to encompass the motivating factors leading to a specific behavior, and intentions indicate the extent to which an individual will engage in that behavior.

Previously, when applying the theory of planned behavior in housing research, authors primarily used factors related to the socio-economic characteristics of the homebuyers or characteristics of the housing itself. However, factors such as motivations for job-seeking, income improvement, or finding better educational environments for their children in the city have not been adequately addressed in migrant housing studies, despite being significant reasons for their urban residence. Additionally, the authors aim to evaluate migrants' housing satisfaction in the context of major urban areas in Vietnam, as well as the influence of changes in their lives on housing choices when moving from rural to urban areas.

Based on the scope of the study, the author selected Ho Chi Minh City as the research area because it serves as a quintessential example of socio-economic development and rapid urbanization driven by migrant inflows. As of 2023, the population of Ho Chi Minh City is nearly 8.9 million people and continues to grow primarily due to the increasing influx of migrants from outside the city³. Researching the housing intentions of rural-to-urban migrants in Ho Chi Minh City can yield many interesting research findings and elucidate the influences of motivational factors on housing choices.

Therefore, this study aims to assess the impact of motivational factors on the housing choices of rural-to-urban migrants. The literature review in this report will clarify theoretical gaps and elucidate studies on motivational factors influencing the housing choices of migrants. In addition, the study will also test hypotheses related to motivational factors and propose some limitations and some recommendation for future research.

² Results of the 2019 Census on Population and Housing in Viet Nam / United Nations Population Fund ; General Statistics Office of Vietnam. Ha Noi : Statistical Publishing House, 2020. 300 p. ISBN 978-604-75-1489-2.

³ Major Findings: The 1/4/2021 Time-Point Population Change and Family Planning Survey / General Statistics Office of Vietnam. Ha Noi : Statistical Publishing House, 2022. 340 p. ISBN 978-604-75-2278-1.

Literature review

Expectancy value and planned behaviour theories

The Expectancy value theory, which is applied in housing choice research, was first developed by G. F. de Jong and J. T. Fawcett [6]. In this theory, to measure the value factor, the author provided a scoring list for the importance of the values achieved by homebuyers. The expectancy factor is assessed based on the ability to achieve specific values or goals at a particular location. The authors formulated a general scoring formula for each location based on their attractiveness, considered as predictions for behavior or migration intentions. In their study, the authors also implied whether other factors, in addition to expected value factors, such as personality traits, risk tolerance, and housing characteristics, might play a role.

In addition to the Expectancy value theory, the Theory of Planned Behavior (TPB) is also considered one of the foundation theories, not only in general consumer behavior research but also in housing-related studies. TPB emerged as a development from the original model of the Expectancy value Theory [4]. According to TPB, behavior is determined by three factors. First, there is attitude, which is expressed through belief in the value of the behavior. This is also considered as a part inherited from the initial Expectancy value theory. The second factor is social norms, manifested through perceptions influenced by reference groups. The third group consists of factors that indicate difficulties or opportunities leading to specific behavior.

In studies involving the use of both of these theories in housing choice intentions, there have been contradictions in research outcomes. For example, de Jong and colleagues (1986) rejected the idea that intention is not the main factor leading to actual behavior. The authors argued that individual characteristics are considered independent variables influencing housing choice intentions. Therefore, in this study, the author will focus on utilizing the Expectancy value Theory, which includes factors such as motivation to create value after choosing housing, and demographic characteristics of homebuyers to clarify their influence on housing choices.

Life cycle and life course theories

The Life Cycle Theory [3] and recently the Life Course model are considered crucial theories in the study of housing choices. Various life stages within the life cycle model, such as marriage/divorce, childbirth, and children leaving home, lead to changes in housing characteristics. Transitioning into new life stages also results in alterations in the size, number of rooms, and design of a home.

Compared to the life cycle model, the life course model provides a more specific analysis of life events and how changes in an individual's life lead to behavioral outcomes. In housing choice research, some studies have shown that factors such as education, occupation, and family influence housing choices. Specifically, W. A. V. Clark and colleagues [7] argue that occupation influences the choice of housing price or housing quality. For instance, a university student moving to their school's city must consider how to choose housing. In other words, changes in a person's occupation or educational level impact their housing intentions. These factors appear to be motivating factors leading to housing choices.

Through the discussion these theories, the author recognizes that each life stage, such as marriage, childbirth, career choices, pursuing education, or moving with family to the city, may have specific impacts on housing intentions. These factors will be elucidated through specific analyses in this article.

Motivations

As mentioned earlier, there is a need for motivational factors that drive housing choice intentions. The below list of motivational factors can include factors related to expected value motivation and life stage events. These factors are tailored to individual characteristics based on age, gender, occupation, and education level. The author categorizes and explains these factors into groups that are suitable for the research context in Vietnam, specifically in Ho Chi Minh City, including the following factors:

1. Economic and noneconomic values

One of the important goals for individuals when choosing housing is to achieve economic objectives. When selecting a new place to live, migrants may achieve material goals such as having a better job, earning a higher income, and providing for their families [8]. P. Hooimeijer et al. [9] also pointed out that migrants' income goals can determine the price or type of housing they intend to choose. Therefore, income goals or employment can influence the housing choice intentions of migrants.

On the other hand, psychological satisfaction needs also influence housing choices in the city. For example, someone may intend to live in the city because they want to be closer to friends and family [8]. In addition, satisfying the quality of life and providing a better environment for children are also considered. The value of oneself is affirmed by moving to a new place and can also affect housing choice intentions. For instance, individuals who work long-term in the city often intend to buy a house here to assert themselves and their social status. Conversely, short-term migrant workers may depend on whether they have reasons to stay in the city or already have homes in their hometown.

However, not all research confirms that the above reasons have a positive impact on migrants' housing choices. Research by H. C. C. H. Coolen et al. [10] found that values and goals of migrants as reasons for migration explain only 9% of the variance in the housing choice variable, but it is still a significant factor. The most representative factors include material goals and psychological values.

2. Life events

In addition to material and psychological goals, analyzing changes in life stages and individual changes in their lives that lead to changes in housing intentions can be equally interesting. In fact, events in each person's life are closely related to their life goals. For example, according to C. H. Mulder and M. Wagner [11], there are two reasons for changing homes. First, it is when an individual wants to improve their quality of life. Second, improving the quality of life also leads the person to change jobs, get married, or study far from home.

Changes at different time points in life lead to different changes, directions, and housing locations. For example, an increase in the number of family members can lead to an increased need for space and improved housing quality. Specifically, C. H. Mulder and M. Wagner's [11] research clearly indicates that changes in the number of family members can increase the intention to choose housing by 10 times in the nearby area rather than moving to a more distant location. Getting married, on the other hand, only increases the intention to choose housing by 6 times in the nearby area instead of moving to another location. This shows that at different stages of life, there will be different choices of housing locations.

3. Housing satisfaction

Housing satisfaction is expressed by the level of satisfaction with the dwelling. This level can be defined from various perspectives. First, it can be a measure of the balance be-

tween customers' actual needs and their expectations for the house [12]. Second, it can also be an assessment of the quality of the home [13] and the effectiveness of different housing environments [13; 14]. Literature reviews show that housing-related factors can be divided into groups such as housing characteristics, housing conditions, or neighborhood characteristics [15; 16; 17]. Housing characteristics may include the size of the dwelling, room sizes, housing type, and design. Housing conditions could include space, lighting, soundproofing, fire safety, pricing, or legal factors. Neighborhood characteristics might encompass distance from the home to hospitals, schools, workplaces, or public transportation [15].

Satisfaction with housing can affect housing intentions. Western researchers have agreed that housing choice can be a geographical shift that involves not only demographics, age, legal ownership, or spatial pressure but also significant factors influencing the intention to change residences [7; 3]. However, some studies in China have suggested that housing satisfaction has less impact on housing choice intentions than in other studies, although the relationship between them cannot be completely dismissed [18]. Regarding material aspects, D. Wang and S.-M. Li [19] argued that neighborhood variables are more important than housing-related variables for housing choices in Beijing. Conversely, Western scholars have found that buyers often have less satisfaction and feel less healthy when living in modern housing estates. In this study, the author aims to clarify the impact of housing satisfaction on housing choice intentions by exploring the relationship between the evaluation of housing satisfaction, housing conditions, and neighborhood characteristics on housing intentions in Ho Chi Minh City, Vietnam.

Research framework

The background theories indicates that motivation influences housing choice intentions based on theories of expectancy value, planned behavior (TPB), life cycle theory, and life course. In this study, the research model focuses on clarifying the impact of three motivational factors: economic and noneconomic motivation, housing satisfaction motivation, and life cycle and life course motivation. Economic and noneconomic motivation includes factors such as income enhancement, job opportunities, educational environments for children, self-affirmation, relationships with friends and family, and lifestyle. Housing satisfaction motivation is driven by factors related to housing characteristics, proximity to neighborhoods, pricing, and legal aspects. Life cycle and stage motivation encompass life stages such as marriage, inheritance, working or studying in the city, and living independently. The author presents hypotheses between these factors in the model below:

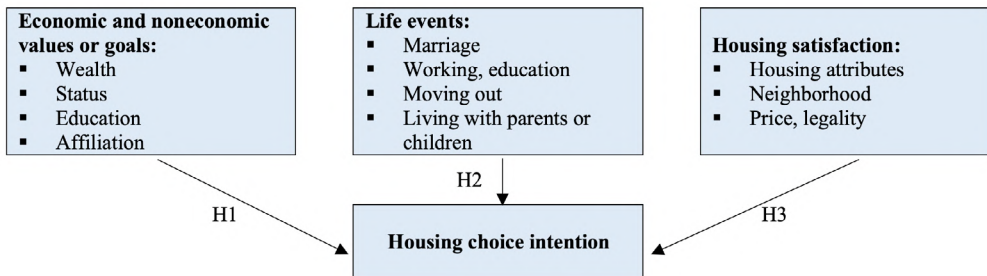

Fig. 1. Research model

Research hypothesis

Among the motivation factors, the economic and noneconomic values or goals has been extensively researched and shown to have a strong impact on the intention to change residence in the future. G. F. de Jong and J. T. Fawcett [6] have indicated that basic economic value, such as material needs (economic needs), have a positive impact on the decision to change residence. However, these impacts vary between developed and developing countries. Specifically, for developing countries and developed countries (within the scope of long geographical movement), the impact is stronger compared to migration over short geographical distances. Also, the need to live near relatives and friends is very evident in developing countries and shows a different trend compared to developed countries (having a medium or medium-low impact). This could be an interesting finding when setting the context for comparison between Vietnam and Western countries. Additionally, research has also shown that educational factors or material factors are what migrants desire for their future housing [1]. Therefore, the author proposes the following hypothesis:

Hypothesis 1 (H1): There is a positive relationship between economic and noneconomic values of migrant people and their housing choice intention.

In addition to the need for housing, life events, often understood as significant changes in living conditions or personal circumstances, can have a major impact on an individual's behavior and decisions. These can be positive events such as getting married, having children, or getting a new job, or negative events like divorce, job loss, or the death of a loved one. Such events usually require major adjustments or changes in life, including choices about housing. Previous studies have shown that events related to marriage and children have a strong impact on changing residence, which may involve moving to a geographically distant area such as migrating or to a nearby area within the city [20]. Additionally, the author also emphasizes that inheriting property, whether from parents or as dowry, are factors that can impact the intention to choose a residence. This finding also suggests the possibility that the role of the family may influence the future housing choices of the younger generation [20]. Therefore, the second hypothesis proposed by the author is as follows:

Hypothesis 2 (H2): There is a positive relationship between life events of migrant people and their housing choice intention.

Satisfaction with housing can influence housing choices, reflected through negative or positive attitudes towards current housing. M. Elsinga and J. Hoekstra's research [21] showed that people in Southern European countries tend to be more satisfied when owning their homes and often less satisfied with rented housing. However, the study also indicated that considering housing policies can significantly affect housing choice intentions, rather than just considering this from a personal emotional perspective. Furthermore, in Asian countries, M. A. Mohit et al. [22] and X. Gan et al. [23] have shown that the majority of satisfaction with housing characteristics, such as area, location, facilities, surrounding environment, etc., all influence housing choice intentions. In particular, satisfaction with the area of the house, such as the size of dining rooms and bedrooms, can greatly affect the housing choices of large families. Studies also indicate that although the aforementioned criteria all influence housing choices, different geographical areas have different housing policies or housing standards, so comparisons should be made based on empirical observation. Based on these observations, the author proposes the third hypothesis as follows:

Hypothesis 3 (H3): There is a positive relationship between housing satisfaction of migrant people and their housing choice intention.

Research methods

This research employed a mixed research methodology. An extensive literature review was conducted to identify the motivations of migrants moving from rural to urban city, including economic and noneconomic values, life events and housing satisfaction. Secondly, the survey was conducted among 300 rural-urban migrant people living in Ho Chi Minh City with via five-point Likert scale. Finally, the influence of these factors on housing tenure choice are identified by regression model.

In terms of socio-economic regions in Vietnam, the Red River Delta and the South-east are the two regions with the highest proportion of rural-to-urban migrants. Within ten years, Ho Chi Minh City's population increased to nearly 8,9 million people, increased by 1,8 million people compared to 2009. It is considered that Ho Chi Minh City is the area with the highest population in Vietnam. Notably, in 2018, the number of migrant people from other provinces increased from 200,000 to 400,000. The study of migrants' housing choice in Ho Chi Minh City will be representative for rural-urban migration flows in Vietnam.

Table 1

Scale measurement of economic and noneconomic values

No.	Indicator	Code	Scale	Sources
1	Economic and educational values	VL1	I want to move because I can earn a better income	S. Jansen et al., 2002 [10]; T. Owusu, 1998 [8]
		VL2	I want to move to find a better job	
		VL3	I want to move because there are better schools for my children	
2	Social status values	VL4	I am more respected by others when living in the city	G. De Jong, J. Fawcett, 1981 [6]
3	Maintain relationships with friends and family	VL5	My friends and family are living in the city	S. Jansen et al., 2002 [10]; G. De Jong, J. Fawcett, 1981 [6]
4	Preference for city lifestyle	VL6	I like the lifestyle there	G. De Jong, J. Fawcett, 1981 [6]

Table 2

Scale measurement of life events

No.	Indicator	Code	Scale	Sources
1	Event: marriage, having children	LE1	Choosing a different residence due to marriage, having a baby	C. Mulder, M. Wagner, 1993 [11]
2	Events at different life stages (marriage, death of parents)	LE2	Choosing a different residence due to inheriting dowry housing after marriage or inheriting property after the death of parents	C. Mulder, M. Wagner, 1993 [11]; E.-Ch. Chung, D. Haurin, 2002 [24]
3	Changing residence for education, working away from home	LE3	Choosing a different residence due to having to study or work at a different location in the city	T. Rashidi, 2015 [25]
4	Changing residence due to other needs	LE4	Choosing a different residence due to the need for independent living (not living with parents or in-laws anymore)	P. Feijten, 2003 [26]
5	Changing residence due to family characteristics (nuclear family)	LE5	Choosing a different residence for living with children, or caring for elderly parents	T. Rashidi, 2015 [25]; P. Feijten, 2003 [26]

Firstly, a questionnaire survey was carried out to investigate migrants' socio-economic characteristics, such as age, gender, income, household size, education, income, and career. The second part was designed to measure the motivational factors relating to housing

choice intention including wealth, status, education and affiliation; household events such as marriage, working or higher education, moving out and live with parents or children; housing satisfaction in terms of housing physical characteristics, neighborhood and price, legality. All of questions are undertaken via five-point Likert scale (1=very unimportant, 2=unimportant, 3=slightly unimportant, 4=important, 5=very important). The intention was measured by asking people to express their intention of housing choice. The author chose randomly 50 migrant people to conduct a pilot test. Preliminary research was conducted in order to check the appropriateness of the questionnaire in Ho Chi Minh City. The scale of the above factors is presented as follows.

Table 3

Scale measurement of housing satisfaction

No.	Indicator	Code	Scale	Sources
1	Material factors: location, area, design, sound insulation level, fire safety level, privacy of the house, electrical and water systems, amenities, distance to amenities, workplace, surrounding environment	HS1	The location of the house (near the center, far from the center, or close to friends, relatives)	M. A. Mohit et al., 2010 [22]; X. Gan et al., 2019 [27]
		HS2	The area of the house and the rooms	
		HS3	The interior and exterior design of the house	
		HS4	The level of soundproofing, noise, damp and insect resistance	
		HS5	The level of fire safety	
		HS6	The privacy of the house	
		HS7	The system of electricity, water, and environmental sanitation services	
		HS8	Amenities such as shopping centers, medical facilities, schools	
		HS9	Distance from the house to amenities	
		HS10	Distance from the house to the workplace	
		HS11	The environment of the surrounding area (security, environmental sanitation)	
2	Feng Shui, price, legal aspects	HS12	Feng Shui (direction, location, etc.)	X. Gan et al., 2019 [27]
		HS13	The price of the house	
		HS14	The legal status of the house (No land use right certificate, no rental contract, etc.)	

Data collected from primary sources is analyzed by using quantitative tools, including descriptive statistics, factor analysis, testing and regression analysis. These methods are used to analyze the impact of motivation factors on housing choice of rural-urban migrants in Ho Chi Minh City.

Results

Descriptive statistics

Demographic characteristics of rural-urban migrant people was showed in table 4. About half of the respondents were women. Education is mainly university with 35%, followed by high school with 28,7% and college with 16,2%. Only 4,6% of respondents said that they have not finished primary school or have completed primary school. Most migrant people are from 26 to 45 years old, while only 3,6% are over 55 years old.

The questionnaire survey were also conducted with both low- to medium- and high-income migrant people. Descriptive statistics showed that the majority of migrants have low and middle income, in which income from 5–10 million VND/month accounting for about

29,4%. Average income from 10–15 million VND/month, makes up for about 28,4% and high income from 20 million VND/month or more accounts for 33,7%.

Table 4

Demographic characteristics of rural-urban migrants

Group	Frequency	Percentage	Group	Frequency	Percentage
Gender			Age		
Male	152	50,2	<25	31	10,2
Female	148	49,8	26–35	116	38,3
Education			36–45	117	38,6
Primary school and less	14	4,6	46–55	28	9,2
Secondary school	34	11,2	>55	11	3,6
High school	87	28,7	Salary		
College	49	16,2	<5 million VND	26	8,6
University	106	35,0	5–10 million VND	89	29,4
Postgraduate	13	14,3	10–15 million VND	86	28,4
			>20 million VND	102	33,7

Structural equation modeling (SEM) analysis

Smart PLS 3.0 software was used for factor analysis. Similar to evaluating factor loadings in SPSS, if an observed variable has a low outer loading (usually below 0.7), it may not be effectively representing the construct and should be considered for removal from the model [28].

Therefore, the author conducted three times to check the Outer loadings of the model. The first one revealed that the factor loadings of some observed variables were <0.6 (including the variables VL4, HSA3). The author decided to eliminate variables with loadings <0.6. The second time results, after running the outer loadings, showed that some variables still had loadings <0.7, such as HSA4, HSA6, HSA7. Continuing with the elimination of these variables, the third time of checking the factor loadings indicated that the measurement model met the requirements as all these coefficients were >0.7.

After evaluating the reliability of the scale, the Composite Reliability (CR) coefficients of all 7 factors were above the threshold of >0.7. However, the Cronbach's Alpha coefficient for the HN factor was just barely >0.7, indicating that this factor might not be highly reliable. But since this factor still had a CR >0.7, it was retained and the reliability of the model was further tested in the second and third rounds after removing some variables based on the factor loading checks. The final results showed that all the Cronbach's Alpha and CR coefficients were >0.7.

According to M. Hock and Ch. Ringle [29], the AVE (Average Variance Extracted) should reach a minimum value of 0.5. The results from Table 5 indicate that the AVE values for all the variables in the study exceed the minimum value of >0.5, with the variable for housing satisfaction having the lowest value at 0.572, and the variable for life events having the highest value at 0.675. Thus, the AVE values for the variables all indicate that the model achieves convergent validity.

According to G. D. Garson [30], if the HTMT value is <1, it ensures discriminant validity between two observed variables. Some other scholars use even lower threshold values, such as J. Henseler et al. [31] proposing <0.9 or L. Clark & D. Watson [32] suggesting <0.85. However, the HTMT values for the observed variables in this study are all below 0.9 and even below 0.85, indicating satisfactory discriminant validity between the observed variables (Table 6).

Table 5

Outer loading of measurement items

Motivation factors	Outer loadings	Cronbach's Alpha	Average Variance Extracted (AVE)
Economic and noneconomic values		0.720	0.638
VL1: To earn better income	0.735		
VL2: To earn better job with higher salary	0.722		
VL3: To have better education for children	0.788		
VL5: To live with family and relatives	0.873		
Life events		0.887	0.675
LE1: To get married and have children	0.768		
LE2: To inherit parent's property	0.777		
LE3: To work and study in the city	0.745		
LE4: To move out, no longer live with parents	0.833		
LE5: To live with parents or children	0.844		
Housing adequacy satisfaction		0.834	0.572
HS1: Location of the house	0.735		
HS2: Area of the house, including area of rooms	0.736		
HS5: Safety level in terms of fire prevention	0.729		
HS8: Amenities (shopping malls, healthcare, schools)	0.746		
HS9: Distance from house to amenities	0.585		
HS10: Distance from house to work	0.646		
HS11: Surrounding environment	0.725		
HS12: Fengshui	0.560		
HS13: Housing price	0.590		
HS14: Legality	0.591		

Table 6

The results of the discriminant validity test using the HTMT (Heterotrait-Monotrait Ratio)

Code	HC	HSA	LE	VL
HC	-	-	-	-
HSA	0.793	-	-	-
LE	0.629	0.543	-	-
VL	0.258	0.167	0.077	-

Hypothesis testing

The Path Coefficient in SmartPLS is utilized in assessing Structural Equation Modeling (SEM) to analyze the relationships between independent and dependent variables. In this study, the results for testing the eight hypotheses were all accepted. The conditions for testing the study hypotheses involve P values being statistically significant at a minimum level of <5%. All eight proposed hypotheses have P values <0.05. This implies that the structural model's results support the positive relationships of variables including economic and noneconomic values, housing satisfaction, and life events to the housing choice intention.

Regarding the impact of factors on the intention to choose housing, the coefficients in the "Original Sample (O)" column reveal that housing satisfaction has the strongest impact on the intention to choose housing (O = 0.289), followed by life events with the second-strongest impact (O = 0.177). This indicates that as the motivations relating to housing characteristics, neighborhood, price and legality increase, the intention of housing tenure choice will also increase. The same result is also shown for the variables of life events. When migrants have a change in the number of family members such as getting married, going to work or

getting higher education in the city, they tend to move to a new place. However, the coefficient of satisfaction with economic and noneconomic values is smallest, indicating that this factor has minor impact on the intention of migrant people choosing house in the city.

Table 7

Results of path coefficient and hypothesis testing

Hypothesis	Code	Original Sample (O)	Sample Mean (M)	Standard Deviation (STDEV)	T Statistics (O /STDEV)	P Values	Hypothesis testing results
H2: Economic and noneconomic values => Housing choice intention	VL => HC	0.110	0.111	0.023	5.797	0.000	Accept
H3: Housing satisfaction => Housing choice intention	HSA => HC	0.289	0.289	0.049	7.978	0.000	Accept
Life events => Housing choice intention	LE => HC	0.177	0.177	0.025	6.445	0.000	Accept

According to J. Hair et al. [28], the threshold for assessing multicollinearity is set at VIF (Variance Inflation Factor) <3. The results of the VIF test indicate that all multicollinearity coefficients are <3, indicating no issues with multicollinearity in the model. The independent variables can be used to proceed with further regression model analysis. (Table 8).

Table 8

Multicollinearity testing

Factors	Code	Variance Inflation Factor (VIF)
Economic and noneconomic values	VL	1.034
Housing satisfaction	HSA	1.764
Life events	LE	1.419

The “R² adjusted” is 0.637, meaning that approximately 63.7% of the variation in “Housing choice intention” can be explained by the independent variables in the model. This is a relatively high value, indicating that the model has a strong ability to explain the variation in the dependent variable.

Table 9

Results of assessing the explanatory power of the independent variable (R²)

Dependent variable	R Square	R Square Adjusted
Housing choice intention	0.644	0.637

Table 10

Results of the efficiency of the independent variable's impact on the dependent variable (f²)

Factors	Code	Effect size (f ²)
Economic and noneconomic values	VL	0.054
Housing satisfaction	HSA	0.146
Life events	LE	0.067

Variables with f² coefficients <0.02 are considered to have weak or negligible effects on the dependent variable. In this model, all variables have coefficients <0.02, with the housing satisfaction variable (HSA) having the most significant impact on the dependent variable,

followed by the life events (LE) and Economic and noneconomic values (VL) (Table 10).

Discussion and conclusion

The study has demonstrated some significant results regarding the extent of the influence of three motivational factors on the housing choice intentions of rural-to-urban migrants. Firstly, factors related to both economic and non-economic values have a positive impact on housing choices. Specifically, rural-to-urban migrants often aim to increase their income, so they tend to seek housing that is suitable for easy earning and convenient for their work. This aligns well with the reality that the majority of individuals aged 25–45 consider this as their primary goal when migrating to the city and searching for housing. Additionally, households with children tend to choose housing close to schools for their children and ensure proximity to their workplaces. These results indicate similarities with previous research findings [2; 8; 9].

Secondly, changes in current life circumstances can lead to changes in housing choice intentions. When a man or woman gets married or even when they have children, they often consider finding a more spacious home. Families with tight financial conditions may think about renting a house rather than buying one to obtain more living space. However, for those who need to work or study in the city, they may intend to choose housing close to their workplace or school. Very few respondents in the survey indicated that they wanted to leave their families and live independently, or there were some elderly individuals who left their hometown to live in the city with their children. However, this trend is different in studies in Western countries, where older individuals tend to choose rural areas as their place of residence rather than moving to the city.

Thirdly, a significant finding of the research is that most individuals with an intention to change their place of residence do so because they are dissatisfied with the housing conditions or prices. This group of people mostly falls into the middle-income bracket, as they are dissatisfied with their housing conditions in relation to the monthly expenses they have to pay. Some other households feel that the living space is quite cramped, especially when their families have many members who require private spaces such as children and grandparents. This aligns well with some previous studies [22; 27]. According to survey data, up to two-thirds of low-income migrants are dissatisfied with their housing conditions. The remaining respondents stated that their financial capabilities only allowed them to live in such poor-quality homes. This implies that if there were better opportunities such as better job prospects, higher income, or cheaper housing prices, individuals with low income would have an intention to move to a better place. This aspect has not been explored in detail in previous studies, especially in the context of transitioning economies like Vietnam.

This study has brought several significant implications for policymakers and researchers. Nearly half of the interviewees were female migrants from rural to urban areas, which poses challenges not only in terms of employment but also housing and sanitation. Through the survey, the majority of women expressed dissatisfaction with the sanitation conditions in their current homes. Furthermore, the predominant form of housing ownership among migrants is renting rather than permanent ownership. Most rental arrangements are informal and lack strict government oversight, resulting in numerous issues related to water, electricity, and security in these housing areas. Therefore, the government needs to pay more attention and implement policies that enable migrants to access housing with reasonable prices, adequate amenities, and sanitation facilities.

In this study, the author also identified some limitations that could be developed into

a new research model in the future. Low-income migrants are forced to live in cramped, inadequate housing not because it is their preference but because they have not had the opportunity to rent or purchase better housing in the city. This condition can be influenced by the government and local authorities by adding factors related to employment, increasing income, and providing support for the living conditions of low-income migrants living in the city. These factors could potentially be opportunities or capabilities of migrant people, and if measured simultaneously, they may reveal interesting results regarding the intentions and behaviors of renting or buying house in the city.

References

1. Tang, Sh. Housing Tenure Choices of Rural Migrants in Urban Destinations: A Case Study of Jiangsu Province, China / Sh. Tang, J. Feng, M. Li. *Housing Studies*, 2017. Vol. 32, No. 3. Pp. 361–378. DOI [10.1080/02673037.2016.1210096](https://doi.org/10.1080/02673037.2016.1210096).
2. *The Measurement and Analysis of Housing Preference and Choice* / S. J. T. Jansen, H. C. C. H. Coolen, R. W. Goetgeluk (eds). Springer Dordrecht, 2011. 272 p. ISBN 978-90-481-8894-9. DOI [10.1007/978-90-481-8894-9](https://doi.org/10.1007/978-90-481-8894-9).
3. Rossi, P. H. *Why Families Move: A Study in the Social Psychology of Urban Residential Mobility*. Glencoe : Free Press, 1955. 220 p.
4. Ajzen, I. The Theory of Planned Behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 1991. Vol. 50, No. 2. Pp. 179–211. DOI [10.1016/0749-5978\(91\)90020-T](https://doi.org/10.1016/0749-5978(91)90020-T).
5. Newell, A. *Human Problem Solving* / A. Newell, H. A. Simon. Englewood Cliffs : Prentice Hall, 1972. 920 p.
6. De Jong, G. F. Motivation for migration: An assessment and a value-expectancy research model / G. F. De Jong, J. T. Fawcett. In *Migration Decision Making: Multidisciplinary Approaches to Microlevel Studies in Developed and Developing Countries* / G. F. De Jong, R. W. Gardner (eds). New York : Pergamon Press, 1981. Pp. 13–58. ISBN 978-0-08-026305-2. DOI [10.1016/C2013-0-03428-7](https://doi.org/10.1016/C2013-0-03428-7).
7. Clark, W. A. V. The Life Course and Residential Mobility in British Housing Markets / W. A. V. Clark, Y. Huang. *Environment and Planning A: Economy and Space*. 2003. Vol. 35, No. 2. Pp. 323–339. DOI [10.1068/a3542](https://doi.org/10.1068/a3542).
8. Owusu, T. Y. To Buy Or Not To Buy: Determinants Of Home Ownership Among Ghanaian Immigrants In Toronto. *Canadian Geographer*. 1998. Vol. 42, No. 1. Pp. 40–52. DOI [10.1111/j.1541-0064.1998.tb01551.x](https://doi.org/10.1111/j.1541-0064.1998.tb01551.x).
9. Hooimeijer, P. A Simulation Model of Residential Mobility and Housing Choice / P. Hooimeijer, A. Oskamp. *Netherlands Journal of Housing and the Built Environment*. 1996. Vol. 11, No. 3. Pp. 313–36. DOI [10.1007/BF02496594](https://doi.org/10.1007/BF02496594).
10. *The Measurement and Analysis of Housing Preference and Choice* / S. J. T. Jansen, H. C. C. H. Coolen, R. W. Goetgeluk (eds). Springer Dordrecht, 2011. 272 p. ISBN 978-90-481-8894-9. DOI [10.1007/978-90-481-8894-9](https://doi.org/10.1007/978-90-481-8894-9).
11. Mulder, C. H. Migration and Marriage in the Life Course: A Method for Studying Synchronized Events / C. H. Mulder, M. Wagner. *European Journal of Population*. 1993. Vol. 9, No. 1. Pp. 55–76. DOI [10.1007/BF01267901](https://doi.org/10.1007/BF01267901).
12. Galster, G. Identifying the Correlates of Dwelling Satisfaction: An Empirical Critique. *Environment and Behavior*. 1987. Vol. 19, No. 5. Pp. 539–568. DOI [10.1177/0013916587195001](https://doi.org/10.1177/0013916587195001).
13. *Residential Environments: Choice, Satisfaction, and Behavior* / J. I. Aragonés, G. Francescato, T. Gärling (eds). London : Praeger, 2001. 280 p. ISBN 0897895959.
14. Amole D. Residential Satisfaction in Students' Housing. *Journal of Environmental Psychology*. 2009. Vol. 29, No. 1. Pp. 76–85. DOI [10.1016/j.jenvp.2008.05.006](https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2008.05.006).
15. Tao, Li. Residential Satisfaction of Migrant Workers in China: A Case Study of Shenzhen / Li Tao, F. K. W. Wong, E. C. M. Hui. *Habitat International*. 2014. Vol. 42. Pp. 193–202. DOI [10.1016/j.habitatint.2013.12.006](https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2013.12.006).
16. Riazi, M. Residential Satisfaction in Affordable Housing: A Mixed Method Study / M. Riazi, A. Emami. *Cities*. 2018. Vol. 82. Pp. 1–9. DOI [10.1016/j.cities.2018.04.013](https://doi.org/10.1016/j.cities.2018.04.013).
17. Nguyen, Anh Tuan. Housing Satisfaction and Its Correlates: A Quantitative Study Among

Residents Living in Their Own Affordable Apartments in Urban Hanoi, Vietnam / Anh Tuan Nguyen, Tuyen Quang Tran, Huong Van Vu, Dat Quoc Luu. *International Journal of Urban Sustainable Development*. 2018. Vol. 10, No. 1. Pp. 79–91. DOI [10.1080/19463138.2017.1398167](https://doi.org/10.1080/19463138.2017.1398167).

18. Lu, M. Analyzing Migration Decisionmaking: Relationships between Residential Satisfaction, Mobility Intentions, and Moving Behavior. *Environment and Planning A: Economy and Space*. 1998. Vol. 30, No. 8. Pp. 1473–1495. DOI [10.1068/a301473](https://doi.org/10.1068/a301473).

19. Wang, D. Housing Preferences in a Transitional Housing System: The Case of Beijing, China / D. Wang, S.-M. Li. *Environment and Planning A: Economy and Space*. 2004. Vol. 36, No. 1. Pp. 69–87. DOI [10.1068/a35263](https://doi.org/10.1068/a35263).

20. Wagner, M. Spatial Mobility, Family Dynamics, and Housing Transitions / M. Wagner, C. H. Mulder. In *Social Demography – Forschung an der Schnittstelle von Soziologie und Demographie* / K. Hank, M. Kreyenfeld (eds). Wiesbaden : Springer, 2015. Pp. 111–135. ISBN 978-3-658-11490-9. DOI [10.1007/978-3-658-11490-9](https://doi.org/10.1007/978-3-658-11490-9).

21. Elsinga, M. Homeownership and Housing Satisfaction / M. Elsinga, J. Hoekstra. *Journal of Housing and the Built Environment*. 2005. Vol. 20. Pp. 401–424. DOI [10.1007/s10901-005-9023-4](https://doi.org/10.1007/s10901-005-9023-4).

22. Mohit, M. A. Assessment of residential satisfaction in newly designed public low-cost housing in Kuala Lumpur, Malaysia / M. A. Mohit, M. Ibrahim, Y. R. Rashid. *Habitat International*. 2010. Vol. 34, No. 1. Pp. 18–27. DOI [10.1016/j.habitatint.2009.04.002](https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2009.04.002).

23. Gan, X. Are Migrant Workers Satisfied with Public Rental Housing? A Study in Chongqing, China / X. Gan, J. Zuo, K. Ye, D. Li, R. Chang, G. Zillante. *Habitat International*. 2016. Vol. 56. Pp. 96–102.

24. Chung, E.-Ch. Housing Choices and Uncertainty: The Impact of Stochastic Events / E.-Ch. Chung, D. R. Haurin. *Journal of Urban Economics*. 2002. Vol. 52, No. 2. Pp. 193–216. DOI [10.1016/S0094-1190\(02\)00008-6](https://doi.org/10.1016/S0094-1190(02)00008-6).

25. Rashidi, T. H. Dynamic Housing Search Model Incorporating Income Changes, Housing Prices, and Life-Cycle Events. *Journal of Urban Planning and Development*. 2015. Vol. 141, No. 4. Article No. 04014041. DOI [10.1061/\(ASCE\)UP.1943-5444.0000257](https://doi.org/10.1061/(ASCE)UP.1943-5444.0000257).

26. Feijten, P. Age Differentiation in the Effect of Household Situation on First-Time Homeownership / P. Feijten, C. H. Mulder, P. Baizán. *Journal of Housing and the Built Environment*. 2003. Vol. 18, No. 3. Pp. 233–255. DOI [10.1023/A:1025111119396](https://doi.org/10.1023/A:1025111119396).

27. Gan, X. Exploring the Adequacy of Massive Constructed Public Housing in China / X. Gan, J. Zuo, T. Wen, Y. She. *Sustainability*. 2019. Vol. 11, No. 7. Article No. 1949. DOI [10.3390/su11071949](https://doi.org/10.3390/su11071949).

28. Hair, J. F. Jr. Partial Least Squares Structural Equation Modeling (PLS-SEM): An Emerging Tool in Business Research / J. F. Hair Jr., M. Sarstedt, L. Hopkins, V. G. Kuppelwieser. *European Business Review*. 2014. Vol. 26, No. 2. Pp. 106–121. DOI [10.1108/EBR-10-2013-0128](https://doi.org/10.1108/EBR-10-2013-0128).

29. Hock, M. Local Strategic Networks in the Software Industry: An Empirical Analysis of the Value Continuum / M. Hock, Ch. M. Ringle. *International Journal of Knowledge Management Studies*. 2010. Vol. 4, No. 2. Pp. 132–151. DOI [10.1504/IJKMS.2010.030789](https://doi.org/10.1504/IJKMS.2010.030789).

30. Garson, G. D. *Partial Least Squares Regression and Structural Equation Models*. Asheboro : Statistical Publishing Associates, 2016. 301 p. ISBN 1626380392.

31. Henseler, J. A New Criterion for Assessing Discriminant Validity in Variance-Based Structural Equation Modeling / J. Henseler, C. M. Ringle, M. A. Sarstedt. *Journal of the Academy of Marketing Science*. 2015. Vol. 43. Pp. 115–135. DOI [10.1007/s11747-014-0403-8](https://doi.org/10.1007/s11747-014-0403-8).

32. Clark, L. A. Constructing Validity: Basic Issues in Objective Scale Development / L. A. Clark, D. Watson. *Psychological Assessment*. 1995. Vol. 7, No. 3. Pp. 309–319. DOI [10.1037/1040-3590.7.3.309](https://doi.org/10.1037/1040-3590.7.3.309).

Bio note:

Linh Le Dieu Nguyen, Master of Science (Real Estate), Lecturer, Hanoi University of Natural Resources and Environment, Hanoi, Vietnam.

Contact information: e-mail: nldlinh@hunre.edu.vn.

Received on 15.12.2023; accepted for publication on 27.02.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

ВЛИЯНИЕ МОТИВАЦИОННЫХ ФАКТОРОВ НА ВЫБОР ЖИЛЬЯ МИГРАНТАМИ В ХОШИМИНЕ, ВЬЕТНАМ

Нгуен Линь Ле Дье

Ханойский университет природных ресурсов и окружающей среды, Ханой, Вьетнам

E-mail: nldlinh@hunre.edu.vn

Для цитирования: Нгуен, Линь Ле Дье. Влияние мотивационных факторов на выбор жилья мигрантами в Хошимине // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 1. С. 101–115. DOI [10.19181/demis.2024.4.1.7](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.7). EDN [OSPTJZ](https://orcid.org/10.1007/978-3-319-75117-7).

Аннотация. Цель настоящей научной работы – оценка влияния мотивационных факторов на выбор жилья мигрантами, переезжающими из села в город. К мотивам, влияющим на выбор жилья, могут относиться причины миграции, жизненные обстоятельства и неудовлетворенность жилищными условиями. Автор предлагает модель исследования, основанную на этих трех гипотезах, и для их проверки использует данные соцопроса мигрантов, проживающих в Хошимине. В ходе исследования было получено несколько новых результатов. Во-первых, подтвердилась гипотеза: факторы, связанные как с экономическими, так и с неэкономическими ценностями, оказывают прямое влияние на выбор жилья. Этот вывод полностью согласуется с данными опроса, согласно которым основная масса людей в возрасте 25–45 лет считает улучшение своего положения главной целью при переезде в город и поиске жилья. Во-вторых, изменение текущих жизненных потребностей может привести к трансформации намерений выбора жилья. В-третьих, значимым итогом исследования является то, что большинство лиц, намеревающихся сменить место жительства, делает это по причине неудовлетворенности своими нынешними жилищными условиями или ценами на жилье. Согласно результатам нашего научного анализа, удовлетворенность жильем оказывается даже более значимым фактором, влияющим на установки при его выборе, нежели жизненные обстоятельства, экономические и неэкономические ценности. Данное исследование имеет некоторые ограничения, так как уточнения требуют другие влияющие на выбор жилья факторы, поскольку одной мотивации для изменения намерений может оказаться недостаточно. Предположительно, на установки мигрантов в состоянии также влиять ряд иных факторов, таких, например, как их возможности и способности.

Ключевые слова: покупка жилья, установки, мигранты, факторы мотивации, миграционная мотивация, жизненные обстоятельства, удовлетворенность жильем

Сведения об авторе:

Нгуен Линь Ле Дье, магистр наук (в области недвижимости), преподаватель, Ханойский университет природных ресурсов и окружающей среды, Ханой, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: nldlinh@hunre.edu.vn.

Статья поступила в редакцию 15.12.2023; принята в печать 27.02.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕМОГРАФИЯ

DOI [10.19181/demis.2024.4.1.8](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.8)

EDN [MRLOAX](https://mrloax.com)

ПРИЧИНЫ И ФАКТОРЫ МИГРАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Потапова Ю. В.

*Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Омск,
Россия*

E-mail: kardova.jv@gmail.com

Маленова А. Ю.

*Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Омск,
Россия*

E-mail: malyonova@mail.ru

Маленов А. А.

*Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Омск,
Россия*

E-mail: malyonov@mail.ru

Потапов А. К.

*Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Омск,
Россия*

E-mail: poalexk2187@yandex.ru

Для цитирования: Потапова, Ю. В. Причины и факторы миграционного поведения молодежи Омской области / Ю. В. Потапова, А. Ю. Маленова, А. А. Маленов, А. К. Потапов // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 4, № 1. С. 116–131. DOI [10.19181/demis.2024.4.1.8](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.8). EDN [MRLOAX](https://mrloax.com).

Аннотация. Ставится проблема предпосылок миграционной активности молодежи Омска. Обсуждаются возможные причины миграционных рисков, факторы их обуславливающие – внешние, экономические и внутренние, психологические – с целью выявления возможных способов управления ими. Задачи исследования: определить эмоциональную оценку города и связь миграционных установок молодежи с привязанностью и идентификацией с ним; выявить основные причины миграции из Омска, установить различия в карьерных ориентациях студентов с разным уровнем миграционных установок; определить необходимые условия жизни города для кардинального изменения миграционной ситуации в нем. Благодаря качественным (интервью) и количественным (тестирование и анкетирование) методам на выборке из 416 человек с разными социально-демографическими характеристиками проанализированы причины миграционного поведения и проведен анализ «выталкивающих» и «удерживающих» факторов. Установлено, что при эмоциональной оценке города у молодежи доминирует позитивная коннотация, однако молодежь чаще помещает Омск

на временной шкале ближе к концепту «прошлое», а не «будущее». Таким образом, причинами реального миграционного поведения являются представление об отсутствии перспектив, связанных с развитием в городе, и сопутствующая неудовлетворенность экономическими, образовательными и карьерными условиями, сложившимися в нем. Факторами, снижающими уровень выраженности миграционных установок, оказываются высокая идентификация с городом, чувство принадлежности к нему, планирование будущего, связанного с городом, и карьерная ориентация на стабильность места жительства. Факторами, усиливающими стремление мигрировать, становятся карьерная ориентация на автономию в работе, слаборазвитая городская идентичность.

Ключевые слова: миграция, миграционные установки, удерживающие и выталкивающие факторы, городская идентичность, молодежь, Омский регион

Введение

В последние 10 лет демографическая ситуация в Омской области характеризуется преимущественной отрицательной динамикой: лишь в 2014 г. наблюдался небольшой миграционный прирост (+702 человека), тогда как в остальные годы – убыль, резко возрастающая в 2017 г. В 2022 г. она составила – 9 764 человека¹. Омская область стремительно теряет свои человеческие ресурсы, при этом уезжают зачастую молодые, трудоспособные, талантливые люди, которые принимают решение реализовать свой потенциал в других городах, и не только в мегаполисах – Москва (58,8%), Санкт-Петербург (55,4%), но и в сопоставимых по количественному составу населения (Екатеринбург, 72,4%) и территориальному расположению (Новосибирск, 68,8%; Тюмень, 66,7%) [1]. При этом чаще всего стремятся к миграции представители науки, малого и среднего бизнеса, сферы финансов, здравоохранения, транспорта и торговли, тогда как полицейские, представители органов государственного управления и энергетики чувствуют себя комфортно и предпочитают остаться в Сибирском регионе [1]. Во многом это обусловлено имиджем Омской области, противоречивой миграционной привлекательностью, позволяя ее относить к промышленным центрам России, однако с недостаточными для жизни социально-экономическими показателями [2].

Большинство теорий, относящихся к объяснению миграционного поведения, вышло из экономической сферы: миграция тесно связывается с рыночным поведением и обусловлено экономической целесообразностью [3], направление и интенсивность ее потоков вызваны неравномерностью доходов [4], перераспределением производительных и интеллектуальных сил [5] и избеганием рисков, связанных с трудоустройством [6], формируемым на разных территориях спросом на категории работников с разной квалификацией [7]. В теории «притяжения – выталкивания» факторы, провоцирующие миграционную мобильность, делятся на выталкивающие (что не устраивает в территории актуального проживания), притягивающие (что привлекает на желаемой территории), препятствующие (что может помешать миграции) и личностные [8]. Пожалуй, это одна из первых теорий, в которой речь начинает вестись не только об экономических, но и психологических причинах миграции – стереотипах, установках, возникающих относительно проживания на той или иной территории. Таким образом, этап реального перемещения предваряется подготовительной фазой, на которой вырабатывается миграционная установка – в разной степени сформированное представление о том, где человек хотел бы проживать [9], а также готовность покинуть свою территорию проживания ради другой [10].

Поскольку, согласно данным российских и зарубежных авторов, не все установки переходят в статус активных действий [11; 12; 13], важно проводить мониторинг причин миграционной активности и среди тех, кто уже уехал, и тех, кто задумывает-

¹ Население // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Омской области : [сайт]. URL: <https://55.rosstat.gov.ru/population> (дата обращения: 28.10.2023).

ся об этом, чтобы понять тип и силу «выталкивающих» факторов и наличие «сдерживающих» для профилактики реального оттока населения.

В последнее время подобные исследования проводятся для разных территорий нашей страны, и в них можно отследить определенную территориальную специфику. Например, в Свердловской области респонденты чаще говорят о внутренней миграции (в другие города России) [14], тогда как в Белгородской и Смоленской областях речь идет в основном о внешней миграции (в страны Европы) [15; 16]. Факторами притягивания – выталкивания в Белгородской области служат повышение качества жизни, желание найти хорошую работу и построить карьеру, получение больших возможностей [15], в Свердловской – образовательный фактор (переезд для обучения в вузах), экономический (разный уровень оплаты труда за одну и ту же работу, возможность найти работу) и социальный (наличие хорошо развитой инфраструктуры в небольшом числе крупных российских городов) [14], а в Смоленской – наличие определенных ценностных ориентиров как внутренних (терпимость, понимание, забота, справедливость), так и внешних (богатство и власть) [16]. Также в предмет исследования попадают и особенности региональной идентичности, которая в Сибири значительно отличается по социальным, этническим и культурным характеристикам от европейской части России [17].

В Омской области 91% миграционного потока обусловлен перемещениями внутри страны, поэтому мы концентрируемся на вопросах внутренней миграции. Что касается причин миграции, то они чаще связываются с образовательными и экономическими предпосылками [1], подтверждая роль социально-экономических показателей в миграционной привлекательности Сибирского региона [2] и общие миграционные тенденции в молодежной среде [18]. Вместе с тем поисковых срезов, направленных на расширение этого списка социально-психологическими параметрами, крайне мало при их ресурсных возможностях для обнаружения, прежде всего, сдерживающих миграцию факторов.

Методы исследования

Цель настоящего исследования – выявить, каким образом принимается решение о миграции, каково отношение к родному городу у тех молодых людей, кто осуществил переезд, а также у тех, кто обучается в г. Омске и потенциально находится в группе миграционного риска. В данной работе мы обобщаем результаты срезов, проводимых на протяжении 2 лет, объединяя их благодаря смешению методов – качественного (интервью) и количественного (тестирование и анкетирование) для получения комплексной картины изучаемого явления. Оба среза осуществлялись среди участников, высказавших добровольное согласие ответить на вопросы. В ходе первого – качественного этапа исследования, были опрошены 26 человек, из них 50% девушек, 50% юношей в возрасте от 18 до 34 лет (средний возраст респондентов – 28,8 лет). Города, в которые мигрировали респонденты: Москва – 7 человек (26,9%), Санкт-Петербург – 10 человек (38,4%), Екатеринбург – 2 человека (7,6%), Тюмень – 2 человека (7,6%), и по одному человеку (3,8%) переехали в Новосибирск и Калининград. Кроме того, были люди, мигрировавшие в другие страны: США, г. Остин (10%); Чехия, г. Прага (5%). Профессиональная представленность опрошенных следующая: специалист по внутрикорпоративным коммуникациям, инженер-программист, инженер, педагог-психолог, управляющая отелем, практикующий психолог, старший бизнес-аналитик, дизайнер, бизнесмен, HR-партнер, руководитель отдела обучения

персонала, руководитель проекта, репетитор по истории и обществознанию, системный администратор, сотрудник пункта выдачи интернет-магазина, тренер, медицинская сестра. Семеро участников были студентами МГУ (1 человек), МГИМО (1 человек), СПбГУ (3 человека), НИУ ВШЭ (1 человек), РУДН (1 человек).

Молодым людям были заданы вопросы:

1. Какие ассоциации у Вас возникают, когда Вы слышите слово «Омск»?
2. Закончите фразу «Омск – это...»
3. В связи с чем Вы приняли решение уехать из Омска?
4. Какие аргументы у Вас были за то, чтобы уехать? А какие в пользу того, чтобы остаться?
5. При каких условиях Вы приняли бы решение остаться?
6. Планируете ли Вы возвращаться в Омск?

Интервью проводились с использованием гайда, построенного в дедуктивной логике.

Целью второго среза стало получение количественных данных, которыми можно было бы дополнить и конкретизировать результаты первого, качественного этапа. В ходе второго этапа исследования были опрошены 390 студентов вузов Омска (272 девушки (69,7%) и 118 юношей (30,3%), их средний возраст – 19,9 лет. Методический комплекс: Шкала миграционных установок личности С. А. Кузнецовой, И. Ю. Кузнецова, А. В. Фещенко [19]; Метод оценки привязанности к дому С. И. Резниченко, С. К. Нартовой – Бочавер, В. Б. Кузнецовой [20] в модификации А. Ю. Маленовой, Ю. В. Потаповой (Опросник отношения к городу); Методика изучения мотивации профессиональной карьеры («Якоря карьеры») Э. Шейна (в адаптации В. Э. Винокуровой и В. А. Чикер) [21], Опросник идентичности с городом С. А. Литвиной, О. И. Муравьевой [22], авторская анкета (вопросы о социально-демографических характеристиках, миграционных намерениях респондентов).

На обоих этапах использовались первичные описательные статистики (среднее арифметическое, стандартное отклонение), частотный анализ, на втором инструментарий был расширен за счет однофакторного дисперсионного анализа с апостериорным тестом Шеффе. Для того, чтобы оценить уровень развития определенных конструктов, было произведено нормирование полученных данных по шкале Т-баллов.

Представление результатов двух этапов исследований производилось нами параллельно (сначала по первому, качественному этапу, затем по второму – количественному), согласно поставленным задачам:

1. Оценить ассоциации с городом и определить связь миграционных установок с привязанностью к городу и идентификацией с ним;
2. Выявить основные причины миграции из Омска и установить различия в карьерных ориентациях студентов с разным уровнем развития миграционных установок;
3. Определить, какие условия жизни города молодые люди считают необходимыми для того, чтобы кардинально изменить миграционную ситуацию в нем.

Результаты

Ассоциативная оценка города опрошенными в процессе интервью позволяет охарактеризовать их связь с Омском как позитивную (см. табл. 1).

Таблица 1

Ассоциации мигрировавшей молодежи, связанные с Омском

Table 1

Migrated youth's associations with Omsk

Ассоциация	Число респондентов (человек)
Детство	8
Дом	7
Родной город, город, где я вырос	6
Конкретные здания и организации (ул. Ленина, скульптуры Любочка, Степаных, университеты, Нефтяники)	6
Родители	3
Миллионник	3
Студенчество, молодость	3
Воспоминания	3
Малая родина	2
Провинциальный город	2
Грязь, пыль	2
Авангард	2
Маленький город	1
Географические объекты (Иртыш)	1
Промышленность	1
Место, откуда я уехал	1
Родина предков	1
Скука	1

Чаще всего оценки участников исследования касались собственного прошлого, связанного с городом, ностальгическими воспоминаниями о нем, о своей родительской семье. Весьма распространенным был ответ, связанный с указанием конкретных архитектурных ансамблей (чаще всего располагающихся в историческом центре города), скульптур, имеющих символическое значение («Любочка», «Степаных»), районов города, где прошло детство или студенчество (как правило, это городок Нефтяников, где велика концентрация университетов), сами университеты (ОмГУ имени Ф. М. Достоевского). Интересным фактом стало то, что молодые люди, отучившиеся в омских школах и поступившие в университеты иных городов, не назвали школы в качестве значимых объектов, ассоциирующихся с городом, а вот молодежь, отучившаяся в омских вузах, выделила именно их как центральную точку ассоциации. Вероятно, это обусловлено высоким уровнем идентификации молодых людей со своим университетом, так как учебно-профессиональная подготовка сильнее отражает направленность личности, а обучение в школе рассматривается как универсальный этап, слабо связанный с личностным выбором.

Методика «незаконченное предложение» со стимульным материалом «Омск – это...» вызвала более противоречивые оценки отвечавших. Чаще всего Омск соотносился с прошлым респондентов (доминировали конструкты «город детства», «дом», «место, где осталась моя семья»), и в данном случае чувства, которые испытывали по отношению к городу молодые люди – это легкая грусть по ушедшему детству и молодости, ностальгия с приятными воспоминаниями о студенческих годах и их легкости. В то же время помещение Омска на временную шкалу ближе к концепту «прошлое» свидетельствует об уверенности молодежи в том, что они не хотят возвращаться к этой части своей жизни, какой бы светлой она ни была. Пятая часть испытуемых приводила сдержанно-позитивные оценки: завершая предложение, использовала

стереотипное – «третья столица», а также привязку к размеру города (причем в равной степени здесь появлялась оценка как «большой», так и «маленький»). Вероятно, указание на размер города и его тип проявлялось в зависимости от того, куда переезжал респондент. Так, маленьким и компактным, уютным Омск называли молодые люди, переехавшие в Москву и Санкт-Петербург, а большим, миллионником – в другие города (Калининград, Екатеринбург), которые в сравнении с Омском не столь велики как мегаполисы.

Присутствовали и откровенно негативные ассоциации. В основном отрицательная оценка города происходила по причине отсутствия перспектив – «город без будущего» (*репетитор, 22 года*), «место, которое застыло» (*специалист по логистике, 32 года*), экологического состояния города – «грязь», «отвращение» (*сотрудник пункта выдачи интернет-магазина, 34 года*) и личных впечатлений от него – «симуляция реальной жизни» (*студент, 20 лет*). В целом негативные ассоциации дали трое респондентов. И еще двое участников опроса оценили город противоречиво: ассоциируя его с собой – «Омск – это я» (*специалист по логистике, 32 года*), они также признали наличие неоправданных надежд, связанных с городом, и застоя, а когда говорили о его самобытности и неповторимой атмосфере, то в их оценках звучали «нотки грусти». Таким образом, в целом оценивая отношение к Омску, нельзя охарактеризовать его как сугубо положительное или отрицательное. Скорее молодые люди воспринимали город как часть своей личной истории, часть себя и своей жизни, но вместе с тем и как «перевернутую страницу», прошлое, к которому не особенно хотелось бы возвращаться.

Итак, важный конструкт, связанный с решением молодежи о миграции, – это степень идентификации с городом и приверженности ему. Чтобы оценить, как такие феномены связаны с миграционными установками, во второй части исследования мы условно разделили выборку студентов на 3 части: с низким (52 человека, 13,3%), средним (271 человек, 69,5%) и высоким (67 человек, 17,2%) уровнями выраженности миграционных установок. Так как методика не имела определенных норм, разделение происходило на основании нормирования по выборке (сырые значения были приведены к Т – баллам, затем полученные результаты переведены в уровни, средним считался результат $M \pm \sigma$, высокий уровень присваивался при $x > M + \sigma$, низкий уровень $x < M - \sigma$). В группе с низким уровнем выраженности миграционных установок были 73,1% девушек, 26,9% юношей, средний возраст $20,5 \pm 3,5$ лет; группа со средним уровнем выраженности насчитывала 67,2% девушек, 32,8% юношей, средний возраст $19,9 \pm 3,2$ года; группа с высоким уровнем миграционных установок включала 77,6% девушек, 22,4% юношей, средний возраст $19,6 \pm 1,64$ года. Распределение по полу не показало связи с распределением по уровням выраженности миграционных установок; по среднему возрасту отличий также не было обнаружено. Далее производилось сравнение групп по ряду психологических параметров. При этом было выявлено, что привязанность к городу статистически значимо ($F=5,37, p \leq 0,01$) отличается у студентов с низким (ср. балл. 57,7), средним (48,7) и высоким (47,7) уровнями выраженности миграционных установок. Следовательно, молодежь, стремящаяся уехать из Омска, закономерно обладает его менее выраженной позитивной оценкой, более слабой привязанностью. Уровень идентификации с городом по ряду шкал также значимо выше у людей с низкими миграционными установками (см. табл. 2).

Таблица 2

Показатели идентификации с городом омских студентов с разным уровнем развития миграционных установок

Table 2

Indicators of identification with the city of Omsk students with different levels of development of migration attitudes

Шкала идентификации с городом	Уровень выраженности миграционных установок			F	p
	низкий	средний	высокий		
Чувство принадлежности к городу и вера в его возможности	56,10	49,74	42,12	5,97	0,004
Эмоциональная привязанность и чувство близости	53,91	49,13	45,38	2,54	0,084
Оценка города как обладающего уникальностью	52,44	49,56	44,45	1,67	0,194
Личный вклад в жизнь города	53,97	49,03	44,47	3,14	0,048
Планирование будущего, связанного с городом	59,07	48,99	42,81	11,18	0,001

В то же время чувство принадлежности к городу, оценка личного вклада в его жизнь, планирование будущего у студентов с высокими миграционными установками значительно ниже, чем у тех, кто так сильно не стремится мигрировать, а вот по уровню эмоциональной привязанности и оценке уникальности города отличий найдено не было. В целом это согласуется с результатами интервью: человек может любить город, чувствовать, что город занимает в его биографии важную страницу и особое место, но при этом все равно хочет уехать, поскольку считает, что не может своими действиями что-то качественно изменить в лучшую сторону как глобально, в жизни города вообще, так и локально, в собственной личной жизни и карьере.

Причины, по которым осуществлялся переезд, можно разделить на пять групп (см. табл. 3).

Таблица 3

Причины миграции молодежи из Омска

Table 3

Reasons for migration of young people from Omsk

Тип	Число человек
Карьерная (легче развиваться в определенной области, есть перспективы только в другом городе), трудовая (легче найти работу), экономическая	13
Получение образования, в т. ч. последипломного	11
Инфраструктура города, культура	4
Семейные причины (за мужем/женой)	4
Экологическая	2

Следует отметить, что причины связанные с построением карьеры (их назвали 9 человек), превалируют над чисто экономическими (т. е. уровнем заработной платы) и трудовыми (самим фактом нахождения работы) – о них говорили только 4 человека. Таким образом, налицо ситуация, при которой молодежь оценила выше скорее не сам факт получения высокой заработной платы, а возможность иметь дело, которое их бы удовлетворяло, и развиваться в нем профессионально, получать удовлетворение от работы. Такой подход указывает на достаточную степень амбициозности интервьюируемых, преобладание внутренней мотивации над внешней и спецификой

построения временной перспективы, в которой сиюминутные трудности в настоящем рассматриваются как приемлемая цена за формирование более благоприятного будущего. Эти результаты соотносятся с данными С. А. Кузнецовой, проводившей исследование временной перспективы у молодежи Магадана и обнаружившей высокий уровень развития миграционных установок у молодежи, высоко оценивающей значение будущего в своей жизни и пренебрегающей ради этого гедонистическим настоящим [23].

Изучив различия в карьерных ориентациях омских студентов с разными миграционными установками, мы получили результат, свидетельствующий о значимых отличиях в установках на стабильность места жительства, автономию и служение (см. табл. 4).

Таблица 4

Карьерные ориентации омских студентов с разными миграционными установками

Table 4

Career orientations of Omsk students with different migration attitudes

Карьерные ориентации	Уровень миграционных установок			F	p
	низкий	средний	высокий		
Профессиональная компетентность	51,86	49,56	50,18	1,17	0,31
Менеджмент	48,82	50,10	50,72	0,54	0,58
Автономия	49,52	49,41	52,86	3,33	0,04
Стабильность места работы	50,31	50,18	49,22	0,27	0,77
Стабильность места жительства	52,33	50,46	46,57	5,74	0,00
Служение	52,87	49,26	50,73	3,08	0,05
Вызов	49,23	50,34	49,31	0,47	0,63
Интеграция стилей жизни	51,38	49,32	51,51	1,87	0,16
Предпринимательство	49,68	49,92	50,46	0,10	0,90

Полученные результаты отчасти подтвердили существующие тенденции «территориальной подвижности» молодежи [24]. Кроме того, в ряде исследований студенческой молодежи данные по шкале «стабильность места жительства» заметно уступали другим карьерным ориентациям [25; 26]. Введение в качестве дополнительного критерия уровня миграционных установок показало его роль в формировании различий, дополняя картину тем фактом, что те, кто готов мигрировать и стремится к этому, предполагают, что и в дальнейшем работа не будет связана с нынешним местом жительства. Интересно, что они же ориентированы на высокую автономию. Что, по-видимому, связано с представлением студентов о том, что в Омске сложнее найти работу, где человек мог бы занять субъектную позицию в труде и самостоятельно выстраивать свою деятельность, тогда как в других городах это сделать проще. Карьерная ориентация на служение слабее проявлена у людей со средним уровнем миграционных установок и сильнее – у тех, кто решил остаться в Омске. Апостериорный тест Шеффе показал, что при попарных сравнениях значимы только отличия между группами студентов с низким и средним уровнем ($p \leq 0,05$) миграционных установок. Возможно, что студенты, занимающие полярные позиции по отношению к миграции, лучше определились с тем, какой деятельностью они планируют заниматься, поэтому у них четче очерчены ориентиры на самоотдачу, сформирована более четкая позиция по отношению к объектам своего труда, а будут ли они находиться в родном городе или каком-то ином, уже не имеет столь выраженного значения.

При обсуждении вопроса о том, как принималось решение о переезде в другой город или страну, респонденты зачастую говорили об отсутствии сомнений (53,8%) либо их слабой выраженности (11,5%). Среди аргументов за то, чтобы остаться в Омске, были названы:

- привязанность к семье и беспокойство о том, как родители перенесут отъезд (46%);
- обладание недвижимостью в Омске (15,4%), при этом чаще о данном аспекте говорили молодые мужчины;
- наличие социальных связей, способных помочь в решении бытовых (например, проблем с детьми) или деловых вопросов (19,2%).

Типов аргументации за то, чтобы уехать, было несколько больше:

- возможность развития карьеры (50%);
- качественное образование, в том числе последипломное (42,3%);
- более высокая заработная плата и качество жизни в целом (34,6%);
- культурные факторы, начиная от возможностей проведения досуга и заканчивая более высокой бытовой культурой общения (23,1%);
- экологические факторы (7,7%).

При опросе студентов, обучающихся и пока проживающих в Омске, были выявлены следующие потенциальные мотивы миграции: найти работу с более высокой заработной платой (62,8%), получить возможности карьерного роста, занятия руководящих должностей (51%), иметь больше возможностей для путешествий (52,8%), проживать в городе с инфраструктурой более высокого уровня (50,0%), где больше возможностей для самореализации у будущих детей (40,0%), с более насыщенной культурной жизнью (40,0%), имеющем возможности для открытия собственного бизнеса (32,1%), в более комфортном для организации жизни семьи (31%), с более удобной транспортной системой (22,1%). Также причинами переезда выступали стремление получить образование в вузе в другом городе (14,1%), работать в сфере, которая не развита в Омске, но есть в другом городе (стране) (13,1%). Интересно, что факторы, которые были перечислены уже мигрировавшими молодыми людьми, не всегда совпадали с теми мотивами, которые могут спровоцировать миграцию у студентов, обучающихся в Омске. Так, для студентов важнее был мотив, связанный с зарплатой, а не с возможностью построения уникальной карьерной траектории. Пожалуй, это связано с тем, что обучающиеся еще не до конца понимают, в какой отрасли они могли бы себя реализовать. Кроме того, внешние условия чаще отмечались еще не мигрировавшими молодыми людьми, тогда как совершившие миграцию упоминали о них вскользь, вероятно, уже адаптировавшись к новому месту жительства, и воспринимая внешние условия как нечто само собой разумеющееся, не способное быть основным фактором, из-за которого можно решиться на переезд.

Среди интервьюируемых наличие крайне негативной установки «куда угодно, только бы уехать из Омска» продемонстрировал лишь один из отвечавших. Остальные подчеркивали, что их установка формировалась в основном через рассмотрение позитивных факторов притяжения в других городах («я уезжала не из Омска, а в Екатеринбург» *(специалист по внутрикорпоративным коммуникациям, 32 года)*). Тем самым явная неприязнь к родному городу снималась и происходило рациональное оценивание положительных сторон, которые предлагают иные регионы.

В свою очередь, на вопрос о том, готовы ли Вы вернуться в Омск, только двое респондентов ответили положительно (но при условии перемен, которые произой-

дут в городе) и еще один из студентов, обучающихся в московском вузе, сказал, что готов рассмотреть такую возможность. Категоричное «нет» заявили 57,6% опрошенных, трое обозначили условия, при которых они готовы были бы это сделать (но, как правило, такие условия мыслятся как нереальные: «Если бы в Омске была работа, которая не уступала бы той, на которой я сейчас нахожусь» (*бизнес-аналитик, 31 год*)). Интересным, на наш взгляд, стал еще один ответ на этот вопрос: «Только в безвыходной ситуации» (20%). Итак, в данном случае перечислялись факторы, которые могли бы повлиять на решение, – от необходимости постоянного ухода за родителями до военного положения или существенного снижения уровня доходов («мы с родителями недавно говорили, что если будет совсем тяжело, то приедем в Омск сажать картошку» (*руководитель отдела обучения персонала, 32 года*)), однако это не рассматривается респондентом как вероятный вариант, скорее выглядит как суеверное перечисление возможных факторов, которые могут помешать на жизненном пути. Такой подход позволяет понять, что Омск рассматривается молодежью, которая здесь родилась и выросла, как «запасной вариант», место, где можно спрятаться, укрыться от надвигающейся опасности в родительском доме.

Наконец, на вопрос о том, что должно измениться, чтобы Омск стал более привлекательным для молодежи, следовали ответы, которые в основном были связаны с экономическими изменениями: создание новых рабочих мест с достойной заработной платой («Банальные вещи, чтобы оставались – достойный уровень зарплаты, работа, развивающийся город» (*руководитель отдела обучения персонала, 32 года*)). Частично решение данного вопроса видится во включении в удаленный формат работы организаций, поддержке малого бизнеса, поддержке тенденций глобализации («Удерживать молодежь в Омске поможет поддержка малого бизнеса и работа над инфраструктурой города» (*бизнес-аналитик, 31 год*)). Рефреном звучит слово «перспективы»: пока покинувшие Омск не видят для себя возможных вариантов для развития в городе. Важным для молодежи остается также фактор, связанный не только с заработком, но и с получением удовлетворения от своей работы, оценкой динамики развития города, так как стремление оценивать не только настоящее, но и будущее (и ради него порой выдерживать актуальные трудности) является характерной чертой амбициозной и настроенной на карьерный рост молодежи («Дело, которое давало бы доход и удовлетворение, а также положительная динамика изменения социальной среды в городе» (*специалист по логистике, 32 года*)). Примерно с равной частотой упоминался аспект об организации инфраструктуры города: сюда входят удобство транспортной развязки, качество работы общественного транспорта, наличие мест отдыха и досуга, формирование социальной среды, в которой есть место инновациям, свежим идеям, возможности молодым людям кооперироваться для создания чего-то нового и полноценного общения («...общественная и деловая активность, улучшение общественных пространств», «...дело (работа) появится, когда в городе улучшится социальная среда. Город станет местом притяжения, что приведет к росту доходов населения» (*руководитель проекта, 34 года*)). Чуть реже назывались проблемы экологии. Однако для отвечавших, которые затрагивали данную тему, они были принципиально важными: чистые улицы и воздух, отсутствие вредных выбросов, пыли и грязи – базовое условие сохранения здоровья человека («Хороший общественный транспорт, чтобы в нем можно было дышать! А не задыхаться от выхлопов» (*педагог-психолог, 34 года*)). Это, в свою очередь, подтверждает результаты исследования Г. В. Савенцева и его коллег, относящих Омскую область к «промышленному» региону, в котором

присутствует индустриальная специализация, высокая степень урбанизации, туристическая привлекательность на фоне самых низких по стране экологических показателей [2]. Подытожить основные требования молодежи можно фразой, сказанной одним из отвечающих на вопрос о том, каким должен быть наш город: «Он должен стать комфортным для жизни. Во всех смыслах» (*управляющая отелем, 33 года*).

Выводы

В результате сочетания количественных и качественных методов для изучения факторов и предпосылок миграционного поведения омской молодежи были обнаружены следующие особенности.

Большая часть опрошенных омичей молодого возраста имеет средний уровень сформированности миграционных установок. Среди уже уехавших из Омска молодых людей отрицательная оценка самого города характерна лишь для пятой части респондентов. Зачастую молодежь, как покинувшая Омск, так и оставшаяся в нем, использует позитивную коннотацию, обращаясь к детским воспоминаниям, а также ярким событиям отрочества и юности.

Говоря о причинах миграции, следует отметить, что чаще всего они связаны с неудовлетворенностью карьерными, экономическими, социокультурными условиями, складывающимися в городе. При этом нередко выбор переезда связывается с большей привлекательностью других городов, а не с негативной оценкой своего настоящего места проживания.

«Выталкивающими» факторами для молодежи являются:

- 1) помещение Омска по временной шкале ближе к концепту «прошлое», а не «будущее», отсутствие стремления планировать свое будущее в Омске, смутное видение перспектив самореализации в нем;
- 2) недостаточная привязанность к городу, слабое чувство принадлежности к нему, негативная оценка личного вклада в жизнь города, слабо сформированная городская идентичность;
- 3) стремление к автономии в карьере и низкий уровень выраженности ориентации на стабильность места жительства.

По ответам респондентов можно также сформировать представление о возможных «удерживающих» факторах:

- 1) создание условий для реализации образовательного и профессионального потенциала, построения карьеры, в том числе предпринимательской, при общей трудовой занятости и стабильности;
- 2) в качестве неэкономических факторов, препятствующих переезду молодых людей из региона, следует рассматривать поддержку баланса между их стремлением к автономности и просоциальному поведению в форме служения;
- 3) отдельными группами факторов, требующими контроля в контексте миграционных рисков, выступают культурный, включая организацию досуговой деятельности, инфраструктурный и экологический, тогда как психологическая профилактика миграционных намерений молодежи преимущественно связана с укреплением социальных связей (семейных, родственных, дружеских), его оценкой как места «силы», «защиты» в ситуациях возможного жизненного неблагополучия.

Таким образом, модерирование миграционного поведения возможно только общими усилиями различных служб, которые позволят, с одной стороны, улучшать объективно наблюдаемые параметры (карьерная и экономическая привлекатель-

ность города, инфраструктура, транспортная система), с другой – повлиять на мнение о городе, сделав его облик более привлекательным, акцентировав внимание на позитивной динамике развития и возможностях самореализации. Перспективами работы станут расширение выборки и включение в нее взрослых респондентов, создание комплексной модели миграционного поведения омичей.

Список литературы

1. Половинко, В. С. Миграционные установки населения в контексте регионального рынка труда / В. С. Половинко, А. В. Арбуз // Известия Уральского государственного экономического университета. 2018. Т. 19, № 1. С. 38–50. DOI [10.29141/2073-1019-2018-19-1-4](https://doi.org/10.29141/2073-1019-2018-19-1-4). EDN [YQUBXE](https://www.edn.ru/entry/10.29141/2073-1019-2018-19-1-4).
2. Савенцев, Г. В. Факторы миграционного прироста в регионах России на современном этапе / Г. В. Савенцев, Н. С. Флаот, Д. В. Егоров, Д. А. Казанцев // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Т. 8, № 2(30). С. 162–177. DOI [10.18255/2412-6519-2022-2-162-177](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2022-2-162-177). EDN [LKQGWV](https://www.edn.ru/entry/10.18255/2412-6519-2022-2-162-177).
3. Harris, J. R. Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis / J. R. Harris, M. P. Todaro // American Economic Review. 1970. Vol. 60, № 1. Pp. 126–142.
4. Borjas, G. J. Assimilation, Changes in Cohort Quality, and the Earnings of Immigrants // Journal of Labor Economics. 1985. Vol. 3, № 4. Pp. 463–489. DOI [10.1086/298065](https://doi.org/10.1086/298065).
5. Заславская, Т. И. Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе / Т. И. Заславская, Л. Л. Рыбаковский // Социологические исследования. 1978. № 1. С. 56–65. EDN [VYRWBH](https://www.edn.ru/entry/10.1086/298065).
6. Borjas, G. J. Self-Selection and the Earnings of Immigrants // American Economic Review. 1987. Vol. 77, № 4. Pp. 531–553.
7. Stark, O. On Migration and Risk in LDCs / O. Stark, D. Levhari // Economic Development and Cultural Change. 1982. Vol. 31, № 1. Pp. 191–196.
8. Lee, E. S. A Theory of Migration // Demography. 1966. Vol. 3, № 1. Pp. 47–57. DOI [10.2307/2060063](https://doi.org/10.2307/2060063).
9. Лычко, С. К. Привлекательность города как фактор формирования миграционных установок студентов / С. К. Лычко, Н. Л. Мосиенко // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. 2014. Т. 14, № 1. С. 160–169. EDN [RXSAVP](https://www.edn.ru/entry/10.2307/2060063).
10. Зайков, К. С. Миграционные установки студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования арктической направленности / К. С. Зайков, И. В. Каторин, А. М. Тамицкий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11, № 3. С. 230–247. DOI [10.15838/esc.2018.3.57.15](https://doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.15). EDN [XTJZTV](https://www.edn.ru/entry/10.15838/esc.2018.3.57.15).
11. Манцерово, О. В. О роли фронта в социальной мобильности российской молодежи (на примере астраханской области) // Гуманитарные исследования. 2012. № 4 (44). С. 270–274. EDN [PUIXAX](https://www.edn.ru/entry/10.15838/esc.2018.3.57.15).
12. Tjaden, J. Linking Migration Intentions with Flows: Evidence and Potential Use / J. Tjaden, D. Auer, F. Laczko // International Migration. 2019. Vol. 57, № 1. Pp. 36–57. DOI [10.1111/imig.12502](https://doi.org/10.1111/imig.12502).
13. van Dalen, H. P. Emigration Intentions: Mere Words or True Plans? Explaining International Migration Intentions and Behavior / H. P. van Dalen, K. Henkens. CentER Discussion Paper № 2008-60. Tilburg: Tilburg University, 2008. DOI [10.2139/ssrn.1153985](https://doi.org/10.2139/ssrn.1153985).
14. Грунт, Е. В. Выявление миграционных установок провинциальной молодежи: на примере учащихся российских и белорусских образовательных учреждений / Е. В. Грунт, Л. Г. Титаренко, Е. А. Беляева // Социология. 2023. № 1. С. 218–226. EDN [IHJLWW](https://www.edn.ru/entry/10.2139/ssrn.1153985).
15. Ермакова, С. Н. Миграционные установки студенческой молодежи (на примере города Белгород) // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2021. № 6 (58). С. 168–173. EDN [HMUNPS](https://www.edn.ru/entry/10.2139/ssrn.1153985).
16. Муращенкова, Н. В. Взаимосвязь ценностей и эмиграционных намерений студенческой молодежи г. Смоленска // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12, № 1. С. 77–93. DOI [10.17759/sps.2021120106](https://doi.org/10.17759/sps.2021120106).
17. Казанцев, Д. А. Региональная идентичность в сознании молодежи Сибири и Дальнего Востока / Д. А. Казанцев, Д. А. Качусов // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Т. 7, № 2. С. 134–145. DOI [10.18255/2412-6519-2021-2-134-145](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2021-2-134-145). EDN [IRYDMF](https://www.edn.ru/entry/10.18255/2412-6519-2021-2-134-145).

18. *Габдрахманов, Н. К.* «От волги до Енисея...»: образовательная миграция молодежи в России / Н. К. Габдрахманов, Н. Ю. Никифорова, О. В. Лешуков // Современная аналитика образования. 2019. № 5 (26). С. 4–42. EDN [DKZGMI](#).

19. *Кузнецова, С. А.* Разработка шкалы миграционных установок личности / С. А. Кузнецова, И. Ю. Кузнецов, А. В. Фещенко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2014. № 1. С. 83–90. EDN [RXWGRT](#).

20. *Резниченко, С. И.* Метод оценки привязанности к дому / С. И. Резниченко, С. К. Нартова-Бочавер, В. Б. Кузнецова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13, № 3. С. 498–518. DOI [10.17323/1813-8918-2016-3-498-518](#). EDN [XWOPIN](#).

21. *Чикер, В. А.* Психологическая диагностика организации и персонала. СПб. : Речь, 2004. 172 с. ISBN 5-9268-0187-7. EDN [QXKELP](#).

22. *Литвина, С. А.* Опросник идентичности с городом: разработка, валидизация, проверка надежности / С. А. Литвина, О. И. Муравьева // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2018. Т. 8, № 1. С. 73–91. DOI [10.15293/2226-3365.1801.05](#). EDN [YRNSAK](#).

23. *Кузнецова, С. А.* Временные перспективы и миграционные установки магаданских студентов на разных этапах обучения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15, № 1. С. 67–78. DOI [10.22363/2313-1683-2018-15-1-67-78](#). EDN [YTYALD](#).

24. *Рыбаковский, О. Л.* Закономерности и особенности межрегиональных миграционных связей населения России за 50 лет. Москва : Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2022. 471 с. ISBN 978-5-89697-383-6. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-383-6.2021](#). EDN [CCHKVJ](#).

25. *Ефремкина, И. Н.* Исследование динамики карьерных ориентаций, учебной мотивации, их взаимосвязи у студентов-бакалавров как условия формирования готовности к профессиональной мобильности // Перспективы науки и образования. 2018. № 2(32). С. 175–180. EDN [YXOCIC](#).

26. *Ковалевич, М. С.* Карьерные ориентации студентов – вектор профессионального саморазвития // Народная правда. 2018. № 1. С. 10–13.

Сведения об авторах:

Потапова Юлия Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Факультет экономики, психологии, менеджмента, Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Омск, Россия.

Контактная информация: e-mail: kardova.jv@gmail.com; ORCID ID: [0000-0002-1226-8982](#); РИНЦ Author ID: [675403](#); Web of Science Researcher ID: [AAB-6832-2022](#); Scopus Author ID: [58114942500](#).

Маленова Арина Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Факультет экономики, психологии, менеджмента, Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Омск, Россия.

Контактная информация: e-mail: malyonova@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5778-0739](#); РИНЦ Author ID: [678318](#); Web of Science Researcher ID: [AAN-7974-2021](#); Scopus Author ID: [57224741278](#).

Маленов Александр Александрович, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Факультет экономики, психологии, менеджмента, Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Омск, Россия.

Контактная информация: e-mail: malyonov@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-3654-956X](#); РИНЦ Author ID: [678262](#); Web of Science Researcher ID: [AEL-8395-2022](#); Scopus Author ID: [57224725844](#).

Потапов Александр Константинович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, социологии и политологии, Факультет истории, теологии и международных отношений, Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Омск, Россия.

Контактная информация: e-mail: poalexk2187@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-5890-9987](#); RSCI Author ID: [734548](#); Web of Science Researcher ID: [GLR-3420-2022](#); Scopus Author ID: [58513416200](#).

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № [22-28-20375](#) «Субъективная картина благополучия как предиктор миграционных установок одаренной молодежи Сибирского региона».

Статья поступила в редакцию 20.12.2023; принята в печать 21.02.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REASONS AND FACTORS OF MIGRATION BEHAVIOR OF YOUTH OF THE OMSK REGION

Yuliya V. Potapova

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

E-mail: kardova.jv@gmail.com

Arina Yu. Malenova

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

E-mail: malyonova@mail.ru

Alexander A. Malenov

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

E-mail: malyonov@mail.ru

Alexander K. Potapov

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

E-mail: poalexk2187@yandex.ru

For citation: Potapova, Yuliya V. Migration Behavior of Youth in the Omsk Region: Reasons, Factors, Prospects / Yu. V. Potapova, A. Yu. Malenova, A. A. Malenov, A. K. Potapov. DEMIS. Demographic Research. 2024. Vol. 4, No. 1. Pp. 116–131. DOI [10.19181/demis.2024.4.1.8](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.8).

Abstract. The problem of the preconditions for the migration activity of Omsk youth is posed. Possible causes of migration risks and factors determining them are discussed. Attention is paid to external, economic, and internal, psychological factors in order to determine possible ways to manage migration risks. Objectives of the study: to determine the emotional assessment of the city and the connection between migration attitudes of young people and attachment and identification with it; identify the main reasons for migration from Omsk, establish differences in the career orientations of students with different levels of migration attitudes; determine the necessary living conditions of the city to radically change the migration situation in it. Thanks to qualitative (interviews) and quantitative (testing and questionnaires) methods on a sample of 416 people with different socio-demographic characteristics, the reasons for migration behavior were analyzed and an analysis of “push” and “retaining” factors was carried out. It has been established that when young people emotionally assess the city, positive connotations dominate, but young people more often place Omsk on the time scale closer to the concept of “past” rather than “future.” Thus, the reasons for real migration behavior are the perception of the lack of prospects associated with development in the city, and the accompanying dissatisfaction with the economic, educational and career conditions that exist in it. Factors that reduce the level of expression of migration attitudes are high identification with the city, a sense of belonging to it, planning for a future associated with the city, and career orientation towards stability of place of residence. Factors that increase the desire to migrate are a career orientation toward autonomy at work and a poorly developed urban identity.

Keywords: migration, migration attitudes, holding and pushing factors, urban identity, youth, Omsk region

References

1. Polovinko, V. S. Migration Intentions of Population in the Context of Regional Labour Market / V. S. Polovinko, A. V. Arbuz. *Journal of New Economy*. 2018. Vol. 19, No. 1. Pp. 38–50. DOI [10.29141/2073-1019-2018-19-1-4](https://doi.org/10.29141/2073-1019-2018-19-1-4). (In Russ.).
2. Saventsev, G. V. Factors of Migration Growth in Modern Russia's Regions / G. V. Saventsev, N. S. Flaot, D. V. Egorov, D. A. Kazantsev. *Social and Humanitarian Knowledge*. 2022. Vol. 8, No. 2(30). Pp. 162–177. DOI [10.18255/2412-6519-2022-2-162-177](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2022-2-162-177). (In Russ.).
3. Harris, J. R. Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis / J. R. Harris, M. P. Todaro. *American Economic Review*. 1970. Vol. 60, No. 1. Pp. 126–142.

4. Borjas, G. J. Assimilation, Changes in Cohort Quality, and the Earnings of Immigrants. *Journal of Labor Economics*. 1985. Vol. 3, No. 4. Pp. 463–489. DOI [10.1086/298065](https://doi.org/10.1086/298065).
5. Zaslavskaya, T. I. Migration Processes and Their Regulation in Socialist Society / T. I. Zaslavskaya, L. L. Rybakovsky. *Sociological Studies*. 1978. No. 1. Pp. 56–65. (In Russ.).
6. Borjas, G. J. Self-Selection and the Earnings of Immigrants. *American Economic Review*. 1987. Vol. 77, No. 4. Pp. 531–553.
7. Stark, O. On Migration and Risk in LDCs / O. Stark, D. Levhari. *Economic Development and Cultural Change*. 1982. Vol. 31, No. 1. Pp. 191–196.
8. Lee, E. S. A Theory of Migration. *Demography*. 1966. Vol. 3, No. 1. Pp. 47–57. DOI [10.2307/2060063](https://doi.org/10.2307/2060063).
9. Lychko, S. K. City Attractiveness as a Factor of Formation of Students' Attitudes to Migration / S. K. Lychko, N. L. Mosienko. *Vestnik NSU. Series: Social and Economics Sciences*. 2014. Vol. 14, No. 1. Pp. 160–169. (In Russ.).
10. Zaikov, K. S. Migration Attitudes of the Students Enrolled in Arctic-Focused Higher Education Programs / K. S. Zaikov, I. V. Katorin, A. M. Tamitskii. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2018. Vol. 11, No. 3. Pp. 230–247. DOI [10.15838/esc.2018.3.57.15](https://doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.15). (In Russ.).
11. Mantserova, O. V. The Role of the Frontier in the Social Mobility of Russian Youth (Based on the Example of the Astrakhan Region). *Humanitarian Researches*. 2012. No. 4 (44). Pp. 270–274. (In Russ.).
12. Tjaden, J. Linking Migration Intentions with Flows: Evidence and Potential Use / J. Tjaden, D. Auer, F. Laczko. *International Migration*. 2019. Vol. 57, No. 1. Pp. 36–57. DOI [10.1111/imig.12502](https://doi.org/10.1111/imig.12502).
13. van Dalen, H. P. *Emigration Intentions: Mere Words or True Plans? Explaining International Migration Intentions and Behavior* / H. P. van Dalen, K. Henkens. Center Discussion Paper № 2008-60. Tilburg : Tilburg University, 2008. DOI [10.2139/ssrn.1153985](https://doi.org/10.2139/ssrn.1153985).
14. Grunt, E. V. Identification of Migration Attitudes of Provincial Youth: On the Example of Students of Russian and Belarusian Educational Institutions / E. V. Grunt, L. G. Titarenko, E. A. Belyaeva. *Sociology*. 2023. No. 1. Pp. 218–226. (In Russ.).
15. Ermakova, S. N. Migration Attitudes of Student Youth (The Example of Belgorod). *Skif. Voprosy studencheskoj nauki*. 2021. No. 6 (58). Pp. 168–173. (In Russ.).
16. Murashchenkova, N. V. Interrelation of Values and Emigration Intentions of Student's Youth of Smolensk. *Social Psychology and Society*. 2021. Vol. 12, No. 1. Pp. 77–93. DOI [10.17759/sps.2021120106](https://doi.org/10.17759/sps.2021120106). (In Russ.).
17. Kazantsev, D. A. Regional Identity in the Minds of Young People in Siberia and the Far East / D. A. Kazantsev, D. A. Kachusov. *Social and Humanitarian Knowledge*. 2021. Vol. 7, No. 2. Pp. 134–145. DOI [10.18255/2412-6519-2021-2-134-145](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2021-2-134-145). (In Russ.).
18. Gabdrakhmanov, N. K. “From Volga to Yenisei...”: Educational Migration of Youth in Russia / N. K. Gabdrakhmanov, N. Yu. Nikiforova, O. V. Leshukov. *Modern Education Analytics*. 2019. No. 5 (26). Pp. 4–42. (In Russ.).
19. Kuznetsova, S. A. Working out Migratory Attitudes Scale of Personality / S. A. Kuznetsova, I. U. Kuznetsov, A. V. Feschenko. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2014. No. 1. Pp. 83–90. (In Russ.).
20. Reznichenko, S. I. The Instrument for Assessment of Home Attachment / S. I. Reznichenko, S. K. Nartova-Bochaver, V. B. Kuznetsova. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2016. Vol. 13, No. 3. Pp. 498–518. DOI [10.17323/1813-8918-2016-3-498-518](https://doi.org/10.17323/1813-8918-2016-3-498-518). (In Russ.).
21. Chiker, V. A. *Psikhologicheskaya diagnostika organizatsii i personala [Psychological diagnostics of organizations and personnel]*. St. Petersburg : Rech, 2004. 172 p. ISBN 5-9268-0187-7. (In Russ.).
22. Litvina, S. A. City Identity Questionnaire: Designing, Validating and Reliability Testing / S. A. Litvina, O. I. Muraveva. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2018. Vol. 8, No. 1. Pp. 73–91. DOI [10.15293/2226-3365.1801.05](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1801.05). (In Russ.).
23. Kuznetsova, S. A. Time Prospects and Migratory Attitudes of Magadan Students at Different Stages of Education. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2018. Vol. 15, No. 1. Pp. 67–78. DOI [10.22363/2313-1683-2018-15-1-67-78](https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-1-67-78). (In Russ.).
24. Rybakovsky, O. L. *Zakonovernosti i osobennosti mezhregional'nykh migratsionnykh svyazey nasele-niya Rossii za 50 let [Patterns and features of interregional migration ties of the Russian population over 50 years]*. Moscow : Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2022. 471 p. ISBN 978-5-89697-383-6. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-383-6.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-383-6.2021). (In Russ.).

25. Efremkina, I. N. The Study of the Dynamics of Career Orientations, Educational Motivation, Their Interrelations Among Bachelor Students as the Conditions for Forming Readiness for Professional Mobility. *Perspectives of Science and Education*. 2018. No. 2(32). Pp. 175–180. (In Russ.).

26. Kovalevich, M. S. Kar'yernyye oriyentatsii studentov – vektor professional'nogo samorazvitiya [Career orientations of students as a vector of professional self-development]. *Narodnaya Asveta*. 2018. No. 1. Pp. 10–13. (In Russ.).

Bio notes:

Yuliya V. Potapova, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of General and Social Psychology, Faculty of Economics, Psychology, Management, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia.

Contact information: e-mail: kardova.jv@gmail.com; ORCID ID: [0000-0002-1226-8982](https://orcid.org/0000-0002-1226-8982); RSCI Author ID: [675403](https://www.rsci.info/author/675403); Web of Science Researcher ID: [AAB-6832-2022](https://orcid.org/AAB-6832-2022); Scopus Author ID: [58114942500](https://orcid.org/58114942500).

Arina Yu. Malenova, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of General and Social Psychology, Faculty of Economics, Psychology, Management, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia.

Contact information: e-mail: malyonova@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5778-0739](https://orcid.org/0000-0001-5778-0739); RSCI Author ID: [678318](https://www.rsci.info/author/678318); Web of Science Researcher ID: [AAH-7974-2021](https://orcid.org/AAH-7974-2021); Scopus Author ID: [57224741278](https://orcid.org/57224741278).

Aleksandr A. Malenov, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of General and Social Psychology, Faculty of Economics, Psychology, Management, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia.

Contact information: e-mail: malyonov@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-3654-956X](https://orcid.org/0000-0002-3654-956X); RSCI Author ID: [678262](https://www.rsci.info/author/678262); Web of Science Researcher ID: [AEL-8395-2022](https://orcid.org/AEL-8395-2022); Scopus Author ID: [57224725844](https://orcid.org/57224725844).

Alexander K. Potapov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History, Sociology and Political Science, Faculty of History, Theology and International Relations, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia.

Contact information: e-mail: poalexk2187@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-5890-9987](https://orcid.org/0000-0001-5890-9987); РИНЦ Author ID: [734548](https://www.rincc.ru/author/734548); Web of Science Researcher ID: [GLR-3420-2022](https://orcid.org/GLR-3420-2022); Scopus Author ID: [58513416200](https://orcid.org/58513416200).

Acknowledgments and financing:

The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), research project No. [22-28-20375](https://www.rsf.gov.ru/projects/22-28-20375) “Subjective picture of well-being as a predictor of migration attitudes of gifted youth in the Siberian region.”

Received on 20.12.2023; accepted for publication on 21.02.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2024.4.1.9](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.9)

EDN [QGHA FY](https://edn.org/HAFY)

THE EFFECT OF SOCIAL ASSISTANCE ON EARLY CHILDBEARING IN VIETNAM: THE MEDIATING ROLE OF MIGRATION

Hue Thi Hoang

National Economics University, Hanoi, Vietnam

E-mail: hoanghue@neu.edu.vn

Phuong Thi Xuan Ngo

National Economics University, Hanoi, Vietnam

E-mail: ngophuong2002bn@gmail.com

Yen Thi Bao Le

National Economics University, Hanoi, Vietnam

E-mail: lethibaoyen1810@gmail.com

Chi Khanh Tran

National Economics University, Hanoi, Vietnam

E-mail: tkchi41@gmail.com

Phung Trung Le

National Economics University, Hanoi, Vietnam

E-mail: phungletrung144@gmail.com

Lan Thi Nguyen

National Economics University, Hanoi, Vietnam

E-mail: ntlan02082002@gmail.com

For citation: Hoang, Hue Thi. *The Effect of Social Assistance on Early Childbearing in Vietnam: The Mediating Role of Migration* / Hue Thi Hoang, Phuong Thi Xuan Ngo, Yen Thi Bao Le, Chi Khanh Tran, Phung Trung Le, Lan Thi Nguyen. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 1. Pp. 132–145. DOI [10.19181/demis.2024.4.1.9](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.9).

Abstract. *The study analyzes the relationships among migration, early childbearing, and child well-being social assistance within the cluster level. Using data from the Vietnam Sustainable Development Goal Indicators for Children and Women survey (SDGCW) by the General Statistics Office (GSO) and the United Nations International Children's Emergency Fund (UNICEF) of Vietnam in the period 2020–2021, while applying Tobit models, the results show that the increase of households' social assistance receipt will limit the likeliness of family members to make migration decisions, thereby decreasing early childbearing. The study is expected to be the basis for making implications to improve the policy system and social assistance programs aimed at minors, especially targeting the group of minor migrants with the goal of reducing early childbearing.*

Keywords: *social assistance, Migration, Early childbearing, Vietnam, Tobit models*

Introduction

Early childbearing is acknowledged as a global problem because this event has severe health, economic and social consequences for both the teenage mother and her child [1]. Each year, 12 million girls under 18 are married, and globally, 21% of women alive in 2020 were married before turning 18 [2]. Meanwhile, according to data given by the United Nations Population Agency, there are about 16 million girls aged 15–19 given birth yearly. In Southeast Asia, despite declines in recent decades, the prevalence rates of child marriage and early union remain high in this region. The percentage of women aged 20 to 24 who were married or in union before 18 ranges from 35.4% in Lao PDR to 11% in Viet Nam. In India, 7% of women were married by the age of 15 in 2017, while in Bangladesh, the percentage was even higher at 22% [2]. The cause may stem from traditional practices such as child marriage, limited access of sexual health information and services [1], child sexual abuse. As children are inherently considered vulnerable [3] and largely influenced by their caregivers [4]. Therefore, attention from society is noticeably given to this specific group.

Serving as a livelihood strategy that vulnerable households pursue to diversify their income sources [5; 6], migration is considered an important factor influencing teenage pregnancy and early childbearing. Specifically, migration is acknowledged as a common strategy in a low-middle income country with a strong growth rate like Vietnam [7]. According to data from the General Statistics Office, Vietnam informed 6.4 million migrants in 2019, accounting for 7.3% of the country's total population aged 5 years and older. This is not only considered a characteristic feature of low-middle income countries, especially in countries with rapid growth rates like Vietnam [7] but is also a livelihood strategy that households in vulnerable communities pursue to diversify their sources of income [5; 6].

The deeply integrated economy causes the problem of rich-poor divide, vulnerability, and income inequality to increase. Considered as an intervention measure on income by the Government, social assistance plays an important role in helping to shorten the income gap as well as contributing to social stability. As the two groups of migrants and teenage mothers are considered vulnerable [8], with the goal of social security and ensuring sustainable development of the economy, teenage mothers in the context of migration need to receive more attention from the community through social assistance programs to minimize the consequences for teenage mothers and their children.

However, research on early childbearing in the context of migration and social assistance programs is very limited. Therefore, this study focuses on the relationships between migration, early childbearing, and social assistance in the context of Vietnam – a low-middle income with rapid growth rates. This research consists of 5 parts. Following the introduction of part 1, part 2 provides an overview of the theoretical basis. Part 3 comprises the research methods. Part 4, in turn, analyzes and discusses the research results. Finally, conclusions and implications are given.

Literature review

The impact of migration on early childbearing

Research on migration in developing countries has shown that adolescents are the group most likely to migrate [9; 10], on the other hand, migrated adolescents are more vulnerable than their native peers due to lack of care within family, limited connect with society [11]. These factors risk causing negative impacts on migrated adolescents, including early pregnancy and early childbearing [12]. Specifically, migrants have been shown to be more likely to become pregnant and give birth during adolescence than non-migrants [13].

This is explained by the fact that adolescents who immigrate from other places often tend to accept many risky behaviors, potentially causing unwanted pregnancies [14]. Migrants from mountainous or rural areas with low levels of development also carry traditional ideologies and beliefs such as child marriage or child sexual abuse, which are proven to be the causes to increase teen pregnancy and early childbearing [1]. In addition, migration due to seasonal job changes, changes in economic production conditions increases barriers to accessing typical public services such as education and health care in addition to limitations in the process of interacting with social relationships of migrant adolescents [13; 15], therefore increases their risk of pregnancy and early childbearing. Meanwhile, social assistance policies have not really created conditions for migrant groups, especially free migrants [16]. Accordingly, this research proposes the hypothesis:

H1: Migration increases the rate of early childbearing in Vietnam.

The impact of social assistance on migration

Social assistance plays an increasingly important role with migration as it supports social security for these groups, ensures stable development, and contributes to economic development. Previous studies have shown different correlations when considering the influence of social assistance on migration, in which both directions appear promoting and limiting migration behavior.

In terms of promoting migration, social assistance provides necessary financial and non-financial interventions to help subjects overcome barriers to migration such as lack of information about the destination and lack of awareness about the potential benefits of migration [17]. Additionally, most economically deprived families do not have enough resources to finance are likely to migrate [18]. In the context of Vietnam, social assistance policies issued by the Government since 1986 has contributed to promoting the migration process, creating a stable and healthy development environment for individuals and households to seek better livelihood opportunities.

In terms of limiting migration, with the goal of rural development, locally targeted social assistance programs tend to reduce the motivation to migrate from rural to urban areas [19]. Specifically, subjects choose to stay in rural areas to receive benefits, while avoiding expensive urban costs. Therefore, assistance programs and policies aimed at poor households and economically disadvantaged areas reduce the motivation to migrate to another place to make a living [20]. In addition, some social assistance programs require recipients to be physically present locally, which reduces the probability of mobility [21].

Within the scope of this study, the authors expect that social assistance programs will reduce the motivation to migrate with financial and non-financial interventions that limit the level of vulnerability of individuals, individuals and households while promoting the ability to stay and continue to receive benefits. Accordingly, this research proposes the following hypothesis:

H2: Social assistance reduces the rate of migration in Vietnam.

Methodology and data

Data sources

The research uses data from the Survey measuring Viet Nam Sustainable Development Goal indicators on Children and Women 2020–2021, which is part of the Round 6 Global Multiple Indicator Cluster Survey Program (MICS 6) conducted by the GSO and UNICEF [22]. The survey consisted of 6 questionnaires, which are (1) Household questionnaire; (2) Water quality testing; (3) Individual women aged 15–49; (4) Individual men aged 15–49; (5)

Children under 5; (6) Children aged 5–17. The design process of the survey sample includes the determination of sample frame, sample size, clustering, listing households in the cluster, steps of sampling, stratification, and weighting, all of which are conducted by GSO and UNICEF. Briefly describe this process, first, the survey uses the clusters from the 2019 Vietnam Population and Housing Census, then households are randomly selected from the list of households in each cluster. In total, the sample includes 14,000 households across 700 clusters, each of which has 20 households with different characteristics (including areas, economic regions, and major ethnic groups). Thereby, with the advantages of the given data set, the authors examine the research relationship within the scope of 700 clusters to provide accurate estimates for indicators reflecting the status of children and women at the national level.

Research model

The authors use the Tobit regression model to examine the mediating role of migration in the relationship between social assistance and early childbearing among adolescents. The Tobit regression model was widely used by many researchers when analyzing relationships with various dependent variables such as: crime frequency [23], blood alcohol concentration [24], and charitable donations [25]. The constrained dependent variable can be left-censored, right-censored, or both-censored [26]. In this study, the Tobit regression model is chosen to analyze relationships in which the variables migration and early childbearing are the dependent variables as the value is limited in the interval from 0 to 1. Specifically, migration variable is measured based on the ratio of migrants to the sample cluster over the total number of members in the sample clusters, therefore the value of the migration variable is always limited on two sides: the left side (equal to 0 if the sample cluster has no migrants) and the right side (equal to 1 if all members in the sample cluster are migrants), similarly for the early childbearing variable (proportion of women between the ages of 15–49 giving birth before the age of 18 out of the total number of women aged 15–49 in the local sample considered). In summary, using the Tobit regression model to evaluate factors affecting migration and early childbearing is reasonable. Specifically:

Firstly, the study analyzes the impact of social assistance on migration through the Tobit regression model, shown in equation system (1):

$$\begin{cases} Mig_i = 0 \text{ if } Mig_i^* \leq 0 \\ Mig_i = Mig_i^* \text{ if } 0 < Mig_i^* < 1 \\ Mig_i = 1 \text{ if } Mig_i^* \geq 1 \end{cases} \quad (1)$$

with $Mig_i^* = \beta_1 Socia_i + u_i; i = 1, 2, \dots, N$

where: N is the number of observations corresponding to 700 sample clusters.

Mig_i : migration rate to sample cluster i

Mig_i^* : expected value of Mig_i for observations within a limited range

$Socia_i$: vector of independent variables social support

β_1 : vector of unknown coefficients corresponding to the social support variable

u_i : random error

Secondly, the study analyzes the impact of migration on early childbearing through equation (2):

$$\begin{cases} Ebear_i = 0 \text{ if } Ebear_i^* \leq 0 \\ Ebear_i = Ebear_i^* \text{ if } 0 < Ebear_i^* < 1 \\ Ebear_i = 1 \text{ if } Ebear_i^* \geq 1 \end{cases} \quad (2)$$

with $Ebear_i^* = \beta_2 Mig_i + \beta_3 Hwel_i + u_i; i = 1, 2, \dots, N$

where: N is the number of observations corresponding to 700 sample clusters.

$Ebear_i$: early birth rate in sample cluster i

$Ebear_i^*$: expected value of $Ebear_i$ for observations within a limited range

Mig_i : are vectors of the independent variable migration respectively

β_i : vector of unknown coefficients corresponding to the independent variable migration

u_i : random error

In addition, control variables that represent different clusters' characteristics are included in this research model. These are internal and external factors that are often considered in previous studies. Which are:

Area: Area control variables are used in studies by Coxhead et al. [27], Furstenberg et al. [28] to analyze differences between rural and urban areas on migration, early childbearing in adolescents.

Economic region: Economic region is used in research on migration [27], and early childbearing [29].

Ethnicity of household head: The variable ethnic head of household was chosen by Coxhead et al [27] when studying migration. This usage was also observed in Cuong&Linh study on household welfare [30]. Besides, the ethnicity of the household head is also a control variable considered in the relationship to early childbearing by Furstenberg et al. [28].

Household size: Large household size is considered a cause of reduced immigration rates. In addition, household size was also shown to have an impact on early childbearing in the study of Michelmores&Lopez [31].

Living standard: Families belonging to the poor group have been shown to tend to migrate for livelihood purposes to improve their income [7].

Proportion of population in working age: Plane believes that the proportion of people in the labor force within families affects the migration process, specifically workers tend to move from underdeveloped areas to more developed areas with less labor concentration due to the recent oversupply of human resources in developed cities [32].

Results and discussion

Descriptive statistics

Descriptive statistical results of the variables used in the research model are presented in Table 1:

Table 1

Descriptive statistics of key variables

Variables	Mean	Standard deviation	Smallest value	Biggest value
Social assistance	0.5343	0.2444	0	1
Migration	0.1197	0.0812	0	0.4655
Early childbearing	0.0479	0.0852	0	0.6364

Source: compiled by the authors

Descriptive statistical analysis results are presented in Table 1. In which, social assistance with a range of values from 0 to 1 show that there exist clusters where no households receive any social assistance policies. On the other hand, there are clusters where members receive many social assistance programs (with a maximum value of 1). Meanwhile, migration has a mean value of 0.1197 and falls within approximately from 0 to 0.4655, this value gap shows a large difference between the clusters. Specifically, there are sample clusters with no immigrants, but there are also sample clusters with the number of immigrants reaching nearly half of the population. Moreover, the average value of 0.1197 (11.97%) implies that on average of every 100 people, there will be 12 immigrants in the sample cluster. Finally, early childbearing values range from 0 to 0.6364, showing that in addition to clusters that do not record any early childbearing, there exist clusters with much higher rates of early childbearing (63.64%).

The impact of migration on early childbearing in Vietnam

The results of analyzing the impact of migration on early childbearing in Vietnam are presented in Table 2. The value Prob>chi2 of the Tobit regression model reached 0.000, showing that the research model used was significant, this proves that the Tobit regression model is suitable for the data file and can be used.

The regression results show a positive regression coefficient of 0.1577 and a significance level of 10%, implying that migration has a positive influence on early childbearing. In other words, when the immigration rate increases by 1%, the early birth rate in the sample cluster also increases by 13.47%, this result is consistent with the hypothesis H1 set by the authors.

Table 2

Estimation results on the impact of migration on early childbearing in Vietnam

Variable	Coefficient
Early childbearing	-
Migration	0,1577*
Economic regions (#Ref: North Central and Central coast)	-
Red River Delta	0,0045
Northern midlands and mountains	0,0002
Central Highlands	0,0301
South East	0,0386*
Mekong River Delta	0,0484*
Areas (#Ref: urban areas)	-
Rural areas	0,0071
Household size (#Ref: small scale)	-
Large scale (>6 members)	0,0288**
Ethnicity of household head	-
Kinh/Hoa	-0,1467***
Tay/Thai/Muong/Nung	-0,0721***
Khmer	-0,1025***
Mong	0,0885***
cons	0,0125
Log likelihood	11,2131
LR chi2 (13)	366,19
Prob>chi2	0,0000
Left-censored observations at Early childbearing ~h<=0	437
Uncensored observations	263
Right-censored observation	0

Note: * p<0,1; ** p<0,05; *** p<0,01

Source: compiled by the authors

To further investigate the effects of migration and household welfare on early childbearing in Vietnam within the sample cluster, the authors continue to examine the results of this relationship within clusters' characteristics. Specifically:

In terms of household size, at the 5% significance level, large-sized households have a 4% higher rate of early childbearing than small-sized households.

In terms of ethnicity of the household head, at the 1% significance level, sample clusters dominated by household heads of Kinh or Chinese ethnicity recorded the lowest early birth rate (15.52%). In other words, when the proportion of household heads of Kinh or Chinese ethnicity in the sample cluster increases by 1%, the rate of early birth here decreases by about 14.67%. Following that, the early birth rate also witnessed a decrease in sample clusters with the proportion of Khmer and Tay/Thai/Muong/Nung ethnic household heads increasing to 1%. In contrast to the correlation of the above ethnic groups, with a significance level of 1% and a positive regression coefficient of 0.0885, it shows that when the proportion of Mong ethnic household heads in the sample cluster increases by 1%, early childbearing rate in the sample cluster increased by 8.85%.

The impact of social assistance on migration in Vietnam

The results of analyzing the impact of social assistance on migration in Vietnam through the Tobit regression model are presented in Table 3. With an LR chi2 (17) value of 430.03 and a significance level of 1%, the Tobit model is more appropriate and statistically significant than the empty regression model (no independent variables are included in the model). The regression coefficient has a negative sign (-0.030), which shows a negative correlation between social assistance and migration. In other words, when the proportion of members in the sample cluster receiving social assistance programs increases by 1%, the immigration rate of the corresponding sample cluster tends to decrease by 3%. This is completely true with hypothesis H2 that the authors set out.

Table 3

Estimation results on the impact of social assistance on migration in Vietnam

Variable	Coefficient
Migration	-
Social assistance	-0,030***
Economic regions (#Ref: North Central and Central coast)	--
Red River Delta	0,0187**
Northern midlands and mountains	0,0084
Central Highlands	0,0343***
South East	0,0489***
Mekong River Delta	0,0120
Areas (#Ref: urban areas)	-
Rural areas	-0,0271***
Household size (#Ref: small scale)	
Large scale (>6 members)	-0,0158***
Living standard (#Ref: Poorest)	-
Poor	0,0050
Middle	-0,0043
Rich	-0,0013
Richest	-0,0210*
Ethnicity of household head	-

Variable	Coefficient
Kinh/Hoa	0,0453***
Tay/Thai/Muong/Nung	0,0363***
Khmer	0,0312**
Mong	0,0640***
Proportion of population in working age	-0,3503***
cons	0,2450
Log likelihood	951,62
LR chi2 (13)	430,03
Prob>chi2	0,0000
Left-censored observations at Eealy childbearing ~h<=0	9
Uncensored observations	691
Right-censored observation	0

Note: *p<0,1; **p<0,05; ***p<0,01

Source: compiled by the authors

In terms of economic regions, the North Central and Central Coast region is set as the reference group when comparing dummy variables and estimated results of the variables (except for the Northern midlands and mountains; the Mekong River Delta) are all statistically significant. Specifically, the North Central and Central Coast region records the lowest immigration rate among economic regions. On the contrary, the South East is the economic region with the highest immigration rate, 4.89% higher than the reference group. In addition, the immigration rate tends to decrease in sample clusters in the Central Highlands and Red River Delta regions, with 3.43% and 1.87% higher than the reference group, respectively.

In terms of areas, at the 1% significance level, sample clusters in rural areas have an immigration rate 2.71% lower than sample clusters in urban areas.

In terms of ethnicity of the household head, all ethnic groups reported a history of immigration. However, the prevalence of immigration varies between ethnic groups. Specifically, the sample cluster with the highest proportion of Kinh or Chinese household heads has the highest immigration rate (4.53%). In other words, when the number of Kinh or Chinese household heads increases by 1%, the immigration rate of this sample cluster also increases by about 4.53%. Meanwhile, the lowest recorded immigration rate (3.12%) was in sample clusters with a high proportion of household heads of Khmer ethnicity. Considering the proportion of the working-age population, when the working-age population of the sample cluster increases by 1%, the immigration rate here will decrease by 33.25%.

Conclusions and implications

Using the Tobit regression model, migration is proven to increase early childbearing rate, on the other hand social assistance programs contribute to reducing the migration rate, thereby reducing early childbearing. By looking within household cluster level, the results of this study provide empirical evidence that migration has an impact on increasing early childbearing rate (hypothesis H1). This problem is proved due to the process of changing residence (temporary or permanent job change, change due to economic conditions or to find livelihood opportunities, etc.) which can cause female adolescents to be more vulnerable, therefore have a higher risk of teen pregnancy and early childbearing. In the context of a developing country like Vietnam, the process of migration from rural to urban areas is taking place strongly while the level of education and understanding of people, especially

in rural and mountainous areas are not high, makes the author's hypothesis statistically significant.

The results also show that social assistance significantly reduces the migration rate of members of the region (hypothesis H2). This is explained by assistance programs, which include financial and non-financial support (social services) can improve the living conditions of minors, minimizing poverty and vulnerability. In addition, educational programs also help improve understanding for adolescents, especially migrant adolescents, a group of people who have limited access to medical services as well as social relationships.

The research shows that social assistance programs can reduce regional migration among family members, thereby reducing early childbearing, which calls for the urgent of improving social assistance programs of the Government and non-governmental organizations for minors in general and migrated minors specifically in many aspects such as support in accessing medical services, health care as well as educational policies to facilitate and improve understanding of migrants, thereby stabilizing their quality of life in the current place of residence as well as contributing to positive improvements in the condition of early childbearing.

References

1. Global Status Report on Preventing Violence Against Children 2020. Geneva : World Health Organization, 2020. 352 p. ISBN 978-92-4-000419-1.
2. Scott, S. Early Marriage and Early Childbearing in South Asia: Trends, Inequalities, and Drivers from 2005 to 2018 / S. Scott, P. H. Nguyen, S. Neupane, P. Pramanik et al. *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2021. Vol. 1491, Issue 1. Pp. 60–73. DOI [10.1111/nyas.14531](https://doi.org/10.1111/nyas.14531).
3. Mullin, A. *Children, Vulnerability, and Emotional Harm*. Oxford : Oxford University Press. 2014. Pp. 266–287. DOI [10.1093/acprof:oso/9780199316649.003.0012](https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199316649.003.0012).
4. Ben-Arieh, A. *Multifaceted concept of child well-being* / A. Ben-Arieh, F. Casas, I. Frønes, J. E. Korbin. Amsterdam : Springer Netherlands, 2014. Pp. 1–27. DOI [10.1007/978-90-481-9063-8_134](https://doi.org/10.1007/978-90-481-9063-8_134).
5. Ezra, M. Rural Out-migration in the Drought Prone Areas of Ethiopia: A Multilevel Analysis / M. Ezra, G. E. Kiros. *International Migration Review*. 2001. Vol. 35, Issue 3. Pp. 749–771. DOI [10.1111/j.1747-7379.2001.tb00039.x](https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2001.tb00039.x).
6. Tongruksawattana, S. How Do Rural Households Cope with Shocks? Evidence from Northeast Thailand / S. Tongruksawattana, H. Waibel, E. Schmidt. In *German Development Economics Conference, Hannover 2010*. 2010. No. 53.
7. Nguyen, L. D. Rural–Urban Migration, Household Vulnerability, and Welfare in Vietnam / L. D. Nguyen, K. Raabe, U. Grote. *World Development*. 2015. Vol. 71. Pp. 79–93. DOI [10.1016/j.worlddev.2013.11.002](https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2013.11.002).
8. Bustamante, J. A. Extreme Vulnerability of Migrants: The Cases of the United States and Mexico. *Migraciones internacionales*. 2011. Vol. 6, No. 1. Pp. 97–118.
9. Caldwell, J. C. Determinants of Rural-Urban Migration in Ghana. *Population Studies*. 1968. Vol. 22, Issue 3. Pp. 361–377. DOI [10.1080/00324728.1968.10404945](https://doi.org/10.1080/00324728.1968.10404945).
10. Berhanu, B. War, Famine, and Female Migration in Ethiopia, 1960–1989 / B. Berhanu, M. White. *Economic Development and Cultural Change*. 2000. Vol. 49, No. 1. Pp. 91–113. DOI [10.1086/452492](https://doi.org/10.1086/452492).
11. Erulkar, A. S. Migration and Vulnerability among Adolescents in Slum Areas of Addis Ababa, Ethiopia / A. S. Erulkar, T. A. Mekbib, N. Simie, T. Gulema. *Journal of Youth Studies*. 2006. Vol. 9, Issue 3. Pp. 361–374. DOI [10.1080/13676260600805697](https://doi.org/10.1080/13676260600805697).
12. Odebode, S. O. Vulnerability of Teenage Girls to Pregnancy in Ibarapa Central Local Government Area, Oyo State, Nigeria / S. O. Odebode, O. A. Kolapo. *Journal of International Women's Studies*. 2016. Vol. 17, Issue 4. Pp. 122–131.
13. Lara, D. Exploring How Residential Mobility and Migration Influences Teenage Pregnancy in Five Rural Communities in California: Youth and Adult Perceptions / D. Lara, M. J. Decker, C. D. Brindis. *Culture, Health & Sexuality*. 2016. Vol. 18, Issue 9. Pp. 980–995. DOI [10.1080/13691058.2016.1150514](https://doi.org/10.1080/13691058.2016.1150514).
14. Brindis, C. The Associations Between Immigrant Status and Risk-behavior Patterns in Latino Ad-

olescents / C. Brindis, A. L. Wolfe, V. McCarter, et al. *Journal of Adolescent Health*. 1995. Vol. 17, Issue 2. Pp. 99–105. DOI [10.1016/1054-139X\(94\)00101-J](https://doi.org/10.1016/1054-139X(94)00101-J).

15. Agudelo-Suárez, A. A. A Metasynthesis of Qualitative Studies Regarding Opinions and Perceptions about Barriers and Determinants of Health Services' Accessibility in Economic Migrants / A. A. Agudelo-Suárez, D. Gil-González, C. Vives-Cases et al. *BMC Health Services Research*. 2012. Vol. 12, Article 1. Pp. 1–13. DOI [10.1186/1472-6963-12-461](https://doi.org/10.1186/1472-6963-12-461).

16. Nordling, V. Bordering Through Destitution: The Case of Social Assistance to Irregularised Migrants in Malmö, Sweden / V. Nordling, M. Persdotter. *Nordic Social Work Research*. 2021. Vol. 11, Issue 2. Pp. 155–168. DOI [10.1080/2156857X.2021.1940246](https://doi.org/10.1080/2156857X.2021.1940246).

17. Beam, E. A. Unilateral Facilitation Does Not Raise International Labor Migration from the Philippines / E. A. Beam, D. McKenzie, D. Yang. *Economic Development and Cultural Change*. 2016. Vol. 64, Article 2. Pp. 323–368. DOI [10.1086/683999](https://doi.org/10.1086/683999).

18. Adhikari, S. *Should I Stay or Should I Go: Do Cash Transfers Affect Migration?* / S. Adhikari, U. Gentilini. World Bank Policy Research Working Paper. 2018. No. 8525. 25 p.

19. Imbert, C. *Costs and Benefits of Seasonal Migration: Evidence from India* / C. Imbert, J. Papp. Coventry : University of Warwick. Department of Economics, 2018. 47 p. ISSN 0083-7350.

20. Belloc, F. International Economic Assistance and Migration: The Case of Sub-Saharan Countries. *International Migration*. 2015. Vol. 53, Issue 1. Pp. 187–201. DOI [10.1111/j.1468-2435.2011.00686.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-2435.2011.00686.x).

21. Stecklov, G. Do Conditional Cash Transfers Influence Migration? A Study Using Experimental Data from the Mexican PROGRESA Program / G. Stecklov, P. Winters, M. Stampini, B. Davis. *Demography*. 2005. Vol. 42, Article 4. Pp. 769–790. DOI [10.1353/dem.2005.0037](https://doi.org/10.1353/dem.2005.0037).

22. *Viet Nam Sustainable Development Goal indicators on Children and Women 2020-2021*. Ha Noi : General Statistics Office, 2021. 761 p.

23. Witte, A. D. Estimating the Economic Model of Crime with Individual Data. *The Quarterly Journal of Economics*. 1980. Vol. 94, Issue 1. Pp. 57–84. DOI [10.2307/1884604](https://doi.org/10.2307/1884604).

24. Keane, C. Drinking and Driving, Self-Control, and Gender: Testing a General Theory of Crime / C. Keane, P. S. Maxim, J. J. Teevan. *Journal of Research in Crime and Delinquency*. 1993. Vol. 30, Issue 1. Pp. 30–46. DOI [10.1177/0022427893030001003](https://doi.org/10.1177/0022427893030001003).

25. Reece, W. S. Charitable Contributions: New Evidence on Household Behavior. *The American Economic Review*. 1979. Vol. 69, No. 1. Pp. 142–151.

26. Gujarati, D. N. *Econometrics by example*. New York : Bloomsbury Publishing. Palgrave Macmillan, 2011. 371 p.

27. Coxhead, I. Migration in Vietnam: New Evidence from Recent Surveys / I. Coxhead, C. V. Nguyen, L. H. Vu. *SSRN Electronic Journal*. 2015. No. 2. 35 p. DOI [10.2139/ssrn.2752834](https://doi.org/10.2139/ssrn.2752834).

28. Furstenberg Jr, F. F. The Children of Teenage Mothers: Patterns of Early Childbearing in Two Generations / F. F. Furstenberg Jr, J. A. Levine, J. Brooks-Gunn. *Family Planning Perspectives*. 1990. Vol. 22, No. 2. Pp. 54–61. DOI [10.2307/2135509](https://doi.org/10.2307/2135509).

29. Carlson, E. D. The Impact of International Migration upon the Timing of Marriage and Childbearing. *Demography*. 1985. Vol. 22, No. 1. Pp. 61–72. DOI [10.2307/2060986](https://doi.org/10.2307/2060986).

30. Cuong, N. V. The Impact of Migration and Remittances on Household Welfare: Evidence from Vietnam / N. V. Cuong, V. H. Linh. *Journal of International Migration and Integration*. 2018. Vol. 19, No. 4. Pp. 945–963. DOI [10.1007/s12134-018-0571-3](https://doi.org/10.1007/s12134-018-0571-3).

31. Micheltore, K. The Effect of Etic Exposure in Childhood on Marriage and Early Childbearing / K. Micheltore, L. M. Lopoo. *Demography*. 2021. Vol. 58, No. 6. Pp. 2365–2394. DOI [10.1215/00703370-9506903](https://doi.org/10.1215/00703370-9506903).

32. Plane, D. A. Demographic influences on migration. *Regional studies*. 1993. Vol. 27, Issue 4. Pp. 375–383. DOI [10.1080/00343409312331347635](https://doi.org/10.1080/00343409312331347635).

Appendix A:

Variable	Subcomponent	Explanation	Measurement
Migration		Number of immigrants to the sample area	Rate of immigrant members to the sample area for at least 1 year over the total number of members in the sample area
Early childbearing		Women aged 15–49 who gave birth before the age of 18 in the sample area	Rate of women aged 15–49 who gave birth before the age of 18 over the total number of women aged 15–49 in the sample area
Social assistance		Members living in households receiving social assistance	Rate of members living in households in the sample area that received any form of social assistance in the past 3 months over the total number of members in the sample area
Economic Region	6 economic regions	Sample areas belonging to 6 economic regions	1: Sample areas in the Red River Delta region 2: Sample areas in the Northern Midlands and Mountainous region 3: Sample areas in the North Central and Central Coastal region 4: Sample areas in the Central Highlands region 5: Sample areas in the Southeast region 6: Sample areas in the Mekong River Delta region
Areas	Urban areas	Sample areas in urban/rural areas	0: Sample areas in urban areas
	Rural areas		1: Sample areas in rural areas
Household size	Small scale	Average household size in the sample areas	0: Average household size in the sample areas is less than or equal to 6
	Large scale		1: Average household size in the sample areas is greater than 6 Large size
Ethnicity of household head	Kinh or Hoa	Number of household heads in the sample areas belonging to the Kinh or Hoa ethnic group	Rate of household heads in the sample areas belonging to the Kinh or Hoa ethnic group over the total number of household heads in the sample areas
	Tay/Thai/Muong/Nung	Number of household heads in the sample areas belonging to the Tay/Thai/Muong/Nung ethnic group	Rate of household heads in the sample areas belonging to the Tay/Thai/Muong/Nung ethnic group over the total number of household heads in the sample areas
	Khmer	Number of household heads in the sample areas belonging to the Khmer ethnic group	Rate of household heads in the sample areas belonging to the Khmer ethnic group over the total number of household heads in the sample areas
	Mong	Number of household heads in the sample areas belonging to the Mong ethnic group	Rate of household heads in the sample areas belonging to the Mong ethnic group over the total number of household heads in the sample areas
Living Standards Group	5 living standards groups	Sample areas belonging to 5 living standards groups	1: Sample areas in the poorest living standards group 2: Sample areas in the poor living standards group 3: Sample areas in the average living standards group 4: Sample areas in the rich living standards group 5: Sample areas in the wealthiest living standards group
Labor Force		Members in working age in the sample areas	Rate of members in working age in the sample areas over the total number of members in the sample areas

Appendix B:

Variable	Sets of questions	Questions
Early Childbearing	Questionnaire for individual women	<p>WB3. In what month and year were you born? DATE OF BIRTH MONTH ___ __ DK MONTH 98 YEAR ___ __ __ __ DK YEAR 9998</p> <p>WB4. How old are you? <i>Probe: How old were you at your last birthday?</i> <i>If responses to WB3 and WB4 are inconsistent, probe further and correct.</i> <i>Age must be recorded.</i> AGE (IN COMPLETED YEARS) ___ __</p> <p>CM1. Now I would like to ask about all the births you have had during your life. Have you ever given birth? <i>This module and the birth history should only include children born alive. Any stillbirths should not be included in response to any question.</i> YES 1 NO 2</p> <p>CM14. Check CM11: How many live births? NO LIVE BIRTHS, CM11=00 0 ONE OR MORE LIVE BIRTH, CM11=01 OR MORE 1</p> <p>BH4. On what day, month and year was (name of birth) born? <i>Probe: What is (his/her) birthday? (Day/Month/Year)</i></p>
Migration	Questionnaire for individual women & individual men	<p>WB15 + MWB15: How long have you been continuously living in (name of current city, town or village of residence)? <i>If less than one year, record '00' years.</i> YEARS ___ __ ALWAYS / SINCE BIRTH 95</p>
Social assistance	Household Questionnaire	<p>ST1. I would like to ask you about various external economic assistance programmes provided to households. By external assistance I mean support that comes from the government or from non-governmental organizations such as religious, charitable, or community-based organizations. This excludes support from family, other relatives, friends or neighbours.</p> <p>ST3. Has your household or anyone in your household received assistance through (name of programme)?</p> <p>ST4. When was the last time your household or anyone in your household received assistance through (name of programme)? <i>If less than one month, record '1' and record '00' in Months.</i> <i>If less than 12 months, record '1' and record in Months.</i> <i>If 1 year/12 months or more, record '2' and record in Years.</i></p>

Bio notes:

Hue Thi Hoang, Lecturer, Faculty of Economics and Human Resource Management, National Economics University, Hanoi, Vietnam.

Contact Information: e-mail: hoanghue@neu.edu.vn; ORCID ID: 0000-0003-1460-5492.

Phuong Thi Xuan Ngo, Student, National Economics University, Hanoi, Vietnam.

Contact Information: e-mail: ngophuong2002bn@gmail.com; ORCID ID: 0009-0005-3813-6696.

Yen Thi Bao Le, Student, Faculty of Economics and Human Resource Management, National Economics University, Hanoi, Vietnam.

Contact Information: e-mail: lethibaoyen1810@gmail.com; ORCID ID: 0009-0007-6197-7631.

Chi Khanh Tran, Student, Faculty of Economics and Human Resource Management, National Economics University, Hanoi, Vietnam.

Contact Information: e-mail: tkchi41@gmail.com; ORCID ID: 0009-0001-6691-9111.

Phung Trung Le, Student, Faculty of Economics and Human Resource Management, National Economics University, Hanoi, Vietnam.

Contact Information: e-mail: phungletrung144@gmail.com; ORCID ID: 0009-0002-3716-1628.

Lan Thi Nguyen, Student, Faculty of Economics and Human Resource Management, National Economics University, Hanoi, Vietnam.

Contact Information: e-mail: ntlan02082002@gmail.com; ORCID ID: [0009-0001-3289-3347](https://orcid.org/0009-0001-3289-3347).

Received on 25.12.2023; accepted for publication on 26.02.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ НА РАННЕЕ ДЕТОРОЖДЕНИЕ ВО ВЬЕТНАМЕ: РОЛЬ МИГРАЦИИ

Хоанг Хюэ Тхи

Национальный экономический университет, Ханой, Вьетнам

E-mail: hoanghue@neu.edu.vn

Нго Фуонг Тхи Суан

Национальный экономический университет, Ханой, Вьетнам

E-mail: ngorhuong2002bn@gmail.com

Ле Йен Тхи Бао

Национальный экономический университет, Ханой, Вьетнам

E-mail: lethibaoyen1810@gmail.com

Тран Чи Кхань

Национальный экономический университет, Ханой, Вьетнам

E-mail: tkchi41@gmail.com

Ле Пхунг Чунг

Национальный экономический университет, Ханой, Вьетнам

E-mail: phungletrung144@gmail.com

Нгуен Лан Тхи

Национальный экономический университет, Ханой, Вьетнам

E-mail: ntlan02082002@gmail.com

Для цитирования: Хоанг, Хюэ Тхи. Влияние социальной помощи на раннее деторождение во Вьетнаме: посредническая роль миграции / Хюэ Тхи Хоанг, Фуонг Тхи Суан Нго, Йен Тхи Бао Ле, Чи Кхань Тран, Пхунг Чунг Ле, Лан Тхи Нгуен // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 1. С. 132–145. DOI [10.19181/demis.2024.4.1.9](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.9). EDN QGHAFY.

Аннотация. В статье анализируются взаимосвязи миграции, раннего деторождения и социальной помощи детям на кластерном уровне. Используя данные исследования «Показатели достижения целей устойчивого развития для детей и женщин Вьетнама», проведенного Главным статистическим управлением (GSO) и Международным чрезвычайным фондом помощи детям при Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ) в Социалистической Республике Вьетнам в 2020–2021 гг., и применяя модель Тобита, получены результаты, указывающие на то, что увеличение доходов домохозяйств при получении социальной помощи ограничит вероятность принятия членами семьи решений о миграции, и тем самым снизит раннее деторождение. Ожидается, что вышеназванное исследование станет основой для принятия решений по совершенствованию политической системы и программ социальной помощи, направленных на несовершеннолетних, особенно на группу несовершеннолетних мигрантов с целью сокращения раннего деторождения.

Ключевые слова: социальная помощь, миграция, раннее деторождение, Вьетнам, модель Тобита

Сведения об авторах:

Хоанг Хюэ Тхи, преподаватель, факультет экономики и управления человеческими ресурсами, Национальный экономический университет, Ханой, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: hoanghue@neu.edu.vn; ORCID ID: [0000-0003-1460-5492](https://orcid.org/0000-0003-1460-5492).

Нго Фуонг Тхи Суан, студент, факультет экономики и управления человеческими ресурсами, Национальный экономический университет, Ханой, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: ngophuong2002bn@gmail.com; ORCID ID: [0009-0005-3813-6696](https://orcid.org/0009-0005-3813-6696).

Ле Йен Тхи Бао, студент, факультет экономики и управления человеческими ресурсами, Национальный экономический университет, Ханой, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: ntlan02082002@gmail.com; ORCID ID: [0009-0001-3289-3347](https://orcid.org/0009-0001-3289-3347).

Тран Чи Кхань, студент, факультет экономики и управления человеческими ресурсами, Национальный экономический университет, Ханой, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: lethibaoyen1810@gmail.com; ORCID ID: [0009-0007-6197-7631](https://orcid.org/0009-0007-6197-7631).

Ле Пхунг Чунг, студент, факультет экономики и управления человеческими ресурсами, Национальный экономический университет, Ханой, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: tkchi41@gmail.com; ORCID ID: [0009-0001-6691-9111](https://orcid.org/0009-0001-6691-9111).

Нгуен Лан Тхи, студент, факультет экономики и управления человеческими ресурсами, Национальный экономический университет, Ханой, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: phungletrung144@gmail.com; ORCID ID: [0009-0002-3716-1628](https://orcid.org/0009-0002-3716-1628).

Статья поступила в редакцию 25.12.2023; принята в печать 26.02.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

DOI [10.19181/demis.2024.4.1.10](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.10)

EDN [VHQRUR](https://edn.vhqrur.ru)

ПРИВЛЕЧЕНИЕ И УДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В ЯПОНИИ: ПОДХОДЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Шипилова М. А.

МГИМО МИД России, Москва, Россия

E-mail: m.shipilova@my.mgimo.ru

Для цитирования: Шипилова, М. А. Привлечение и удержание иностранных студентов в Японии: подходы экономической и миграционной политики // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 1. С. 146–162. DOI [10.19181/demis.2024.4.1.10](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.10). EDN [VHQRUR](https://edn.vhqrur.ru).

Аннотация. В статье рассматриваются меры по привлечению и удержанию иностранных студентов, предпринимаемые японским правительством, институтами и различными организациями. В марте 2023 г. правительство Японии объявило о намерении увеличить количество иностранных студентов в стране до 400 тысяч человек за десять лет. Меры по привлечению и удержанию иностранных талантов являются частью политики «нового капитализма» и согласуются с целью интернационализации японской системы образования, прежде всего высшего. В частности, в статье анализируются динамика численности иностранных студентов в Японии и меры поддержки, оказываемые правительством, институтами и иными организациями. Приводится оценка потенциала привлечения и удержания иностранных студентов в контексте сокращения численности работоспособного населения в Японии и обсуждаются проблемы трудоустройства и жизни иностранцев в стране во время и после окончания учебы. Исследование показало, что, хотя традиционно образование являлось одним из основных направлений японской культурной дипломатии Государства Япония, в настоящие дни правительство также заявляет, что привлечение иностранных учащихся можно рассматривать как один из путей решения социальных проблем и обеспечения устойчивого роста экономики. Например, высказывается мнение, что иностранцы-выпускники японских ВУЗов смогут частично компенсировать нехватку рабочей силы в стране, а кроме того, сыграют важную роль в расширении японского бизнеса и укреплении его позиций на региональных и глобальных рынках. В целях привлечения иностранных студентов правительство, ВУЗы и различные организации принимают всесторонние меры по оказанию им помощи, начиная от упрощения процедуры подачи заявления на поступление, предоставления стипендий на обучение, обеспечения широкой информационной поддержки и заканчивая помощью с трудоустройством после выпуска. Вместе с этим в исследовании поднимаются проблемы, с которыми сталкиваются иностранцы, в частности, иностранные студенты, и которые существенно ограничивают массовый приток иностранных специалистов в Японию.

Ключевые слова: миграционная политика, иностранные студенты, образовательная миграция, интернационализация образования, высшее образование

Введение

В марте 2023 г. японское правительство объявило о намерении увеличить количество иностранных студентов в стране до 400 тыс. человек за десять лет. Меры по привлечению и удержанию иностранных талантов – это часть политики «нового капитализма», одним из ключевых элементов которой является инвестирование в человеческий капитал для решения социальных проблем и обеспечения устойчивого роста экономики. Одновременно японское правительство взяло курс на увеличение числа японских студентов, обучающихся за границей, до 500 тыс. человек к 2033 г., посредством расширения стипендиальных программ и иной финансовой поддержки.

Традиционно считается, что Япония реализует такую стратегию интернационализации высшего образования, при которой ключевой задачей оказывается построение и поддержание долгосрочных контактов с другими странами в политической, культурной и академической областях, а также укрепление имиджа Японии и распространение положительной информации о стране [1]. К примеру, О. В. Дубровина и О. Ю. Дубинина в своей работе отмечали, что интернационализация образования является одним из трех основных направлений культурной дипломатии Японии и нацелена на распространение знаний об этой стране и укрепление взаимопонимания [2]. Реализация такой стратегии осуществляется через поддержку студенческой и академической мобильности путем предоставления стипендий обучающимся, распространения информации об обучении и жизни в Японии, проведения различных культурных мероприятий, равно как и при помощи реализации программ академических обменов и программ, направленных на создание институциональных партнерств в сфере высшего образования.

Наряду с этим в современной Японии все чаще начинают уделять внимание и таким целям, как привлечение квалифицированной рабочей силы для стимулирования экономического роста и повышения конкурентоспособности японских компаний на мировых рынках, получения внебюджетных доходов образовательными учреждениями, в том числе региональными и частными, расширения научно-исследовательских возможностей и повышения квалификации профессорско-преподавательского состава и ученых путем привлечения их к работе в международных программах или в соавторстве с иностранными исследователями.

Актуальность исследования

Японская модель привлечения и удержания иностранных студентов заслуживает особого внимания в условиях глобальной борьбы за наиболее перспективных и выдающихся молодых людей, в которой принимает активное участие и наша страна. Так, в документе «Экспорт образования», который, согласно плану, реализуется с мая 2017 г. по ноябрь 2025 г., говорится, что Россия стремится повысить привлекательность и конкурентоспособность своего образования на международном рынке образовательных услуг и таким образом нарастить несырьевой экспорт Российской Федерации. В контексте привлечения и удержания иностранных студентов перед Россией во многом стоят те же задачи, что и перед Японией. Например, на государственном уровне – обеспечить доступность информации и усовершенствовать нормативную базу, усилить продвижение бренда российского образования за рубежом, а на уровне ВУЗов – реализовывать совместные образовательные программы, увеличивать количество англоязычных программ и курсов, создавать службы поддержки для иностранцев. Соответственно, материалы данной статьи в перспективе могут быть использованы для проведения сравнительного анализа и оценки эффективности японской и российской политики по привлечению и удержанию иностранных студентов.

Материалы и методы исследования

В работе проанализированы информационные материалы правительства, учебных заведений и организаций, привлекающих и оказывающих поддержку иностранным студентам в Японии, обобщены результаты ряда актуальных трудов отечественных и зарубежных авторов по заданной тематике. Информационную базу исследования составили актуальные количественные данные, опубликованные Статистическим бюро Японии и другими организациями (JASSO, JETRO). В результате анализа

этих данных были описаны численность, страны происхождения и география расселения иностранных студентов в Японии. Кроме того, с опорой на результаты исследований российских и иностранных авторов были определены основные причины, по которым молодежь решает отправиться на обучение в эту страну, и выделены факторы, способствующие или препятствующие их дальнейшему трудоустройству и проживанию в Японии.

Численность иностранных студентов в Японии

В марте 2023 г. японское правительство объявило о намерении увеличить количество иностранных студентов в стране до 400 тыс. человек за десять лет. Меры по привлечению и удержанию иностранных талантов – часть политики «нового капитализма», одним из ключевых элементов которой является инвестирование в человеческий капитал для решения социальных проблем и обеспечения устойчивого роста экономики¹. Наряду с этим, правительство Японии уведомило о планах на увеличение числа японских студентов, обучающихся за границей, до 500 тыс. человек к 2033 г. за счет расширения стипендиальных программ и иной финансовой поддержки.

Японское правительство уже давно продвигает политику привлечения и удержания иностранных студентов. Так, в 2008 г. бывший премьер-министр Я. Фукуда поставил цель увеличить численность иностранных студентов в Японии до 300 тысяч человек. Такая цель была повторно озвучена премьером С. Абэ в 2014 г., поскольку ранее ее так и не удалось достичь из-за проблем с финансированием и сокращения стипендий, а позднее – по причине Великого восточно-японского землетрясения, спровоцировавшего резкое снижение числа иностранных студентов в стране². По данным Статистического бюро Японии, численность иностранных студентов впервые превысила 300 тыс. человек лишь в 2017 г. и достигла пика в 345 791 человек в 2019 г. (рис. 1).

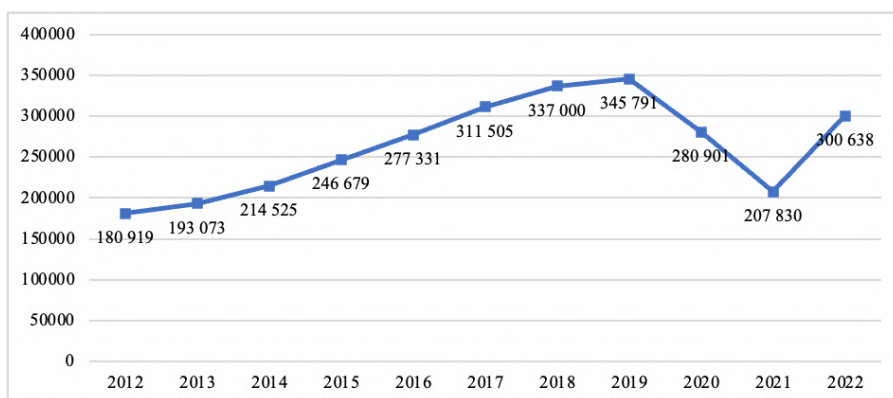

Рис. 1. Число иностранных студентов в Японии

Fig. 1. Number of international students in Japan

Источник: составлено автором по данным Статистического бюро Японии³

¹ Investing in People for a New Form of Capitalism // The Government of Japan : [site]. URL: https://www.japan.go.jp/kizuna/2022/07/investing_in_people.html (accessed on 13.01.2024).

² Boosting foreign student numbers to 300 000 // University World News : [site]. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20140129160918747> (accessed on 13.01.2024).

³ Portal Site of Official Statistics of Japan // e-Stat : [site]. URL: <https://e-stat.go.jp/> (accessed on 13.01.2024).

Очередное снижение количества иностранных студентов произошло на фоне пандемии COVID-19 вследствие принятия мер, направленных на ограничение распространения коронавируса. По данным Статистического бюро, в декабре 2019 г. в Японии находились 345,7 тыс. иностранных студентов, в декабре 2020 г. – 280,9 тыс., а в декабре 2021 г. – всего 207,8 тыс. Одной из основных причин резкого сокращения численности иностранцев в целом и студентов в том числе стало введение в конце 2020 г. фактического запрета на выдачу новых виз иностранным гражданам. Въехать в Японию могли только японцы, постоянные резиденты, иностранцы, имеющие долгосрочные визы, и дипломаты. В то же время действовали общие ограничения на въезд (не более 5 тыс. человек в день на начальных и не более 50 тыс. человек в день на более поздних этапах), карантинные меры, контролировалось количество прибывающих рейсов, фиксировался рост безработицы. В марте 2022 г. сообщалось, что около 152 тыс. иностранных студентов различных образовательных программ не могли въехать в Японию из-за действующих ограничений, несмотря на наличие студенческой визы⁴. В этот период многие студенты были переведены на дистанционное обучение, включая и тех, кто на момент введения ограничений находился в Японии. Они также не имели возможности устроиться на подработку или продолжать ее ввиду приостановки деятельности различных предприятий и фактически лишились средств к существованию, в связи с чем многие предпочли вернуться в родные страны. Визовые ограничения, введенные с целью предотвращения распространения коронавирусной инфекции, были сняты в Японии 11 октября 2022 г., что способствовало постепенному восстановлению иммиграции. В частности, в страну смогли въехать и вернуться те, кто ранее уже имел разрешение на въезд, но был вынужден оставаться на родине или вернуться туда в связи с неблагоприятной ситуацией из-за пандемии.

По состоянию на декабрь 2022 г. в Японии находились 300 638 студентов. Здесь важно отметить, что особенностью японской статистики является то, что данный показатель включает не только студентов вузов на основных программах, но и студентов по обмену, учащихся колледжей и языковых школ с минимальным сроком пребывания от 3 месяцев. По данным Института международного образования (Institute of International Education, IIE), в 2022 г. Япония входила в первую десятку стран, принимающих наибольшее количество иностранных студентов⁵.

Студенты в Японии, как и прочие категории мигрантов, представлены преимущественно гражданами азиатских государств – Китая (43% всех студентов), Вьетнама (17%), Непала (12%), Южной Кореи (5%), Тайваня, Индонезии, Мьянмы, Бангладеш, Шри-Ланки, Монголии. Прежде всего, это обусловлено географической, а отчасти этнокультурной близостью стран [3]. Примерно 5% составляют студенты из стран Европы и Северной Америки, менее 1% – из Африки, Южной Америки и Океании (рис. 2 и 3).

⁴ СМИ: Япония планирует начать массово пускать в страну иностранных студентов // ТАСС : [сайт]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/14017535> (дата обращения: 28.12.2023).

⁵ Global Mobility Trends. Project Atlas Infographic 2022 // Institute of International Education : [сайт]. URL: https://www.iie.org/wp-content/uploads/2023/03/Project-Atlas_Infographic_2022.pdf (accessed on 13.01.2024).

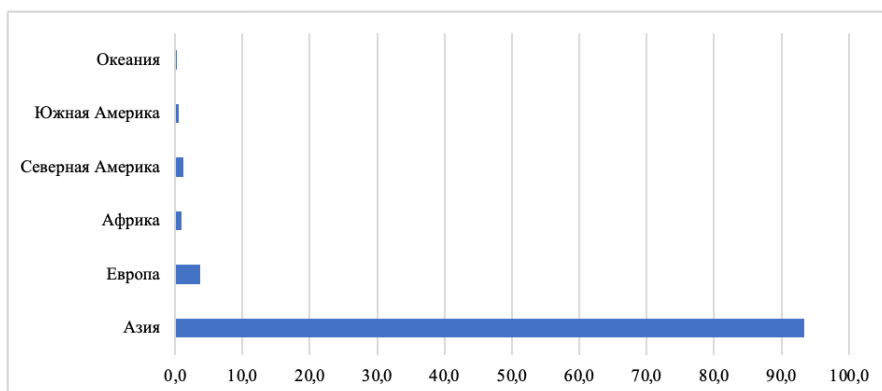

Рис. 2. Регионы происхождения иностранных студентов в Японии
Fig. 2. Regions of Origin of International Students in Japan

Источник: составлено автором по данным Статистического бюро Японии⁶

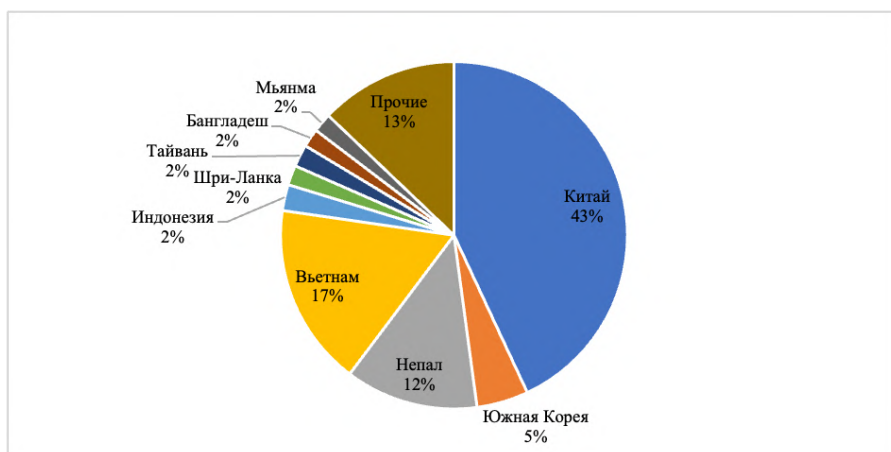

Рис. 3. Страны происхождения иностранных студентов в Японии
Fig. 3. Countries of Origin of International Students in Japan

Источник: составлено автором по данным Статистического бюро Японии⁷

Нельзя не обратить внимание на количество китайских студентов. Традиционно студенты из Китая являются наиболее широко представленной группой обучающихся в Японии иностранцев. Например, с 2011 г. по 2022 г. их численность колебалась в пределах 40–50% от общего числа образовательных мигрантов в стране. В последнее время отмечается, что интерес к обучению в Японии со стороны китайской молодежи растет вследствие обострения безработицы среди выпускников старших школ и вузов в самом Китае. В мае 2023 г. сообщалось, что уровень безработицы среди молодых людей в возрасте от 16 до 24 лет в КНР достиг рекордного уровня в 20,4%, что почти в четыре раза выше общего уровня безработицы за тот же период (5,2%). К факторам, обеспечивающим привлекательность Японии как направления для обучения среди китайцев, относят в первую очередь географическую близость, использование иеро-

⁶ Portal Site of Official Statistics of Japan // e-Stat : [site]. URL: <https://e-stat.go.jp/> (accessed on 13.01.2024).

⁷ Ibidem.

глифической письменности и возможность избежать высокой конкуренции за места в вузе и рабочие места после выпуска. Сегодня в Японии для китайских студентов повсеместно организованы платные языковые курсы (дзюку), направленные на сдачу вступительных экзаменов в японские университеты. Для поступления в вузы страны необходимо сдать не только японский язык, но и общие экзамены по экономике, истории, политике и географии.

На территории Японии концентрация иностранных студентов фиксируется в крупных городах и префектурах, традиционно принимающих большое количество иностранцев. Так, более 50% студентов зарегистрированы в Токио и соседних префектурах (Сайтама, Тиба, Канагава), еще порядка 20% – в регионе Кансай (гг. Осака, Киото, Хего и др.), префектурах Айти (г. Нагоя) и Фукуока⁸.

Таблица 1

Численность иностранных студентов по префектурам (человек)

Table 1

Number of International Students by Prefecture (people)

Префектура	Численность	Префектура	Численность
Токио	94 583	Тиба	12 779
Осака	33 108	Хего	12 559
Фукуока	19 188	Мияги	5 588
Киото	15 353	Хиросима	5 008
Сайтама	14 774	Хоккайдо	4 868
Канагава	14 727	Сидзуока	4 455
Айти	14 597	Ибараки	4 036

Источник: составлено автором по данным Статистического бюро Японии⁹

Среди учебных заведений с наибольшим числом иностранных студентов лидируют такие университеты, как Токийский университет (г. Токио, 4 397 студентов), Университет Васэда (г. Токио, 4 208 студентов), Университет Рицумэйкан (г. Киото, 2 698 студентов), Японский университет экономики (г. Дадзайфу, 2 599 студентов), Киотский университет (г. Киото, 2 564 студента), Осацкий университет (г. Осака, 2 514 студентов), Университет Кюсю (г. Фукуока, 2 359 студентов), Университет Цукуба (г. Цукуба, 2 189 студентов), Университет Тохоку (г. Сэндай, 2 074 студента) и другие¹⁰. Однако необходимо отметить, что большую часть из них составляют не студенты на основных программах, а студенты по обмену со сроком пребывания, как правило, не более одного года. К примеру, по состоянию на май 2023 г. в Университете Цукуба на основных программах обучались 82 иностранца, в то время как численность иностранных студентов в целом составляла 247 человек.¹¹

По статистике JASSO (Японской организации помощи студентам), в 2022 г. из обучающихся в высших учебных заведениях около 32% были студентами бакалавриата или колледжей (из студентов университетов 12,6% – в государственных вузах, 2,1% – в

⁸ Статистические данные об иностранцах, зарегистрированных в Японии от 12.2022 // Statistical Bureau : [site]. URL: <https://www.e-stat.go.jp/> (дата обращения: 13.01.2024).

⁹ Portal Site of Official Statistics of Japan // e-Stat : [site]. URL: <https://e-stat.go.jp/> (accessed on 13.01.2024).

¹⁰ 2022 (令和4)年度外国人留学生在籍状況調査結果 // Study in Japan : [site]. URL: https://www.studyinjapan.go.jp/ja/_mt/2023/03/date2022z.pdf (accessed on 13.01.2024).

¹¹ 学生数月別調 (令和5年05月01日現在) // 筑波大学 : [site]. URL: <https://www.tsukuba.ac.jp/about/disclosure-education/pdf/genin.pdf> (accessed on 13.01.2024).

региональных, 85,3% – в частных учреждениях), 23% обучались в специализированных профессиональных школах (из них 99,9% – в частных учреждениях), 23% – в магистратуре или аспирантуре (из них 62,2% – в государственных, 4,1% – в региональных, 33,6% – в частных), еще 21% – в языковых школах (из них 99,8% – в частных учреждениях)¹². Напрашивается вывод о том, что государственные университеты охотнее принимают людей с базовым высшим образованием, желающих продолжать исследовательскую деятельность, в то время как региональные и частные образовательные учреждения предлагают места и абитуриентам со школьным образованием. Что касается специальности обучающихся, в 2022 г. 62% иностранных студентов изучали социальные и гуманитарные науки. Одновременно растет интерес к научно-техническим специальностям (16,2%). Среди самых популярных направлений – фармацевтика, медицина, инжиниринг, информационные технологии. Некоторые студенты приезжают для освоения творческих специальностей, например, изобразительного искусства или сценического искусства.

Меры по привлечению и удержанию иностранных студентов в Японии

В Японии численность учащихся из других государств растет с тех пор, как в 1983 г. премьер-министр Я. Накасонэ поставил амбициозную цель привлечь в страну 100 тыс. иностранных студентов к 2000 г. В то время предполагалось, что после окончания обучения иностранцы вернутся на родину. Но, в отличие от прошлых программ, Япония XXI века стремится не только привлекать, но и удерживать иностранцев, получивших образование в стране [4]. Увеличение количества иностранных студентов до 400 тыс. согласно плану, озвученному в 2023 г., как ожидается, послужит сразу нескольким целям – от интернационализации японского образования и внесения вклада в образование молодых людей из развивающихся государств до борьбы с сокращением населения в самой Японии¹³. На практике, как пишет в своем исследовании Д. Квон, в привлечении иностранных студентов заинтересованы как минимум три стороны – государство, компании и вузы [5]. Аргументируя принятие новых мер по привлечению большего числа иностранных студентов, правительство ссылается на такие проблемы, как сокращение рождаемости и старение населения, усиление налогового бремени, рост неравенства, снижение темпов экономического роста. Ожидается, что к 2065 г. население Японии сократится с нынешних 126,1 млн до 88 млн, и уже 38% из них будут людьми в возрасте старше 60 лет¹⁴. Численность трудоспособного населения в 2022 г. составила 62,5%¹⁵. Среди иностранцев, наоборот, сегодня большую часть составляют лица в возрасте от 20 до 40 лет, а всего среди иностранных граждан доля трудоспособного населения равна 84%¹⁶. Особенно острый дефицит рабочей силы наблюдается в 14 областях – электроника, строительство, про-

¹² Result of International Student Survey in Japan, 2022 // Study in Japan : [site]. URL: <https://www.studyinjapan.go.jp/en/statistics/zaiseiki/data/2022.html> (accessed on 13.01.2024).

¹³ 留学生受け入れ40万人、海外派遣50万人 政府33年目標 // 日本経済新聞 : [site]. URL: <https://www.nikkei.com/article/DGXZQOUA165GW0W3A310C2000000/> (accessed on 13.01.2024).

¹⁴ 令和元年版高齢社会白書（全体版） // 内閣府 : [site]. URL: <https://www8.cao.go.jp/kourei/whitepaper/w-2019/html/zenbun/index.html> (accessed on 13.01.2024).

¹⁵ 労働力調査（基本集計）2022年（令和4年）平均結果の要約 // 統計局ホームページ : [site]. URL: <https://www.stat.go.jp/data/roudou/sokuhou/nen/ft/pdf/index1.pdf> (accessed on 13.01.2024).

¹⁶ Старение населения и рост зависимости Японии от иностранной рабочей силы // Nippon.com : [сайт]. URL: <https://www.nippon.com/ru/features/hoo242/> (дата обращения: 28.12.2023).

мышленное оборудование, судостроение и мореплавание, авиация, сырьевая промышленность, обслуживание автомобилей, общественное питание, еда и напитки, сельское хозяйство, рыбный промысел и аквакультура, уход за больными, отельный бизнес, клининг. Привлечение иностранных студентов и молодых специалистов также отражает стремление компаний повысить конкурентоспособность на международных рынках и желание университетов повысить свои доходы.

Япония по праву считается одной из наиболее развитых в экономическом и технологическом плане стран с уникальной культурой, а потому жизнью, учебой и работой в Японии интересуются сотни тысяч человек. По меньшей мере пять высших учебных заведений страны входят в топ-500 лучших университетов мира, согласно рейтингу вузов Times Higher Education (THE). Это Токийский университет, Киотский университет, Университет Тохоку, Осакий университет, Нагойский университет, Токийский технологический институт¹⁷. Получение диплома одного из японских вузов считается не только престижным, но и расширяет карьерные перспективы выпускника и открывает двери на международный рынок труда.

Впрочем, как указывают исследователи, финансовые интересы – далеко не определяющие при выборе Японии как страны для обучения. Так, исследование Л. Янг показывает, что ключевым фактором, подталкивающим иностранную молодежь к обучению и жизни в Японии, является не столько качество образования или карьерные перспективы, сколько их личный интерес к японской культуре [6]. Ф. Хуанг и Л. Чен в своей работе пишут, что многие иностранные студенты считают, что учеба за границей способствует прежде всего их личностному росту, культурному обогащению, а только потом – профессиональному развитию и расширению возможностей карьерного роста [7].

В целях привлечения иностранных студентов японское правительство принимает меры по оказанию им поддержки, начиная от упрощения процедуры подачи заявления на поступление, предоставления стипендий на обучение, обеспечения широкой информационной поддержки и заканчивая помощью в трудоустройстве после выпуска¹⁸. Значительную роль играют и университеты, увеличивающие количество англоязычных программ, приглашающие преподавателей из-за рубежа, к тому же разрешающие иностранцам присоединяться к обучению в сентябре (по сути, в середине учебного года, поскольку в учебных заведениях страны занятия начинаются в апреле)¹⁹. Помимо этого, некоторые японские вузы, например, Осакий университет, Киотский университет, Университет Хоккайдо, Университет Кэйо, Университет Тохоку и ряд других реализуют с государствами Европы, Азии, Северной Америки и Австралии программы двойного диплома.

Обучение и проживание в Японии – платное. По статистике JASSO, в 2022 г. из 231 146 студентов 8 924 человек полагались на финансирование японского правительства, 3 008 человек – на финансирование со стороны своего государства, 219 214 чело-

¹⁷ QS World University Rankings 2023 // The Times Higher Education World University Rankings 2023 : [site]. URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2020> (accessed on 13.01.2024).

¹⁸ Japan Revitalization Strategy Short- to Mid-term Progress Schedule // Prime Minister of Japan and His Cabinet : [site]. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/koutei_en.pdf (accessed on 13.01.2024).

¹⁹ How Japanese Universities are Attracting More International Students // Times Higher Education : [site]. URL: <https://www.timeshighereducation.com/student/blogs/how-japanese-universities-are-attracting-more-international-students> (accessed on 13.01.2024).

век – на самофинансирование. 78,5% студентов живут в съемном жилье, около 17,6% – в общежитии, предоставленном учебным заведением. Несмотря на то, что обучение и проживание может быть затратным для иностранцев из некоторых стран, многие все же отмечают, что учиться в Японии дешевле, чем в других развитых государствах, к примеру, в США²⁰. Кроме того, в целях привлечения иностранных талантов правительственные и частные организации ежегодно предоставляют стипендии, полностью или частично покрывающие расходы на обучение и проживание в Японии. Студенты могут претендовать на стипендии – например, стипендии MEXT, стипендии JASSO, стипендии местных органов местного самоуправления и местных международных ассоциаций, стипендии частных фондов, стипендии учебных заведений²¹. Размер стипендии, в зависимости от учреждения и программы, составляет от 30 до 242 тыс. йен в месяц и выплачивается в среднем около года, однако есть и программы, по которым стипендию выплачивают в течение всего периода обучения. Деньги можно использовать для оплаты обучения, проживания, перелета, повседневных расходов. Отбор стипендиатов довольно строгий и включает следующие этапы: рассмотрение документов заявителя, письменный экзамен и собеседование. Учреждения могут выдвигать и специальные условия – такие, как проживание в определенных населенных пунктах или активное участие в мероприятиях, проводимых местными органами власти. Информация о стипендиальных программах, как правило, поступает в японские дипломатические представительства за рубежом, которые распространяют ее, отвечают на вопросы и проводят предварительные этапы отбора кандидатов.

Помощь в установлении контактов между университетами и молодыми людьми из-за границы, желающими обучаться в Японии, оказывают различные организации. Они предоставляют информацию о свободных местах в университетах и стоимости обучения, а после приезда студентов в Японию поддерживают их в повседневной жизни: помогают подобрать жилье, открыть счет в банке, заключить договор с оператором сотовой связи, записаться на прием к врачу и т. д. Основными организациями такого типа являются Японская организация поддержки студентов (*Japan Student Services Organization, JASSO*), находящаяся в ведении Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии, а также частные организации *Japan Study Support, Japan International Cooperation Center, Inbound Japan* и др. К примеру, JASSO разработала подробное руководство по обучению в Японии *Study in Japan*²², совместно с Японской организацией по развитию внешней торговли JETRO подготовила информационную брошюру *Study and Work in Japan*²³. Большой вклад вносят НПО и НКО, оказывающие иностранцам консультации и помощь в подборе жилья и работы.

В образовательных учреждениях для первичной адаптации иностранцев предусмотрено тьюторство или наставничество. Например, в Токийском технологиче-

²⁰ Bringing Foreign Students to Japan: Is Something “Lost in Translation”? // Japan Forward : [site]. URL: <https://japan-forward.com/bringing-foreign-students-to-japan-is-something-lost-in-translation/> (accessed on 13.01.2024).

²¹ Scholarship for International Students in Japan 2023-2024 // Study in Japan : [site]. URL: https://www.studyinjapan.go.jp/en/_mt/2023/04/2023-2024Scholarship%20Pamphlet%20English.pdf (accessed on 13.01.2024).

²² Study in Japan: основное руководство // Study in Japan : [site]. URL: https://www.studyinjapan.go.jp/ja/_mt/2021/03/SG%20Russian.pdf (accessed on 13.01.2024).

²³ Study and Work in Japan // Japan External Trade Organisation : [site]. URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/_News/announcement/2020/329be6cf09a30396/jetro_jasso_studyandwork.pdf (accessed on 13.01.2024).

ском институте, Токийском университете, Киотском университете, Университете Цукуба для новоприбывших студентов тьюторов назначают на срок от трех до восьми месяцев. В их задачи входит помощь и поддержка иностранцев в повседневной жизни и учебе. На этапе въезда в страну перед иностранными студентами стоит множество задач: оформление в учебном заведении (подача документов, оплата обучения, получение стипендии); поиск жилья и заключение контракта; покупка предметов первой необходимости (одежды, еды, бытовой техники, учебников и пр.); встреча с гарантами, наставниками и знакомыми; постановка на учет в миграционной службе; оформление страховки; открытие счета в банке; заключение договора с оператором сотовой связи; поиск работы или подработки. На первом этапе проходит и физическая адаптация – акклиматизация, приспособление к языку и акценту, местной кухне, темпу жизни. Тьюторы, постоянно находящиеся на связи с новоприбывшими, помогают им сориентироваться в новой среде и быстрее адаптироваться. Помимо перечисленного многие университеты в инструкциях для тьюторов заостряют внимание на том, что необходимо знакомить иностранцев с японской культурой, обычаями и нормами. Так, Токийский технологический университет акцентирует внимание на том, что иностранцы могут «испытывать трудности в понимании негласных правил», поэтому важно с самых первых дней объяснять правила поведения, чтобы свести к минимуму любое недопонимание²⁴.

Особенностью японской студенческой визы, которая делает страну популярным направлением среди иностранцев, является возможность получить разрешение на подработку до 28 часов в неделю и до 40 часов в неделю во время длительных летних или зимних каникул. Возможность устроиться на подработку, а также достаточно высокий уровень заработной платы (минимум 893 йены в час)²⁵ в Японии позволяет иностранным студентам не только опираться на государственные стипендии или собственные накопления, но и частично компенсировать свои расходы за счет подработки. Плюсом является и то, что выпускники могут продолжить работу в том же месте, если договорятся об этом с работодателем. Для получения разрешения на работу (разрешения на деятельность вне статуса пребывания – *сикакугай кацудо: кека* 資格外活動許可) необходимо подать заявление в иммиграционную службу или непосредственно при прохождении паспортного контроля в аэропорту. На рассмотрение заявления обычно требуется как минимум одна-две недели. Разрешение выдается лишь тогда, когда становится ясно, что работа не оказывает негативного влияния на основной вид деятельности (учебу), и оформляется в виде штампа на обратной стороне карточки резидента. Разрешение позволяет трудоустроиться в одно или несколько мест в рамках установленных часов. Запрещается оставаться в стране и осуществлять трудовую деятельность, если в ближайшем семестре студент не записан на занятия или находится в академическом отпуске – в таком случае необходимо покинуть территорию Японии до возобновления занятий. Срок действия разрешения истекает одновременно с прекращением действия карточки резидента.

В Японии подрабатывают примерно 76% всех иностранных студентов, средний уровень заработной платы – около 59 000 йен в месяц, причем некоторые подраба-

²⁴ Tutors for International Students // Tokio Institute of Technology : [site]. URL: <https://www.titech.ac.jp/english/student-support/students/international-student/tutor> (accessed on 13.01.2024).

²⁵ 地域別最低賃金の全国一覧 // 厚生労働省 [site]. URL: https://www.mhlw.go.jp/stf/seisakunitsuite/bunya/koyou_roudou/roudoukijun/minimumchiran/index.html (accessed on 13.01.2024).

тывают не в одном, а в двух и более местах²⁶. Чаще всего студенты-иностранцы могут найти работу продавцами в супермаркетах, официантами в кафе или барах *идзакая*, обслуживающим персоналом в отелях, в качестве преподавателей на курсах иностранных языков и т. д. В большинстве случаев для работы требуется хотя бы начальное знание японского языка (уровень N3) и выше. Зарплату студенты обычно расходуют на покрытие повседневных расходов, расходов на проживание и на покрытие стоимости обучения. Некоторые устраиваются на подработку, чтобы подтянуть свой уровень знания японского языка, получить опыт и больше узнать о самой стране²⁷.

Студентам строго запрещается заниматься какой-либо работой, связанной с индустрией развлечений для взрослых, включая работу в ночных клубах, казино *патинко*, службах знакомств по телефону. Особо указывается, что запрещена любая работа в ночных клубах – не только диджеем или хостес, но даже уборщиком или посудомойкой²⁸. Более того, службы и организации, оказывающие помощь студентам, настойчиво предупреждают не интересоваться предложениями недобросовестных работодателей, обещающих 3 000 йен в час или от 200 до 300 тыс. йен в месяц.

Самую большую выгоду от работы иностранных студентов получают сферы услуг и торговли, особенно в центральных городах в местах скопления туристов, к примеру, в токийском районе Синдзюку. Представитель популярной сети супермаркетов Lawson Japan Inc. сообщал, что в компании работает более 10 тыс. иностранных студентов. Lawson также осуществляет предварительную подготовку молодых людей в учебных центрах во Вьетнаме, Южной Корее и иных государствах²⁹.

Удержание студентов, равно как и их привлечение – задачи, реализация которых зависит не только от желания принимающей стороны, но и от интересов самих иностранцев, а потому требует дополнительных усилий со стороны властей и общества. Немало тех, кто уезжает из Японии сразу после окончания обучения или даже не успев его окончить. К основным причинам, по которым иностранные студенты решают уехать из страны, чаще всего относят языковой барьер, трудности в налаживании взаимодействия с местным населением, серьезные культурные различия, в частности особенности японской корпоративной культуры [6]. Нередко иностранцы жалуются на отсутствие перспектив карьерного роста при работе в японских компаниях [8]. Так, по состоянию на 2021 г., в половине крупнейших компаний страны не было ни одного иностранца на руководящей должности.³⁰ Факторами, определяющими желание остаться в Японии, как показывают исследования, являются первоначальная мотивация студентов еще до переезда в страну, положительный опыт взаимодействия с японцами, продолжительность пребывания в Японии, разрыв в ВВП между Японией и родной страной, наличие работы или подработки и знание японского языка [9].

²⁶ Student Guide to Japan 2019-2020 // Study in Japan : [site]. URL: https://www.jasso.go.jp/en/study_j/_icsFiles/afiedfile/2019/05/16/sgtj_2019_e.pdf (accessed on 13.01.2024).

²⁷ Part-Time Jobs in Japan: Foreign Students Prefer Customer Service Positions // Nippon : [site]. URL: <https://www.nippon.com/en/japan-data/ho1632/> (accessed on 13.01.2024).

²⁸ Part-time Work Permission // Temple University : [site]. URL: <https://www.tuj.ac.jp/ug/visa/regulations/work-permit.html> (accessed on 13.01.2024).

²⁹ Japan Opens Its Gates to Foreign Workers // US News : [site]. URL: <https://www.usnews.com/news/best-countries/articles/2019-01-23/japan-opens-its-gates-to-foreign-workers> (accessed on 13.01.2024).

³⁰ 女性・外国人取締役、主要企業の半数でゼロ 民間調査 // 日本経済新聞 : [site]. URL: <https://www.nikkei.com/article/DGXZQOUC168N1oW1A111C2000000/> (accessed on 13.01.2024).

Учитывая тот факт, что значительное число иностранцев уезжает из Японии после окончания обучения, в 2018 г. правительство провозгласило цель трудоустроить как минимум 50% иностранных студентов, обучающихся в стране³¹. Но и сегодня иностранные студенты все еще серьезно отстают от своих японских сверстников в вопросах трудоустройства после выпуска. Например, в 2021 г. только 39% выпускников-иностранцев получили предложения о работе, в то время как среди выпускников-японцев данный показатель составил более 80%³². Причина заключается в особенностях процесса поиска работы в Японии – большинство японцев начинает посещать специальные семинары, ярмарки вакансий и даже проходить собеседования еще на первых курсах обучения, а сразу после окончания учебы молодых людей массово трудоустраивают в компании (такой процесс называется *синсоцу сайе*: 新卒採用). Иностранцы, не знакомые с особенностями этого процесса и зачастую не обладающие необходимыми навыками (владение вежливой речью, понимание особенностей японской деловой и корпоративной культуры, отсутствие или слабость социальных связей), а в некоторых случаях даже сталкивающиеся с проявлениями дискриминации со стороны потенциального работодателя, просто не могут найти работу после выпуска.

Одной из мер, призванных способствовать трудоустройству как можно большего числа иностранных выпускников японских высших учебных заведений, является предоставление выпускникам университетов возможности поменять статус пребывания на «Особую деятельность» (*токутэй каиудо*: 特定活動), чтобы находиться в стране еще в течение следующих двух лет в целях поиска работы³³. Разрешается также изменение статуса пребывания со «Студента» на «Стартап» или «Бизнес», что дает возможность студентам сразу после окончания учебы приступить к открытию собственного дела, не возвращаясь к себе на родину³⁴.

В 2017 г. было зафиксировано 22,4 тыс. случаев изменения студенческой визы на рабочую после выпуска. По оценкам специалистов, чаще всего выпускникам удается трудоустроиться в таких отраслях, как коммерция и торговля, IT-услуги, образование, отели и гостиницы, ресторанный бизнес, письменный и устный перевод, машиностроение, электроприборы и других³⁵. В перечисленных сферах иностранцы обладают преимуществом перед своими японскими сверстниками, в первую очередь языковым. Концентрация иностранных работников в основном в сферах обслуживания и торговли указывает на то, что японское правительство пока что не стремится или же не может привлекать иностранные таланты в STEM (естественные науки, технология, инженерия и математика), как это делают иные развитые страны. Более того, как отмечают критики, в Японии в STEM обучается намного больше иностран-

³¹ Government aims for 300 000 international students // The Japan Times : [site]. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2018/10/22/national/government-aims-300000-international-students/> (accessed on 13.01.2024).

³² Japan's Unique Recruitment System Leaves Foreign Students Behind // Nikkei Asia : [site]. <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Japan-immigration/Japan-s-unique-recruitment-system-leaves-foreign-students-behind> (accessed on 13.01.2024).

³³ Japan: A New Home for Student Migrants? // Inside Higher Ed : [site]. URL: <https://www.insidehighered.com/blogs/world-view/japan-new-home-student-migrants> (accessed on 13.01.2024).

³⁴ Japan to Allow Foreign Students to Apply to Switch Visa and Start Their Own Companies // The Japan Times : [site]. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/06/12/business/japan-allow-foreign-students-apply-switch-visa-start-companies/#.XpM1NoAzaUu> (accessed on 13.01.2024).

³⁵ Student Guide to Japan 2019-2020 // Study in Japan : [site]. URL: https://www.jasso.go.jp/en/study_j/_icsFiles/afieldfile/2019/05/16/sgtj_2019_e.pdf (accessed on 13.01.2024).

цев, прежде всего из государств Восточной Азии, чем работает, что свидетельствует о том, что выпускники соответствующих вузов скорее представляют конкуренцию, нежели приносят выгоду передовым сферам японской экономики [10].

Есть и другие серьезные проблемы, связанные с образовательной миграцией и миграцией в целом. Несмотря на официально декларируемое стремление к привлечению большего числа иностранцев, в действительности увеличение численности иностранных студентов, как и иностранцев в целом, происходит в Японии крайне осторожно и дозированно. До сих пор в стране неконтролируемое увеличение количества иммигрантов ассоциируется с нежелательными изменениями в экономической, политической, социальной и культурной сферах жизни общества. Нередко отмечается, что иностранцы в Японии сталкиваются с дискриминацией при поиске жилья, трудоустройстве, в повседневной жизни³⁶.

Остро стоит и вопрос нелегальной миграции. Как уже упоминалось ранее, около 100 тыс. человек, или почти 30% всех иностранных студентов в Японии, – это студенты языковых школ. Среди множества школ есть как добросовестные, реально оказывающие услуги в изучении японского языка в течение определенного срока и несущие ответственность за встречу студентов, обязательное посещение ими занятий и отправлении их обратно на родину, так и менее ответственные и даже «мошеннические», эксплуатирующие систему в экономических целях. Деятельность последних часто приводит к тому, что по студенческим визам в страну по факту попадают нелегальные иммигранты, целью которых становится отнюдь не учеба, а трудоустройство в Японии. Причем зачастую брокеры, вовлеченные в подобные схемы, вычитают стоимость фиктивного обучения из зарплаты иностранцев.

В июне 2019 г. издание The Japan Times сообщило, что Токийский университет социального обеспечения, основанный в 2000 г., не имел контактов с 1 600 из 2 600 иностранных студентов, большинство из которых будто бы проходило обучение на подготовительных курсах японского языка, но они не посещали занятия, не связывались с университетом, не было информации о их местонахождении³⁷. Данный случай вновь обратил внимание правительства на бреши в системе образовательной миграции и побудил к принятию дополнительных мер по обеспечению справедливого и безопасного приема иностранных студентов. В частности, в отношении школ японского языка были усилены инспекции и подотчетность, ужесточены критерии по приему иностранных учащихся – они были поставлены в зависимость от посещаемости занятий студентами и результатов экзаменов³⁸. В целях предотвращения «конвертации студентов» в «нелегальных иммигрантов» было принято решение о сокращении или отмене субсидий частным учебным заведениям, об отказе в выдаче виз тем иностранцам, которые планируют учиться в подозрительных учебных заведениях.

Эта проблема регулярно обсуждается на правительственном уровне в контексте планов по увеличению числа иностранных студентов. Так, на одной из встреч палаты

³⁶ 平成 28 年度 法務省委託調査研究事業 // 法務省: [site]. URL: <https://www.moj.go.jp/content/001226182.pdf> (accessed on 13.01.2024).

³⁷ Japan to Tighten Rules over Foreign University Students after Tokyo School Loses Track of 1 600 Students // The Japan Times : [site]. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/06/11/national/japan-tighten-rules-foreign-university-students-tokyo-school-loses-track-1600-students/> (accessed on 13.01.2024).

³⁸ Efforts for Acceptance of Foreign Nationals and Harmonious Coexistence // Ministry of Justice of Japan : [site]. URL: <http://www.moj.go.jp/content/001308076.pdf> (accessed on 13.01.2024).

советников японского парламента в октябре 2022 г. было высказано мнение о том, что «привлечение иностранных студентов, которые потом “исчезают” (*киэта рю:гакусэй* 消えた留学生), отдавая предпочтению зарабатыванию денег, а не учебе, достижение минимальных пороговых показателей приема абитуриентов за счет иностранных студентов-платников не соответствует интересам Японии. И правительству стоило бы сконцентрировать внимание на стимулировании рождаемости среди японских граждан, на поддержке семей с детьми, снижении стоимости обучения или ее компенсации»³⁹. Таким образом, увеличение числа иностранных студентов и иностранцев в целом остается одним из наиболее противоречивых вопросов на повестке дня в Японии.

Заключение

Планы по привлечению 400 тыс. иностранных студентов в Японию отвечают сразу нескольким целям. Во-первых, увеличение числа зарубежных студентов и преподавателей-иностранцев, открытие программ на иностранных языках и программ двойного диплома, расширение межвузовских обменов способствуют интернационализации японского высшего образования и свидетельствуют о включении страны в борьбу за иностранные таланты, что является частью актуальной политики «нового капитализма». Вместе с этим интернационализация образования остается одним из проявлений японской «мягкой силы» и отражает стремление к продвижению культурной дипломатии. Образовательные учреждения используются для углубления взаимопонимания и взаимного культурного обогащения иностранцев и японцев.

Во-вторых, в Японии началось обсуждение перспектив удержания иностранных студентов в стране и стимулирования их трудоустройства в расчете на получение в перспективе экономических выгод. В частности, высказывается мнение о том, что иностранные работники могут частично компенсировать нехватку рабочих рук в ряде дефицитных областей, а высококвалифицированные иностранные специалисты рассматриваются как ресурс для повышения конкурентоспособности японских компаний на международных рынках. Кроме того, привлечение студентов-иностранцев на платной основе соответствует интересам вузов, как региональных, так и частных, стремящихся повысить свои внебюджетные доходы.

Поскольку иностранные студенты в высших учебных заведениях – потенциальный ресурс для увеличения числа квалифицированных специалистов и, как следствие, поддержания японской экономики, правительство принимает масштабные меры по созданию благоприятных условий для их пребывания в стране. Исследование показало, что такие меры поддержки, как возможность получения стипендии, полностью или частично покрывающей расходы на обучение и проживание, наличие консультационных центров и персональных тьюторов, простота оформления документов, возможность подработки, помощь в трудоустройстве после окончания обучения положительно влияют на решение выпускников-иностранцев относительно дальнейшей работы и проживания в Японии, а также способствует росту привлекательности этой страны как перспективного направления иммиграции.

Наряду с этим, были выделены и такие проблемы, как сложности трудоустройства и обеспечения карьерного роста иностранцев в японских компаниях; проблемы

³⁹ 外国人留学生を増やすため岸田文雄総理大臣が命じた計画策定に関する質問 // 参議院 : [site]. URL: <https://www.sangiin.go.jp/japanese/johoi/kousei/syuisyo/210/syup/s210027.pdf> (accessed on 13.01.2024).

адаптации и интеграции иностранцев в Японии ввиду языкового барьера и серьезных культурных различий; неготовность японского общества принимать иностранцев; увеличение численности нелегальных мигрантов, обучающихся в школах японского языка. Перечисленные трудности являются серьезными преградами на пути к реализации декларируемых правительством страны планов по увеличению числа иностранных студентов и их удержанию в Японии.

Список литературы

1. Ламашева, Ю. А. Приоритеты интернационализации японской системы высшего образования на государственном уровне // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 4 (97). С. 28–38. DOI [10.22394/1818-4049-2021-97-4-28-38](https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-28-38). EDN [JGCVVV](https://www.edn.ru/1JGCVVV).
2. Дубровина, О. В. Основные направления культурной дипломатии современной Японии / О. В. Дубровина, О. Ю. Дубинина // Власть. 2019. Т. 27, № 4. С. 234–242. DOI [10.31171/vlast.v27i4.6635](https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6635). EDN [DSHZJG](https://www.edn.ru/DSHZJG).
3. Рязанцев, С. В. Японская модель привлечения иностранной молодежи в систему высшего образования / С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская, Н. С. Рязанцев // Образование и наука. 2020. Т. 22, № 9. С. 148–173. DOI [10.17853/1994-5639-2020-9-148-173](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-9-148-173). EDN [QMPXRd](https://www.edn.ru/QMPXRd).
4. Hennings, M. Japan's Measures to Attract International Students and the Impact of Student Mobility on the Labor Market / M. Hennings, S. Mintz // Journal of International and Advanced Japanese Studies. 2015. Vol. 7. Pp. 241–251.
5. 権大聖. 現代日本における留学生: 別名 通り過ぎていく人, 帰るべき人 // 東京医科歯科大学教養部研究紀要. 2022年. 2022巻. 52号. P. 85–102. DOI [10.11480/kyoyobukiyo.2022.52_85](https://doi.org/10.11480/kyoyobukiyo.2022.52_85).
6. Yang, L. To Stay or Leave? Migration Decisions of Foreign Students in Japan. Tokio : The Research Institute of Economy, Trade and Industry. 2016. 19 p.
7. Huang, F. International Students in Japanese National Universities: Their Motivations, Experiences and Outcomes / F. Huang, L. Chen // Journal of International and Comparative Education (JICE). 2022. Vol. 11, No. 1. Pp. 23–37. DOI [10.14425/jice.2022.11.1.1205](https://doi.org/10.14425/jice.2022.11.1.1205).
8. Lai, Z. Reasons for Loss of International Talents in Japanese Workplace // In : Proceedings of the 2022 International Conference on Sport Science, Education and Social Development (SSED 2022). Amsterdam : Atlantis Press, 2022. Pp. 301–308. DOI [10.2991/978-2-494069-13-8_38](https://doi.org/10.2991/978-2-494069-13-8_38).
9. Cao, N. T. K. Determinants of International Students' Decision to Remain in Japan to Work after Graduation // Journal of Asian Economics. 2022. Vol. 82, No. 3. Article 101529. DOI [10.1016/j.asieco.2022.101529](https://doi.org/10.1016/j.asieco.2022.101529).
10. Nam, T. H. Challenges in Attracting International Students to Japan / T. H. Nam, J. Cheng-Hai // Journal of International Scientific Publications Educational Alternatives. 2022. Vol. 20. Pp. 11–25.

Сведения об авторе:

Шипилова Мария Андреевна, кандидат культурологии, старший преподаватель, кафедра японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, МГИМО МИД России, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: m.shipilova@my.mgimo.ru; ORCID ID: [0000-0002-7948-3265](https://orcid.org/0000-0002-7948-3265); PИНЦ Author ID: [1085789](https://www.pscn.ru/1085789); Web of Science Researcher ID: [ABI-1625-2020](https://orcid.org/ABI-1625-2020).

Статья поступила в редакцию 12.01.2024; принята в печать 11.03.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

JAPAN'S POLICIES TO ATTRACT AND RETAIN INTERNATIONAL STUDENTS: ECONOMIC AND MIGRATION APPROACHES

Maria A. Shipilova

MGIMO University, Moscow, Russia

E-mail: m.shipilova@my.mgimo.ru

For citation: Shipilova, Maria A. *Japan's Policies to Attract and Retain International Students: Economic and Migration Approaches. DEMIS. Demographic Research. 2024. Vol. 4, No. 1. Pp. 146–162. DOI [10.19181/demis.2024.4.110](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.110).*

Abstract. *The article examines measures taken by the Japanese government, institutions and various organizations to attract and retain international students. In March 2023, the Japanese government announced its aim to increase the number of foreign students in Japan to 400 000 in ten years. Measures to attract and retain foreign talents are part of the “new capitalism” program and are consistent with the goal of internationalizing the Japanese education system, especially higher education. In particular, the article analyzes the dynamics of the number of foreign students in Japan, and lists support measures provided by the government, institutions and other organizations. It also assesses the potential for attracting and retaining international students in the context of Japan's declining working-age population and discusses the challenges of employment and life for foreigners in Japan during and after graduation. The study showed that, although education has traditionally been one of the main directions of Japanese cultural diplomacy, in contemporary Japan attracting foreign students is also viewed as one of the ways to solve social problems and ensure sustainable economic growth. For example, it is assumed that foreign graduates of Japanese universities will partially compensate for the labor shortage in Japan, and will also play an important role in expanding Japanese business and strengthening its positions in regional and global markets. In order to attract foreign students, the government, universities and various organizations are taking comprehensive measures to provide them with support, ranging from simplifying the admission procedure, providing scholarships for study, providing extensive information support, to assisting with employment after graduation. At the same time, the study identifies the problems faced by foreigners, in particular foreign students, which significantly limit the massive influx of foreign specialists to Japan.*

Keywords: *migration policy, foreign students, educational migration, internationalization of education, higher education*

References

1. Lamasheva, Yu. A. Priorities in Internationalization of the Japan's Higher Education System of the State Level. *Power and Administration in the East of Russia*. 2021. No. 4 (97). Pp. 28–38. DOI [10.22394/1818-4049-2021-97-4-28-38](https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-28-38). (In Russ.).
2. Dubrovina, O. V. Main Directions of Cultural Diplomacy of Modern Japan / O. V. Dubrovina, O. Yu. Dubinina. *Power*. 2019. Vol. 27, No. 4. Pp. 234–242. DOI: DOI [10.31171/vlast.v27i4.6635](https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6635). (In Russ.).
3. Ryazantsev, S. V. Japanese Model of Attracting Foreign Youth in the Higher Education System / S. V. Ryazantsev, T. K. Rostovskaya, N. S. Ryazantsev. *The Education and Science Journal*. 2020. Vol. 22, No. 9. Pp. 148–173. DOI [10.17853/1994-5639-2020-9-148-173](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-9-148-173). (In Russ.).
4. Hennings, M. Japan's Measures to Attract International Students and the Impact of Student Mobility on the Labor Market / M. Hennings, S. Mintz. *Journal of International and Advanced Japanese Studies*. 2015. Vol. 7. Pp. 241–251.
5. 權大聖 [Kwon Daesung]. 現代日本における留学生: 別名 通り過ぎていく人, 帰るべき人 [Ryugakusei in Japanese Universities: Another Name for Passing Presences and Temporary Sojourners] // 東京医科歯科大学教養部研究紀要 [Tokyo Medical and Dental University Faculty of Liberal Arts Research Bulletin]. 2022. Vol. 2022. № 52. Pp. 85–102. DOI [10.11480/kyoyobukiyo.2022.52_85](https://doi.org/10.11480/kyoyobukiyo.2022.52_85). (In Japanese).
6. Yang, L. *To Stay or Leave? Migration Decisions of Foreign Students in Japan*. Tokio : The Research Institute of Economy, Trade and Industry. 2016. 19 p.
7. Huang, F. International Students in Japanese National Universities: Their Motivations, Experiences and Outcomes / F. Huang, L. Chen. *Journal of International and Comparative Education (JICE)*. 2022. Vol. 11, No. 1. Pp. 23–37. DOI [10.14425/jice.2022.11.1.1205](https://doi.org/10.14425/jice.2022.11.1.1205).
8. Lai, Z. Reasons for Loss of International Talents in Japanese Workplace // In : *Proceedings of the 2022 International Conference on Sport Science, Education and Social Development (SSES2022)*. Amsterdam : Atlantis Press, 2022. Pp. 301–308. DOI [10.2991/978-2-494069-13-8_38](https://doi.org/10.2991/978-2-494069-13-8_38).
9. Cao, N. T. K. Determinants of International Students' Decision to Remain in Japan to Work af-

ter Graduation. *Journal of Asian Economics*. 2022. Vol. 82, No. 3. Article 101529. DOI [10.1016/j.asie-co.2022.101529](https://doi.org/10.1016/j.asie-co.2022.101529).

10. Nam, T. H. Challenges in Attracting International Students to Japan / T. H. Nam, J. Cheng-Hai. *Journal of International Scientific Publications Educational Alternatives*. 2022. Vol. 20. Pp. 11–25.

Bio note:

Maria A. Shipilova, Candidate of Culturology, Senior Lecturer, Department of Japanese, Korean, Mongolian and Indonesian Languages, MGIMO University, Moscow, Russia

Contact Information: e-mail: m.shipilova@my.mgimo.ru; ORCID ID: [0000-0002-7948-3265](https://orcid.org/0000-0002-7948-3265); RSCI Author ID: [1085789](https://www.rsci.org/author/1085789); Web of Science Researcher ID: [ABI-1625-2020](https://www.webofscience.com/wos/author/ABI-1625-2020).

Received on 12.01.2024; accepted for publication on 11.03.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2024.4.1.11](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.11)
EDN [ZJOLRM](https://edn.zjolrm.ru)

О III ЕВРАЗИЙСКОМ АНАЛИТИЧЕСКОМ ФОРУМЕ «ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ (ЕАФ-2023)»

Осадчая Г. И.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: osadchaya111@gmail.com*

Вартанова М. Л.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: m.l.vartanova@mail.ru*

Волкова О. А.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: volkovaoa@rambler.ru*

Юдина Т. Н.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: ioudinatn@mail.ru*

Для цитирования: *Осадчая, Г. И. О III Евразийском аналитическом форуме «Этнокультурные факторы евразийской интеграции (ЕАФ-2023)» / Г. И. Осадчая, М. Л. Вартанова, О. А. Волкова, Т. Н. Юдина // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 1. С. 163–180. DOI [10.19181/demis.2024.4.1.11](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.11). EDN [ZJOLRM](https://edn.zjolrm.ru).*

Аннотация. *В конце октября – начале ноября 2023 года в Москве состоялся III международный Евразийский аналитический форум (ЕАФ-2023), на котором обсуждались этнокультурные факторы евразийской интеграции. В рамках форума был рассмотрен целый комплекс актуальных вопросов, посвященных евразийской интеграции в различных сферах, включая общие проблемы национальной и экономической безопасности стран Евразии, социально-политическое и демографическое развитие, ценности в межкультурной коммуникации, образование и научно-технологическое взаимодействие, обеспечивающие интеграцию общества.*

Ключевые слова: *Евразийский аналитический форум, ЕАФ-2023, Евразийский экономический союз, ЕАЭС, демографическое развитие, миграционные процессы, социально-культурная интеграция, экономическое развитие*

С 23 октября по 2 ноября 2023 г. в Москве в смешанном формате проходил III Евразийский аналитический форум (далее – ЕАФ-2023) «Этнокультурные факторы евразийской интеграции». Организаторами научного мероприятия выступили Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ИДИ ФНИСЦ РАН), Российско-Армянский (Славянский) университет (РАУ), Кыргызско-Российский Славян-

ский университет (КРСУ) имени Б. Н. Ельцина, Научный совет «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» при Отделении общественных наук РАН (далее – Научный совет), Российский университет дружбы народов (РУДН) имени П. Лумумбы, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Международный научно-исследовательский институт проблем управления (МНИИПУ), Ассоциация аналитических центров (ААЦ) «Аналитика» и Евразийский информационно-аналитический консорциум (ЕИАК).

На открытии Форума с приветственным обращением в адрес участников и гостей ЕАФ-2023 выступили заместитель Министра иностранных дел РФ **А. А. Панкин**, ректор Российско-Армянского (Славянского) университета, д-р экон. наук Республики Армения и Российской Федерации, проф., действительный член (академик) Академии педагогических и психологических наук Армении **Э. М. Сандоян**.

Заседание проходило в формате телемоста между Российско-Армянским (Славянским) университетом, ИНИОН РАН, ИДИ ФНИЦ РАН и КРСУ. Открыл заседание иностранный член РАН (Армения), сопредседатель совета ЕИАК, научный руководитель Института философии, социологии и права НАН Республики Армения, президент Армянской социологической ассоциации, акад. НАН РА, д-р социол. наук, проф. **Г. А. Погосян**, представивший доклад на тему «О повышении роли аналитики в преодолении явлений, тормозящих развитие сотрудничества в духовной сфере стран Евразийского пространства».

В рамках первого пленарного заседания ЕАФ-2023 выступила директор ИДИ ФНИЦ РАН, канд. физ.-мат. наук **М. Н. Храмова** с сообщением на тему «Демографическое развитие и безопасность на Евразийском пространстве: проблемы, перспективы».

Рис. 1. Заседание аналитической сессии «Социально-демографическое благополучие ЕАЭС и интеграционные процессы на постсоветском пространстве»
Fig. 1. Meeting of the analytical session «Socio-demographic well-being of the EAEU and integration processes in the post-Soviet space»

Источник: из архива ИДИ ФНИЦ РАН

25 октября 2023 г. в ИДИ ФНИСЦ РАН состоялось заседание аналитической сессии «Социально-демографическое благополучие Евразийского экономического союза и интеграционные процессы на постсоветском пространстве». Заседание вели заведующий Отделом исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС ИДИ ФНИСЦ РАН, председатель Научного совета «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза» (ЕАЭС) при Отделении общественных наук РАН, д-р социол. наук, проф. **Г. И. Осадчая**, главный научный сотрудник ИДИ ФНИСЦ РАН, д-р социол. наук, проф. **О. А. Волкова**, главный научный сотрудник ИДИ ФНИСЦ РАН, д-р социол. наук, проф. **Т. Н. Юдина**, ведущий научный сотрудник ИДИ ФНИСЦ РАН, ученый секретарь Научного совета, канд. экон. наук, доц. **М. Л. Вартанова**.

Пленарный доклад на заседании на тему «Репродуктивное поведение мигрантов из Центральной Азии в Московской агломерации» сделала д-р социол. наук, проф. **Г. И. Осадчая**, в котором основное внимание уделила ценностям в межкультурной коммуникации, обеспечивающим интеграцию общества и возможность индивидам осуществлять социально одобряемый выбор своего поведения в жизненно значимых ситуациях, что становится, в свою очередь, отражением культурных исторических норм страны. Ценностные ориентации представляют собой субъективное внутриличностное образование, формирование которого происходит в результате интериоризации ценностей и норм социального окружения, и закрепляются такие установки индивидуальным жизненным опытом людей. При этом докладчик отметила, что устоявшаяся система ценностных ориентаций образует стержень сознания личности, позволяющий человеку определять цели и направления своего развития, регулировать и проявлять особенности поведения. Соответственно, основные ценностные ориентации респондентов в исследовании измеряются как субъективный образ представлений о вариантах поведения, системе отношений, основанных на общественных идеалах. Причем терминальные ценности заключаются в достижении конкретных целей, что является смыслом человеческой жизни. Таким образом основной акцент в докладе был сделан на приближение культуры государств через объективность истины и духовных ценностей, необходимости выработки методов, направленных на сохранение собственной идентичности от воздействия внешних рисков и угроз, навязывания новых европейских ценностей.

Еще с одним пленарным докладом на тему «Кубинская миграция в Российскую Федерацию в контексте интеграции в ЕАЭС» выступил чл.-корр. РАН, д-р экон. наук, проф., зав. Лабораторией международных демографических исследований ИДИ ФНИСЦ РАН, председатель Научного совета «Демографические и миграционные проблемы России» при Отделении общественных наук РАН, член Научного совета «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза» (ЕАЭС) при Отделении общественных наук РАН **С. В. Рязанцев**.

Свой доклад ученый посвятил результатам исследования кубинцев, переезжающих в Российскую Федерацию. Важность такого анализа заключается в том, что Куба с декабря 2020 г. имеет статус наблюдателя при ЕАЭС, и как страна-наблюдатель принимает участие в заседаниях Союза, и может рассматриваться как потенциальный член организации. В этой связи положение кубинцев в России представляется не только интересным, но и позволяет увидеть, с какими реальными проблемами они сталкиваются при переезде. В исследовании были использованы статистические и

социологические методы, проанализированы данные Всероссийской переписи населения о численности граждан Кубы, проживающих на территории Российской Федерации, использованы статистика МВД РФ и «зеркальные» данные МВД Республики Куба о поездках за рубеж, доклады Международной организации по миграции (МОМ).

В настоящее время Россия занимает второе после США место по численности кубинцев, выезжающих за рубеж, несмотря на достаточно большое расстояние, немалую стоимость поездки и наши непростые природно-климатические условия. Тем не менее кубинцы все же едут в Россию. Среди факторов притяжения кубинцев докладчик выделяет следующие: во-первых, доступность въезда; во-вторых, географическое положение, так как Россия чаще всего рассматривается кубинцами как страна европейская; в-третьих, социально-политическая дружелюбность, которая проистекает из социалистической истории обоих государств, взаимопроникновения культур, образовательной миграции. Все это, по мнению ученого, сформировало дружественные отношения между странами. И, конечно же, нельзя недооценивать экономические возможности, которые позволяют кубинцам воспринимать Россию в качестве направления для миграции.

В ходе проведенного исследования были выделены три волны кубинской миграции. Первая – образовательная миграция в период СССР, когда кубинцы достаточно успешно адаптировались нашей в стране; вторая – постсоветская миграция, и третья, которая началась в 2010 г. и продолжается по настоящее время, когда ее отправной точкой стало введение безвизового режима, включая транзитный въезд в Россию. Здесь также была обозначена проблема недокументированной миграции, т. е. мигрантов без официального статуса, не имеющих шансов на легализацию в стране, проблема регистрации по месту пребывания, проблема адаптации (поиск жилья, поиск работы и получения источников доходов, отсутствие трудовых компетенций, предъявляемых российскими требованиями, языковая сложности, медицинское страхование, доступ детей к школьному образованию), в связи с чем необходимы интеграционные программы, благотворительные акции, и безусловно, легализация правового статуса.

Основные выводы, сделанные в ходе данного исследования, такие: Россия в долгосрочной перспективе как государство, испытывающее демографические проблемы, должна быть заинтересована в привлечении потенциальных граждан (ввиду чего актуализируется вопрос поиска новых миграционных ресурсов с учетом современных геополитических и экономических условий, где одним из перспективных вариантов развития могла бы стать кубинская миграция); социальный опыт выживания кубинцев на Кубе, приобретенный за последние несколько десятилетий с учетом имеющихся на острове ограничений, характеризуется развитием кубинской экономики и схожестью административных и социальных систем обеих стран, что позволяет кубинцам конструировать собственные, как формальные, так и неформальные практики адаптации и интеграции в российское общество. Соответственно, решение о вхождении миграционных отношений в правовое поле принимается мигрантами после оценки целесообразности экономической выгоды и вытекающих последствий. И наконец, анализ социокультурных характеристик кубинцев и россиян показывает, что в большинстве случаев они совпадают (например, граждане обоих государств отчасти дистанцируются от опеки, более склонны к коллективизму, терпимо настроены по отношению к религии), что позволяет в свою очередь сделать вывод о том, что

кубинскую миграцию можно рассматривать как желательную для Российской Федерации при условии устранения существующих барьеров.

В работе сессии приняли участие более двадцати научных экспертов из России, Армении, Беларуси, Кыргызстана, Казахстана, Узбекистана и Таджикистана. Результаты научных исследований представили: заместитель проректора по научной работе Финансового университета при Правительстве РФ, член Координационного совета (КС) ЕИАК, канд. экон. наук **Ю. М. Грузина** (тема «Влияние демографической ситуации на научно-технологическое взаимодействие молодежи Евразийского экономического союза»); и. о. доцента Кафедры международных отношений и мировой экономики Факультета международных отношений Казахского национального университета (КазНУ) имени Аль-Фараби, PhD в области международных отношений **Л. Ф. Деловарова** (тема «Трансформация ЕАЭС в новых условиях и миграционный потенциал стран Центральной Азии»); ведущий научный сотрудник Отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС ИДИ ФНИСЦ РАН, канд. социол. наук **Е. Ю. Куреев** (тема «Молодые армяне в московской агломерации в период после пандемии COVID-19»); директор Международного аналитического клуба «Иссык-Куль – Большая Евразия» (МАК «ИКБЕ»), профессор Кафедры менеджмента КРСУ имени Б. Н. Ельцина, член Секретариата КС ЕИАК, член Научного совета, д-р экон. наук, проф. **А. А. Кочербасева** совместно с заведующим Кафедрой финансов Кыргызского национального университета (КНУ) имени Ж. Баласагына, д-ром экон. наук, проф. **А. А. Саякбаевой** (тема «Демографическая ситуация и демографическая политика Кыргызстана в условиях евразийской интеграции»); заведующий Кафедрой социальной и молодежной политики, директор Азиатского экспертно-аналитического центра Алтайского государственного университета (АлтГУ), д-р социол. наук, проф. **С. Г. Максимова** совместно с доц. Кафедры социальной и молодежной политики АлтГУ, канд. социол. наук **Д. А. Омельченко** (тема «Религиозная идентичность и демографическая безопасность населения приграничных регионов России»); заместитель директора Института исследования рынка труда при Министерстве занятости и сокращения бедности Республики Узбекистан, д-р экон. наук, проф. **Х. Х. Мамадалиева** (тема «Демографическая ситуация в Узбекистане»); д-р экон. наук, проф. **Т. Н. Манасерян** (тема «Проблема демографической безопасности в Армении»); эксперт Аналитического центра «Орбели», канд. социол. наук **С. А. Манукян** (тема «Структурные модели динамики миграционных установок в Ереване после 44-дневной Карабахской войны»); эксперт исследовательского Центра «Альтернатива», канд. юрид. наук **Н. А. Саргсян** (тема «Вопросы обеспечения интеллектуальной безопасности в контексте демографического развития евразийской интеграции»); директор НИИ труда, миграции и занятости населения Министерства труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан, канд. полит. наук, **М. Ш. Махмадбекзода** (тема «Демографическая ситуация в Республике Таджикистан»); заведующий Центром социальных исследований Института философии, права и социально-политических исследований Национальной Академии Наук Кыргызской Республики, президент Социологической ассоциации Кыргызстана, д-р социол. наук, проф. **Н. А. Омуралиев** (тема «Современные демографические тенденции в Кыргызской Республике: перспективы и риски устойчивого развития ЕАЭС») и другие ученые.

В дискуссии участвовали представители научного сообщества, государственных и общественных организаций, высшего образования, преподаватели вузов, аспи-

ранты, магистранты, студенты и специалисты в области отраслевого регулирования в ЕАЭС.

Исследователи сделали вывод о том, что развитие евразийской интеграции, осуществляемой в постсоветском пространстве, может получить новый импульс только при активном включении в нее гуманитарной компоненты (межстрановой коммуникации) и интенсивном развитии сотрудничества в социокультурной сфере (наука и образование, СМИ, культура и искусство, спорт, туризм и т. п.).

Профессор **Г. И. Осадчая** отметила высокую значимость прозвучавших научных докладов и презентовала результаты совместной работы авторского коллектива – монографию «Социальная память молодежи государств-участников евразийской интеграции» [1], посвященную вопросам мемориального наследия, социальной и исторической памяти молодежи стран-участниц Евразийского экономического союза. В этой работе дана характеристика тенденций, проблем и противоречий интеграционных процессов; разработана теоретическая модель социологического анализа социальной памяти в условиях евразийской интеграции; обоснованы предложения по формированию исторической памяти молодежи о Великой Отечественной войне, совершенствованию института гражданско-патриотического воспитания молодежи в условиях межгосударственной интеграции; представлена оценка экспертов по проблемам политики памяти государств-членов ЕАЭС; проанализированы концепции социальной памяти в работах зарубежных и отечественных социологов.

Вторая монография «Миграция из России в Кыргызстан: демографические и социологические аспекты» [2] посвящена анализу процессов миграции из Российской Федерации в Кыргызскую Республику в современных условиях. В работе мотивирован авторский подход к изучению миграции из России в Кыргызстан, проанализирована демографическая ситуация и демографическая политика Кыргызской Республики. Оценены масштабы и причины возвратной миграции граждан Кыргызстана и эмиграции россиян в КР, выявлены профиль возвратных мигрантов и эмигрантов, социально-экономические проблемы реинтеграции и социально-экономический потенциал возвратных мигрантов. Показаны представления интервьюеров об их жизненных возможностях и стратегиях, шансах на успех. Раскрыта деятельность и потенциал некоммерческих неправительственных организаций Кыргызстана по оказанию помощи возвратным мигрантам.

Участники аналитической сессии «Социально-демографическое благополучие Евразийского экономического союза и интеграционные процессы на постсоветском пространстве» отметили высокий уровень и важность прозвучавших научных докладов и результатов совместной работы, выразили необходимость выработки в ходе дальнейшего научного сотрудничества скоординированных решений в условиях вызовов современности.

Кроме того, 25 октября 2023 г. в ИДИ ФНИСЦ РАН прошло заседание аналитической сессии «**Демографические факторы формирования евразийской миграционной системы**». Ее модераторами стали главный научный сотрудник ИДИ ФНИСЦ РАН, д-р социол. наук, проф. **Т. Н. Юдина** и заведующий Кафедрой экономики Российско-Армянского (Славянского) университета, д-р экон. наук, проф. **М. А. Восканян**. В работе сессии приняли участие представители стран Евразии, в т. ч. России, Армении, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана. Российские исследователи представляли различные регионы страны: Алтайский край, Нижегородскую область, Ставропольский край и Москву.

На сессии обсуждались вопросы, связанные функционированием современной евразийской миграционной системы и влиянием на нее различных демографических факторов.

Рис. 2. Заседание аналитической сессии «Демографические факторы формирования евразийской миграционной системы»

Fig. 2. Meeting of the analytical session «Demographic factors of the formation of the Eurasian migration system»

Источник: из архива ИДИ ФНИСЦ РАН

Открыл заседание член Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям, член Общественного совета при МВД РФ, проф. Государственного университета управления (ГУУ), д-р полит. наук, проф. **В. А. Волох**, который рассказал о важности перехода от действующей Концепции миграционной политики к разработке новой стратегии миграционной политики. По мнению эксперта, разработка Стратегии государственной миграционной политики РФ на современном этапе видится как настоятельная необходимость для эффективного управления миграционными процессами в Российской Федерации.

Профессор **Т. Н. Юдина** выступила с докладом на тему «Динамика демографических показателей стран евразийской миграционной системы». Ученый отметила, что в данную миграционную систему входит группа стран постсоветского пространства, связанных между собой устойчивыми и многочисленными миграционными потоками, которые обусловлены взаимодействием ряда факторов – исторических, экономических, политических, демографических, социально-этнических, географических и др. Докладчик также подчеркнула, что обмен людьми, товарами и капиталом между государствами системы должен быть более интенсивным, нежели со странами, не входящими в ЕАЭС. Ученый представила методологию и методику проведенного исследования, характеристики миграционной подсистемы Союза и выделила такие подсистемы евразийской миграционной системы, как субрегиональная Центрально-Азиатская подсистема; миграционная подсистема, объединяющая Россию и Беларусь, где свобода передвижения между двумя государствами и единые права на трудоустройство регламентируются Договором о создании Союзного государства;

подсистема Украины и Молдовы, геополитическое положение и политический курс руководства которых формируют западный вектор миграции; подсистема Туркменистана и Грузии, миграция из которых в другие страны евразийской миграционной системы имеет ограниченный характер в силу действия политических факторов; прибалтийские республики, которые до 2004 г. являлись частью евразийской миграционной системы, но после вступления в ЕС стали элементом европейской миграционной системы; некоторые страны СНГ, являющиеся частью миграционных систем, связывающих их с Израилем, США, Германией, Китаем.

Главный научный сотрудник Отдела воспроизводства трудовых ресурсов и занятости населения ИДИ ФНИСЦ РАН, д-р экон. наук, проф. **А. В. Каишенов** обозначил основные черты демографической динамики в государствах постсоветского пространства. В период между переписями населения 1926 и 1939 гг. численность населения СССР увеличилась со 147 млн до 170,6 млн человек, а по Всесоюзной переписи 1959 г. возросла до 208,8 млн человек. При этом в течение межпереписного периода 1959–1970 гг. рост составил 32,9 млн человек (до 241,7 млн), за 1970–1979 гг. – 20,7 млн (до 262,4 млн), за 1979–1989 гг. – 24,3 млн. (до 286,7 млн). Максимум по постсоветскому пространству в XX столетии был достигнут в 1993 г. и равен 293, 2 млн человек. После чего началась общая депопуляция, минимум которой (286,4 млн человек) был пройден в 2006 г. По мнению ученого, в период с 2007 г. до 2010-х гг. в большинстве республик шла позитивная демографическая волна и, несмотря на высокий уровень избыточной смертности во время пандемии COVID-19, численность населения постсоветского пространства в 2021 г. достигла абсолютного исторического максимума в 300 млн человек. По итогам проведенного исследования автор сформулировал предложения по регулированию миграционных потоков в Евразийском экономическом союзе.

Развитие данной тематики продолжили руководитель Центра исследования межнациональных отношений Института социологии (ИС) ФНИСЦ РАН, д-р социол. наук, проф. **В. И. Мукомель**, сделавший доклад на тему «Демографическое и социально-экономическое измерения миграционной политики России», и заведующий Кафедрой демографии Высшей школы современных социальных наук (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова, д-р экон. наук, проф. **В. А. Ионцев**, представивший доклад на тему «Демографические аспекты развития Евразийского экономического союза: миграционный аспект».

Большой интерес вызвали выступления международного консультанта по миграции и миграционной политике в Казахстане и Центральной Азии, члена Экспертной сети по миграции ICMPD **Е. Ю. Садовской** по теме «Потенциал Казахстана в миграционном обмене с Россией: новейшие тенденции и перспективы»; д-ра экон. наук, проф., **Л. П. Максаковой**, представлявшей Республиканский научно-практический центр «Оила» (Узбекистан), по проблемам миграционной безопасности для стран, отдающих население, в том числе и Узбекистана; д-ра полит. наук, проф., директора Центра Евразийских исследований Кыргызстана **Л. Л. Хонерской**, ознакомившей с политологическим взглядом на релокацию из России как социально-политический феномен 2022 г.

Часть российских исследователей в своих выступлениях поднимала более узкие, но не менее значимые темы для изучения демографических факторов, влияющих на евразийскую миграционную систему, в том числе на ее подсистему – ЕАЭС.

По итогам работы сессии «Демографические факторы формирования евразий-

ской миграционной системы» были сформулированы следующие предложения в резолюцию III Евразийского аналитического форума:

- необходимо принять меры по гармонизации национальных миграционных законодательств государств Союза, направленных на установление сходного (сопоставимого) нормативного регулирования в миграционной сфере в целях повышения эффективности использования трудовых ресурсов, правовой и социальной защиты граждан, создание бесконфликтных условий переселения населения и трудовой миграции из одних стран в другие;

- важно обеспечить инфраструктурные и информационные возможности для организованного набора трудовых мигрантов и начала процесса трудоустройства еще на территории страны отправления и разработать совместные программы языкового обучения, профессиональной подготовки и повышения квалификации с учетом потребностей рынков труда принимающих стран Евразийского экономического союза;

- следует предпринять конкретные шаги по формированию и развитию миграционной инфраструктуры (бирж, рекрутинговых агентств, сети социальных центров поддержки трудящихся стран ЕАЭС, членов их семей и их правовой защиты) для обеспечения информацией о возможностях трудоустройства, занятости и социальной защиты, поиска работы, создания условий для эффективного использования объединенного трудового потенциала государств-партнеров путем организованного перемещения рабочей силы в регионы и страны, испытывающие дефицит работников;

- необходимо сформулировать первоочередные цели по координации деятельности участников Союза в области установления визовых режимов с соседними государствами, формирования единой системы иммиграционного контроля, действующей внутри ЕАЭС;

- в контексте активизации миграционной политики в формате евразийского интеграционного объединения следует принять меры по развитию системы статистического наблюдения на основе административных систем учета населения и системы выборочных исследований по вопросам международной миграции;

- в целях совершенствования системы экспорта образования важно предусмотреть организацию статистического учета численности иностранных студентов-выпускников российских вузов, трудоустроенных в России и российских компаниях за рубежом;

- для обоснования масштабов и условий привлечения мигрантов в Российскую Федерацию в рамках ЕАЭС нужно начать разработку методологии и методов оценки миграционного потенциала;

- необходимо предпринять шаги по разработке новой миграционной политики, учитывающей региональные потребности;

- следует рассмотреть возможность создания Федерального министерства по миграции;

- важно оценить перспективы создания отдельной специализированной службы по делам соотечественников, проживающих в дальнем зарубежье.

В рамках тематического направления «Интеграционный потенциал некоммерческих неправительственных организаций Большой Евразии» как структурного компонента ЕАФ-2023 были проведены заседания трех аналитических секций.

27 октября 2023 г. состоялось заседание аналитической сессии «**Духовное согласие как основа социально-культурной интеграции народов Евразии. Интеграцион-**

ный потенциал НКО Большой Евразии» в поддержку Международной акции «День духовного согласия Ассамблеи народов Евразии». Сессия состоялась в Москве, в штаб-квартире Ассамблеи народов Евразии. Модераторами мероприятия выступили главный научный сотрудник ИДИ ФНИСЦ РАН, председатель Комитета Ассамблеи народов России по социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов, д-р социол. наук, доц. **В. Ю. Леденева** и руководитель Департамента духовной культуры Ассамблеи народов Евразии **И. И. Полякова**. На заседание собрались члены общественных организаций из Австрии, Индии, Индонезии, Иордании, Польши, России, Таджикистана, представители научного и образовательного сообществ стран Евразии.

Главным лейтмотивом сессии стало единение народов на основе духовной культуры, а ее целью – способствовать объединению усилий исследователей, аналитиков и практиков, деятельность которых связана с темой согласия и социально-культурной интеграции народов Большой Евразии; содействовать укреплению диалога и сотрудничества науки и религии.

Рис. 3. Заседание аналитической сессии «Духовное согласие как основа социально-культурной интеграции народов Евразии. Интеграционный потенциал НКО Большой Евразии»

Fig. 3. Meeting of the analytical session «Spiritual harmony as the basis of socio-cultural integration of the peoples of Eurasia. The integration potential of NGOs in Greater Eurasia»

Источник: из архива ИДИ ФНИСЦ РАН

С приветственным словом к участникам сессии обратилась д-р социол. наук, проф. **О. А. Волкова**, прежде всего поблагодарившая Ассамблею народов Евразии за тесное и плодотворное сотрудничество с ИДИ ФНИСЦ РАН.

Модератор сессии **И. И. Полякова** рассказала о многолетней традиции Дня духовного согласия и зачитала фрагменты доклада **Ю. А. Агешина**, вице-президента Международной ассоциации «Мир через культуру».

Практически все без исключения тематические доклады, прозвучавшие на заседании, были посвящены конкретным мероприятиям и проектам, направленным на мирное созидание, укрепление доверия, диалога и сотрудничества народов Евразии. Основные вопросы, раскрывающие тематику сессии, включили в себя такие, как: интеграционные практики некоммерческих неправительственных организаций Большой Евразии; деятельность общественных и духовных организаций по укреплению

духовного согласия народов; аналитическая и исследовательская работа некоммерческих неправительственных организаций Большой Евразии; утверждение духовной культуры народов как основы для устойчивой социально-культурной интеграции в условиях формирования многополярного мира; институционализация социально ориентированных некоммерческих организаций в социально-культурном развитии стран Евразии.

С результатами своих научных исследований ознакомили сопредседатель Генерального совета Ассамблеи народов Евразии, член государственной Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО, Посол доброй воли ЮНЕСКО **А. В. Очирова**, выступившая с приветственным словом на тему «Духовное согласие как основа социально-культурной интеграции»; проф. **О. А. Волкова** сделала доклад на тему «Духовное согласие как основа социально-культурной интеграции народов Востока: исторический взгляд»; канд. экон. наук, доц. **М. Л. Вартанова** представила доклад на тему «Необходимость обеспечения международного контроля по сохранению армянского культурно-религиозного наследия в Нагорном Карабахе» и др. ученые.

О своих идеях и работах на сессии рассказали: журналист, публицист, общественный деятель, главный редактор журнала «Дельфис» **Н. А. Тоотс**; заслуженный художник России, президент благотворительного фонда «Дельфис» **В. В. Надеждин**; президент Аджлунского национального университета **Ферас Ахмад Хамид Ханандех** (Иордания); председатель попечительского совета Исламского университета Султана Агунг доктор **Беджо Сантосо** (Индонезия); секретарь правления Русского культурно-просветительского общества в Польше **А. М. Романчук**; руководитель Департамента устойчивого развития, член комитета «Большая Евразия – Африка» Ассамблеи народов Евразии доктор **Ясер Аллахам**; член президиума Всемирного Форума Духовной Культуры, член Совета старейшин Ассамблеи народов Евразии **Мэри Фишер** (Индия); директор Фонда содействия сохранению культурных и философских традиций тибетского буддизма «Сохраним Тибет» **Ю. С. Жиронкина**; первый вице-президент Международной ассоциации «Мир через Культуру. Европа», член генерального совета Ассамблеи народов Евразии **Лизбет Августат**; заведующий Международным отделом Высшей школы финансов Российского экономического университета (РЭУ) имени Г. В. Плеханова **И. А. Корягина**; член президиума Международной ассоциации «Мир через Культуру» **Н. А. Бикалова**.

Доцент **В. Ю. Леденева**, выступая с докладом на тему «Религиозные аспекты в разработке новой Стратегии государственной национальной политики России», отметила особую атмосферу взаимопонимания и поддержки среди участников мероприятия, а кроме того, указала на необходимость более глубокого изучения вопросов взаимодействия науки и религии, укрепления межнационального и межконфессионального диалога, взаимного уважения и мирного сосуществования народов.

Руководитель Департамента по сохранению исторической памяти Ассамблеи народов Евразии, советник Дома русского зарубежья имени А. Солженицына **И. А. Шпынов** в докладе «Историческая память как основа духовного согласия и социокультурной интеграции» перечислил наиболее актуальные темы, которые поддерживают линию единения народов на основе духовной культуры.

Завершилось заседание творческими выступлениями участников, в авторском исполнении которых прозвучали стихи и песни.

По итогам работы сессии были предложены следующие рекомендации в резолюцию ЕАФ-2023:

- признать важность духовного согласия как фундаментального элемента содружества и интеграции разнообразных культур и народов на Евразийском континенте;
- способствовать укреплению духовного согласия в целях разрешения конфликтов, укрепления социальной стабильности и содействия социокультурной интеграции в регионе;
- разрабатывать совместные программы, направленные против проявления культурных и религиозных разногласий на Евразийском континенте и в защиту наращивания диалога и понимания между разными культурными и этническими группами;
- развивать совместные образовательные инициативы, способствующие пониманию и уважению культурных и религиозных разнообразий народов Евразии;
- рассмотреть вопрос об активном вовлечении молодого поколения в процесс формирования духовного согласия с целью обеспечения устойчивого будущего для Евразийского региона;
- предложить правительствам, международным организациям, гражданскому обществу и академическому сообществу совместно работать над реализацией проектов и инициатив, направленных на укрепление духовного согласия и социокультурной интеграции народов Евразии;
- создать международную платформу для долгосрочного обмена знаниями и опытом между учеными, практиками и лидерами, продвижения исследований и проектов, направленных на духовное согласие и социокультурную интеграцию в регионе Евразии.

Также 27 октября 2023 г. в ИДИ ФНИСЦ РАН прошло заседание аналитической сессии «**Интеграционные и аналитические практики некоммерческих неправительственных организаций Евразии**».

Рис. 4. Заседание аналитической сессии «Интеграционные и аналитические практики некоммерческих неправительственных организаций Евразии»
Fig. 4. Meeting of the analytical session «Integration and analytical practices of non-profit non-governmental organizations of Eurasia»

Источник: из архива ИДИ ФНИСЦ РАН

С приветственным словом к участникам сессии и с докладом на тему «Некоммерческие неправительственные организации Евразии: интеграционный и аналитический потенциал» выступила д-р социол. наук, проф. **О. А. Волкова**.

Ученый обозначила важнейшую цель проведения сессии, заключающуюся в объединении совместных усилий исследователей, аналитиков и практиков, работающих в сфере некоммерческих неправительственных организаций Большой Евразии.

Исходя из этого, задачи проведения заседания свелись к следующим позициям: выявить и охарактеризовать современное состояние, перспективы институционализации социально ориентированных некоммерческих организаций в социально-культурном развитии стран Большой Евразии; представить итоги их аналитической, исследовательской и практической работы; определить перспективы развития интеграционных практик. Были перечислены неправительственные организации Евразии: Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Организация тюркских государств (ОТГ), Евразийский банк развития (ЕАБР), Евразийский фонд стабилизации и развития (ЕФСР; ранее Антикризисный фонд ЕвразЭС), Союзное государство, БРИКС, Евразийский информационно-аналитический консорциум (ЕИАК), Ассамблея народов Евразии, Евразийская ассоциация профсоюзных организаций университетов (ЕАПОУ).

Профессор **О. А. Волкова** охарактеризовала основные тенденции развития международных неправительственных организаций и их роль в евразийской интеграции:

- НПО организуют собственную деятельность, ориентируясь на ситуацию сегодняшнего дня;
- укрепляется сотрудничество между профильными неправительственными организациями международного, государственного, регионального, местного уровней;
- усиливается государственная поддержка в отношении некоммерческих организаций, включившихся в работу по преодолению критических ситуаций (угрозы новой пандемии и проч.);
- укрепляется взаимодействие между НПО международного, государственного, регионального, местного уровней, имеющими схожую миссию и уставные цели (в социально-гуманитарной сфере: культура, образование, наука, здоровье, социальная защита)
- усиливается лоббирование общественных интересов на государственном уровне;
- налаживаются связи между общественными организациями и профильными учреждениями различной ведомственной принадлежности и формы собственности (государственные, муниципальные, коммерческие, религиозные);
- сохраняется зависимость НПО от политики и ценностей международных доноров (происходит снижение финансирования со стороны международных НПО при одновременном уменьшении зависимости от их политики);
- продолжается поддержка неправительственных организаций со стороны зарубежных и международных ПНО;
- реализуются государственные практики типа установления статуса «иностранный агент»;
- нарастают противоречия между финансовой поддержкой неправительственных организаций и запросами к ним в отношении распространения определенных культурных ценностей.

О результатах научных исследований проинформировали: проф. Кафедры соци-

ологии МГИМО МИД России, д-р экон. наук **Е. В. Дмитриева** («Мобильное здоровье как инструмент общественной интеграции»); д-р экон. наук, проф. Кафедры экономики и организации производства Казанского государственного энергетического университета (КГЭУ) **В. Ю. Кулькова** («Мобильное здоровье как инструмент общественной интеграции»); дир. Института социальных технологий Новосибирского государственного технического университета (НГТУ), д-р экон. наук, проф. **Л. А. Осьмук** и инспектор Центра инклюзивного сопровождения, рук. Лаборатории городских исследований НГТУ **О. В. Колесова** («Сообщества выпускников университетов Евразии: социокультурное пространство диалога»); зав. Кафедрой социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета (УрФУ) имени первого Президента России Б. Н. Ельцина **М. В. Певная** («Креативная благотворительность как механизм расширения волонтерского участия молодежи в деятельности некоммерческих неправительственных организаций Большой Евразии»); дир. АНО «Институт приграничного сотрудничества и интеграции», зав. Кафедрой социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ БелГУ), д-р экон. наук **В. А. Сапрыка** и доц. Кафедры международных отношений и дипломатии Ереванского государственного университета, канд. истор. наук **Г. А. Баласанян** («Приграничное и межрегиональное взаимодействие некоммерческих неправительственных организаций Евразии в новой реальности»); внс Национального НИИ общественного здоровья имени Н. А. Семашко, канд. мед. наук **А. А. Сточик** («Историческое значение создания Академии медицинских наук СССР как штаба медицинской науки во время ВОВ»).

Кроме них на заседании с научными докладами выступили зав. Кафедрой социальных наук Армянского государственного экономического университета (АГЭУ), д-р полит. наук **В. К. Атоян** («Аналитические практики некоммерческих неправительственных организаций Евразии: этнокультурные факторы»); рук. представительства Российского фонда мира в Киргизии, пред. ОФ «Русское достояние» **С. Н. Перемышлин** («Деятельность фондов в контексте интеграционных процессов ЕАЭС»); младшие научные сотрудники Отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС ИДИ ФНИСЦ РАН **М. В. Рославцева** и **В. С. Новикова** («Деятельность студенческих диаспоральных организаций в московских вузах») и др.

По итогам работы сессии были внесены следующие предложения в проект резолюции ЕАФ-2023:

- участники конференции выражают поддержку аналитическим практикам, способствующим более эффективному функционированию некоммерческих неправительственных организаций в условиях изменяющейся социально-экономической среды;

- участники конференции подчеркивают необходимость создания платформ и инициатив, способствующих обмену передовыми методиками между некоммерческими неправительственными организациями Евразии;

- участники конференции акцентируют внимание на важности укрепления интеграции между некоммерческими неправительственными организациями Евразии через создание партнерских сетей в области социально-культурного развития;

- участники конференции высоко ценят роль аналитической работы в деятельности некоммерческих организаций и призывают к совершенствованию методов сбора и анализа данных для более эффективного принятия решений;

– участники конференции обращают внимание на значимость обмена опытом между некоммерческими неправительственными организациями в области социально-культурного развития, а также на необходимость создания платформ для обсуждения передовых практик;

– участники конференции призывают к стратегическому планированию в аналитической работе с целью оптимизации ресурсов и достижения более значимых результатов;

– участники конференции высказывают уверенность в том, что углубление интеграционных и аналитических практик поможет некоммерческим неправительственным организациям Евразии более эффективно способствовать социально-культурному развитию региона и повышать его устойчивость.

30 октября 2023 г. в ИДИ ФНИСЦ РАН состоялось заседание аналитической сессии «Профсоюзные организации университетов как субъекты евразийской интеграции и сотрудничества». Открыли заседание президент Евразийской ассоциации профсоюзных организаций университетов (ЕАПОУ) **И. Б. Котловский** и председатель объединенной первичной профсоюзной организации Российского государственного социального университета (РГСУ) **Л. Д. Фадеева**.

Рис. 5. Заседание аналитической сессии «Профсоюзные организации университетов как субъекты евразийской интеграции и сотрудничества»
Fig. 5. Meeting of the analytical session «Trade union organizations of universities as subjects of Eurasian integration and cooperation»

Источник: из архива ИДИ ФНИСЦ РАН

Главной целью проведения сессии стало объединение усилий исследователей, аналитиков и практиков, в область научно-практической и экспертно-аналитической деятельности которых входят профсоюзные организации университетов в качестве субъектов евразийской интеграции и сотрудничества, а первостепенными задачами явились следующие: выдвижение и обсуждение идей о роли профсоюзов научных и образовательных организаций в дальнейшей международной и межрегиональной интеграции; определение возможностей и ограничений в общественно значимой и просветительской деятельности профсоюзных организаций университетов в евразийских странах; анализ перспектив функционирования объединений

выпускников университетов как инициаторов сотрудничества в Большой Евразии.

Исходя из этого, важнейшими вопросами, раскрывающими тематику и обсуждавшимися на сессии, оказались такие, как: роль профсоюзов научных и образовательных организаций в международной и межрегиональной интеграции; общественно значимая и просветительская деятельность некоммерческих неправительственных организаций в евразийских странах; объединения выпускников университетов – инициаторы сотрудничества в Большой Евразии.

Основные результаты научных исследований на заседании представили: президент ЕАПОУ **И. Б. Котловский** («Евразийская ассоциация профсоюзных организаций университетов в контексте вузовского социального партнерства на постсоветском пространстве»); заместитель председателя профсоюзной организации Ереванского государственного университета (ЕГУ) **Г. Г. Арутюнян** («Роль профсоюзных организаций в деле укрепления сотрудничества на Евразийском пространстве»); председатель профсоюзной организации Московского государственного технического университета (МГТУ) имени Н. Э. Баумана, канд. техн. наук, **О. О. Барышникова** («Ретроспектива как метод повышения эффективности организации межрегиональных мероприятий профсоюзных организаций университетов»); преподаватель МГТУ имени Н. Э. Баумана **Е. О. Подчасов** («Географические и организационные факторы при реализации партнерских отношений и горизонтальной интеграции профсоюзных организаций университетов»); председатель объединенной первичной профсоюзной организации РГСУ **Л. Д. Фадеева** («Профсоюзный диалог государств Евразийского экономического союза: интеграция и укрепление дружественных связей университетов»).

Участники сессии, признавая профсоюзные организации университетов важным субъектом евразийской интеграции и сотрудничества, способствующим укреплению связей между учебными заведениями и обеспечению взаимопонимания, внесли коллективные предложения к проекту резолюции ЕАФ-23:

- считать участие профсоюзных организаций университетов в процессе евразийской интеграции весомым фактором, способствующим развитию социальных и профессиональных связей в образовательной сфере;
- оказывать практическое содействие и всестороннюю поддержку профсоюзным организациям университетов в их усилиях по укреплению образовательных, культурных и научных связей между странами евразийского региона;
- оценить роль профсоюзных организаций университетов в содействии мобильности студентов, преподавателей и исследователей как основного средства для укрепления международного сотрудничества как весьма существенную;
- отметить значимость обмена опытом и передачи знаний между профсоюзными организациями университетов как способа углубления интеграции и расширения сотрудничества в евразийском регионе.

Итак, участники сессии единогласно указали на то, что содействие профсоюзных организаций университетов играет немалую практическую роль в формировании единого образовательного пространства в евразийском контексте и способствует развитию взаимовыгодного партнерства.

Участники ЕАФ-2023 дали высокую оценку представленным научным докладам, проводимым учеными исследованиям и их результатам, выдвинутым в ходе заседаний предложениям и резолюциям, а также высказали необходимость в продолжении дальнейшего взаимовыгодного сотрудничества в миротворческих целях.

За активное участие и яркие выступления на сессиях многие участники Форума

Olga A. Volkova

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: volkovaoa@rambler.ru

Tatyana N. Yudina

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: ioudinatn@mail.ru

For citation: Osadchaya, Galina I. *About the III Eurasian Analytical Forum “Ethnocultural Factors of Eurasian Integration (EAF-2023)”* / G. I. Osadchaya, M. L. Vartanova, O. A. Volkova, T. N. Yudina. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 1. Pp. 163-180. DOI [10.19181/demis.2024.4.111](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.111).

Abstract. In late October – early November, 2023, the III International Eurasian Analytical Forum (EAF-2023) was held in Moscow, where ethnocultural factors of Eurasian integration were discussed. The forum considered a whole range of topical issues related to Eurasian integration in various fields including common problems of national and economic security of the Eurasian countries, socio-political and demographic development, and values in intercultural communication, education and scientific and technological interaction, ensuring the integration of society.

Keywords: Eurasian Analytical Forum, EAF-2023, Eurasian Economic Union, EAEU, demographic development, migration processes, socio-cultural integration, economic development.

References

1. Osadchaya, G. I. *Social Memory of the Youth Participant States of the Eurasian Integration : monograph* / G. I. Osadchaya, A. A. Kocherbaeva, M. L. Vartanova et al.; ed. by G. I. Osadchaya, A. A. Kocherbaeva, M. L. Vartanova. Bishkek : KRSU Publishing House, 2023. 274 p. ISBN 978-9967-19-974-3. DOI [10.36979/978-9967-19-974-3-2023](https://doi.org/10.36979/978-9967-19-974-3-2023). (In Russ.).
2. Osadchaya, G. I. *Migration from Russia to Kyrgyzstan: demographic and sociological aspects: monograph* / G. I. Osadchaya, Sh. I. Aliyev, M. L. Vartanova et al.; ed. by G. I. Osadchaya. Moscow : Publishing house “Ekon-Inform”, 2023. 323 p. ISBN 978-5-907681-36-1. DOI [10.19181/monogr.978-5-907681-36-1.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-907681-36-1.2023). (In Russ.).

Bio notes:

Galina I. Osadchaya, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: osadchaya111@gmail.com; ORCID ID: [0000-0002-2597-9724](https://orcid.org/0000-0002-2597-9724); RSCI Author ID: [118648](https://elibrary.ru/118648); Web of Science Researcher ID: [G-2163-2017](https://orcid.org/G-2163-2017); Scopus Author ID: [35737719800](https://orcid.org/35737719800).

Marina L. Vartanova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Контактная информация: e-mail: m.l.vartanova@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-9853-5817](https://orcid.org/0000-0002-9853-5817); RSCI Author ID: [680162](https://elibrary.ru/680162); Web of Science Researcher ID: [J-7641-2018](https://orcid.org/J-7641-2018); Scopus Author ID: [57224545877](https://orcid.org/57224545877).

Olga A. Volkova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Контактная информация: e-mail: volkovaoa@rambler.ru; ORCID ID: [0000-0001-5325-0730](https://orcid.org/0000-0001-5325-0730); RSCI Author ID: [690209](https://elibrary.ru/690209); Web of Science Researcher ID: [S-6912-2016](https://orcid.org/S-6912-2016); Scopus Author ID: [55962445600](https://orcid.org/55962445600).

Tatyana N. Yudina, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: ioudinatn@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-7785-8601](https://orcid.org/0000-0001-7785-8601); RSCI Author ID: [145299](https://elibrary.ru/145299); Web of Science Researcher ID: [P-5028-2015](https://orcid.org/P-5028-2015); Scopus Author ID: [36907342200](https://orcid.org/36907342200).

Received on 22.12.2023; accepted for publication on 22.02.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2024.4.1.12](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.12)EDN [YDXARE](https://www.edn.ru/YDXARE)

О ПРОВЕДЕНИИ VI МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗИМНЕЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В МГУ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

Лебедева Т. В.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва,
Россия*

E-mail: shonohova@rambler.ru

Акрамова А. Р.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва,
Россия*

E-mail: akrmv1999@gmail.com

Для цитирования: *Лебедева, Т. В. О проведении VI Международной зимней демографической школы в МГУ имени М. В. Ломоносова / Т. В. Лебедева, А. Р. Акрамова // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 1. С. 181–190. DOI [10.19181/demis.2024.4.1.12](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.12). EDN [YDXARE](https://www.edn.ru/YDXARE).*

VI Международная зимняя демографическая школа (далее по тексту – Демографическая школа, Школа) прошла 1–3 февраля 2024 г. в рамках профориентационной работы Высшей школы современных социальных наук (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (далее по тексту – ВШССН) в целях популяризации демографических знаний и повышения демографической грамотности слушателей. Работа Школы была подготовлена и организована кафедрой демографии ВШССН на бесплатной основе в смешанном офлайн и онлайн формате на платформе Zoom.

1 февраля 2024 г. состоялось дистанционное обучение для преподавателей и научных сотрудников на тему «Современные проблемы преподавания демографии-3: роль и значение демографической теории» (10 академических часов). По поручению руководства ВШССН МГУ имени М. В. Ломоносова слушателей поприветствовал зам. дир. по научной работе, д-р экон. наук **А. А. Гребенюк**, подчеркнувший положительную динамику в проведении зимних демографических школ, организуемых кафедрой демографии. От однодневной Школа перешла к трехдневному режиму работы, расширился состав лекторов, значительно увеличилось количество заинтересованных участников. Более широкой стала тематика предлагаемых слушателям лекций, которые касаются рассмотрения самых злободневных демографических проблем. В заключение А. А. Гребенюк передал пожелания успешной работы участникам Школы от лица дир. ВШССН, акад. РАН **Г. В. Осипова**.

Во вступительном слове зав. каф. демографии ВШССН, д-р экон. наук, засл.

проф. МГУ имени М. В. Ломоносова **В. А. Ионцев**, прежде всего, отметил, что Школа на протяжении последних шести лет является той площадкой, где можно обсудить не только развитие демографических процессов, но и обменяться опытом преподавания дисциплин, касающихся народонаселения. Особое внимание он обратил на важность рассмотрения вопросов демографической теории, которая объясняет факторы и последствия демографических процессов и служит исходной базой для глубокого научного осмысления воспроизводства населения, смены его типов, особенностей влияния на экономическую и социальную сферы государства. Главная цель теории – предложение путей действия для практики. Поэтому данная встреча по проблемам преподавания демографии в рамках Школы была посвящена обсуждению вопросов истории развития и современного состояния демографической теории.

Рис. 1. Вступительное слово В. А. Ионцева

Fig. 1. Opening speech by V. A. Iontsev

Источник: из архива организаторов Школы

С лекцией на тему «Перерывы постепенности в демографическом развитии: теоретическое осмысление» выступил проф. Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д-р экон. наук, проф. **М. А. Клупт**. Лектор сосредоточил внимание слушателей на том, что современные теории демографического развития мало внимания уделяют осознанию неожиданных переломов в плавном течении демографических процессов. Между тем минувшие полвека изобилуют такими кризисными моментами, как пандемии ВИЧ/СПИД и COVID-19, стагнация продолжительности жизни в США, наблюдаемая с 2014 г., смены подъемов показателей рождаемости для условного поколения их спадами, миграционные кризисы. Проф. Клупт указал на общие и специфические причины перерывов постепенности в демографическом развитии отдельных групп стран на основе анализа изменений показателей рождаемости. В заключительной части лекции проф. поднял вопросы: можно ли предвидеть подобные перерывы и как к ним подготовиться?

Зав. каф. социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, д-р филос. наук, проф. **А. И. Антонов** свою лекцию посвятил теоретико-методологическим проблемам поведенческой демографии. Проф. подчеркнул, что демография не сводится к фиксации изменений структур и процессов, к методам измерения демографических событий. Все демографические факты являют-

ся результатом демографического поведения населения. Научное объяснение наблюдаемых тенденций требует анализа поведенческих феноменов рождаемости, продолжительности жизни и миграции. Лектор отметил, что поведенческая демография рассматривает взаимообусловленность социальной и демографической динамики через поведение семьи и личности. В поведенческой демографии разрабатываются концепции, позволяющие осуществлять демографическую политику на научной основе – на исследовательских данных о феноменах человеческого поведения.

Зам. дир. ВШССН МГУ имени М. В. Ломоносова по учебной работе, канд. экон. наук, доц. каф. демографии **Ю. А. Узкая** прочитала лекцию на тему «Фундаментальные теории демографии: как определить демографическую траекторию развития России?». Лектор представила краткую характеристику некоторых популярных демографических теорий: мальтузианства (неомальтузианства), общую теорию населения А. Соби, теорию демографического перехода; раскрыла особенности эпидемиологического перехода, перехода в области рождаемости, мобильного перехода. Подробно охарактеризовала концепции второго, третьего демографических переходов; привела взгляды ведущих демографов на развитие демографической теории. Показала взаимосвязь между теоретическими подходами к демографическому развитию и тенденциями демографического развития, которые отмечаются в настоящее время. Представила подробный анализ существующей демографической ситуации в России с использованием презентационных материалов и охарактеризовала возможные выходы из нее с учетом имеющих место миграционных процессов.

Завершился первый день работы Школы лекцией зав. каф. демографии ВШССН **В. А. Ионцева** на тему «Евразийский путь демографического развития в свете общей теории населения», где основное внимание было уделено рассмотрению евразийского пути демографического развития современной России как реальной альтернативы западной глобально-либеральной модели демографического перехода, по которой наша страна идет уже более 30 лет и которая завела нас в ситуацию перманентного демографического кризиса. Возможен ли выход из такой очень сложной ситуации и может ли в этом помочь демографическая теория? На эти вопросы лектор дал однозначный ответ: да, возможен – при переходе Российской Федерации на евразийский путь демографического развития. Данный путь базируется на национальных традициях, историческом опыте, культурных и демографических ценностях, среди которых здоровые дети, крепкая многодетная семья – главнейшие, уникальном географическом положении государства и многом другом. Однако пока в России отсутствует компетентная демографическая политика, а среди научных специальностей ВАК нет специальности «Демография». Подготовку профессиональных демографов осуществляют всего две кафедры демографии – в Институте демографии имени А. Г. Вишневского Высшей школы экономики (ИДЭМ) и в ВШССН МГУ имени М. В. Ломоносова. В марте 2023 г. на базе ИДИ ФНИСЦ РАН был создан Координационный центр развития кадрового потенциала в области демографии, главной целью которого является формирование и развитие системы подготовки демографов. Но пока грамотных специалистов в данной области остро не хватает и, соответственно, сложно эффективно управлять развитием народонаселения страны.

В последующие два дня Демографическая школа продолжила свою работу в студенческой аудитории под девизом «2024 – Год семьи в России».

Рис. 2. Занятия в студенческой аудитории Школы
Fig. 2. Classes in the student auditorium of the School

Источник: из архива организаторов Школы

С приветственным словом от имени руководства ВШССН к студентам – участникам Демографической школы обратилась зам. дир. ВШССН по учебной работе, канд. экон. наук, доц. каф. демографии **Ю. А. Узкая** (на рис. 2 крайняя слева). Она предложила слушателям Школы принять участие в Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов», которая состоится в апреле 2024 г. в рамках одноименного Международного молодежного научного форума. Участники конференции получают не только опыт представления результатов своих научных исследований, но и могут рассчитывать на обратную связь со стороны ведущих ученых разных областей знания. Также Ю. А. Узкая ознакомила с особенностями поступления на магистерские программы, реализуемые в ВШССН, и пригласила на обучение оканчивающих подготовку по программам бакалавриата. В заключительной части приветствия зам. дир. ВШССН пожелала Демографической школе плодотворной работы.

С лекцией на тему «Демография-2030. Как обеспечить устойчивый рост населения Российской Федерации» перед участниками мероприятия выступил ген. дир. АНО «Институт научно-общественной экспертизы», зам. пред. Комиссии по поддержке семьи, материнства и детства Общественной палаты Российской Федерации (далее по тексту – ОП РФ), пред. Комиссии ОП РФ по демографии, защите семьи, детей и традиционных семейных ценностей, канд. экон. наук **С. И. Рыбальченко**. В своем выступлении лектор сообщил, что в 2023 г. в Общественной палате РФ подготовлен специальный доклад «Демография-2030. Как обеспечить устойчивый рост населения Российской Федерации» и отразил его основные положения, представил анализ текущей демографической ситуации, результаты расчетов прогнозных сценариев демографического развития России на период до 2030 г. и до 2050 г. для обеспечения устойчивого роста населения страны, обоснование стратегии роста рождаемости. Для реализации стратегии в докладе были предложены меры поддержки рождаемости и снижения преждевременной смертности населения в трудоспособном возрасте от употребления алкоголя, табака, внешних причин, ожирения, реализации корпоративных и муниципальных программ укрепления общественного здоровья.

(С электронным вариантом доклада можно ознакомиться [на сайте кафедры демографии ВШССН](#)).

Лекция проф. каф. социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, д-ра социол. наук, проф. **А. Б. Синельникова** была посвящена теме «Российские семьи в зеркале данных последней переписи населения». В ней первым делом отмечалось, что при проведении переписи населения значительная часть переписных листов была заполнена на основании административных источников о регистрации по месту жительства. Поскольку во многих семьях мужа и жены прописаны по разным адресам, а дети – только с одним из родителей, то сведения о структуре семей не всегда соответствуют действительности. Тем не менее их сравнение с другими показателями, рассчитанными по итогам той же переписи, и с результатами предыдущих переписей и социологических исследований позволяет установить, являются ли данные последней переписи преувеличением или преуменьшением по отношению к реальной ситуации и оценить масштабы этих искажений. В презентационных материалах лектор продемонстрировал примеры подобных несоответствий.

Внс Института демографических исследований (ИДИ) ФНИСЦ РАН, внс Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН, доц. каф. демографии ВШССН, канд. экон. наук, доц. **С. Н. Мищук** выступила перед слушателями Школы с лекцией на тему «Изменение демографической политики и института семьи в Китае на современном этапе». В ней лектор рассмотрела этапы трансформации демографической политики страны за период с 2010-х по 2020-е гг. На примере Северо-Восточного региона КНР показала особенности реализации политики на уровне отдельных провинций. С использованием презентаций представила результаты исследования нормативно-правовой базы, анализ эмпирических данных по регулированию абортов в стране, продемонстрировала факты о причинах и характере распространения неофициальных браков среди молодежи.

Рис. 3. На лекции С. Н. Мищук
Fig. 3. At the lecture by S. N. Mishchuk

Источник: из архива организаторов Школы

При этом лектор уточнила, что политика рождаемости в Китае на рубеже XX–XXI вв. претерпела большие изменения. Планирование семьи и ограничение рожда-

емости в течение 30 лет сменились на активную политику поддержки рождаемости. Изменения связаны с расширением направлений поддержки рождаемости через прямую финансовую помощь, а кроме этого, посредством создания более благоприятных условий занятости женщин с детьми, развития инфраструктуры присмотра за детьми, воспитательных и образовательных учреждений. Новые формы поддержки направлены на преодоление материальных причин сокращения рождаемости. Однако важным негативным условием, как это уточнила Мишук, необходимо признать так называемые идеологические факторы. В обществе увеличивается доля населения, придерживающегося мнения о возможности иметь семью без детей, о реализации женщин вне семьи без обязательного рождения детей.

В завершении первого дня работы Демографической школы для студентов участники заседания задавали вопросы лекторам. Много вопросов по направлениям совершенствования демографической политики Российской Федерации поступило С. И. Рыбальченко. Глубокими и аргументированными были ответы проф. А. Б. Синельникова на вопросы аудитории. Обстоятельно ответила на поступившие вопросы С. Н. Мишук, апеллируя к магистрантам из КНР, присутствовавшим в аудитории – соавторам совместно проведенных исследований по изменениям демографической политики и института семьи в Китае.

Второй день работы студенческой Школы начался с новаторской по содержанию лекции проректора по научной работе, информатизации и международному сотрудничеству Северо-Кавказской государственной академии, проф. каф. демографии ВШССН, д-ра физ.-мат. наук **Д. М. Эдиева** на тему «Демография генетического смешения, расширения и языковой ассимиляции». В выступлении проф. была проанализирована сложная динамика генетического смешения и расширения, а также исследована языковая ассимиляция народов с помощью математико-демографического моделирования. Основная цель проведенных исследований – разобраться с «парадоксом» популяционной генетики, в котором аутосомы и аллосомы представляют заметно разные, если не противоречивые, картины прошлых миграций.

Было отмечено, что у карачаево-балкарцев наблюдается до 40% степных аллосом скифского и сарматского происхождения, тогда как в целом их генетика существенно не отличается от остальных горцев Кавказа, демонстрируя, как и у других соседей, лишь 5% генетической примеси от восточных иммигрантов. Такой факт имеет чисто демографическое объяснение, поскольку однополые и двуполые гетерогенные популяционные модели демонстрируют отчетливо различающуюся динамику. Аналогичным образом данные демографические модели можно использовать для моделирования процессов языковой ассимиляции. Под конец выступления было сказано, что три процесса – аллосомная экспансия, аутосомное перемешивание и языковая ассимиляция – происходят со значительно разной скоростью, что и объясняет различные результаты этих процессов после завершения этногенетических переходов.

Лекцию на тему «Цифровая демография: роль больших данных в демографических исследованиях» прочитал руководитель проекта мастерских стратегических исследований и мониторинга градостроительной документации Института Генплана Москвы, ст. преп. каф. демографии ВШССН, канд. социол. наук **А. А. Субботин**. Выступавший представил обзор современных тенденций цифровой демографии, формирующих понимание роли больших данных (big data) в изучении демографических процессов. Рассмотрел вопросы происхождения и применения больших данных в демографических исследованиях. К числу основных направлений в цифровой

демографии лектор отнес рождаемость и семейно-брачные отношения, миграцию (внутреннюю и международную), заболеваемость и смертность, методологические разработки и исследование поведения пользователей сети Интернет. На основе работ ведущих мировых экспертов, таких как Э. Загени, И. Вебер, Ф. Биллари и др., раскрыл практическое применение методов цифровой демографии, включая анализ демографического поведения и вопросов рождаемости с использованием альтернативных больших данных и инновационных методов. В заключение выступления ученый подчеркнул, что использование методов цифровой демографии позволяет делать моментальные статистические «срезы» и получать оценки происходящих демографических событий практически в режиме реального времени.

В качестве почетного гостя для студентов Демографической школы выступил зав. каф. социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, д-р филос. наук, заслуженный проф. МГУ **А. И. Антонов**. В своем выступлении проф. отметил, что в нашей стране отсутствует грамотная демографическая политика. Та, которая проводится сейчас, сводится исключительно к ликвидации материального неблагополучия семей, имеющих детей. Современная демографическая политика разрабатывается и осуществляется непрофессионалами, которые в качестве основы для ее разработки используют некомпетентные научные исследования. Зачастую опросы населения, касающиеся проблем рождаемости и семейной политики, проводятся безграмотно – опрашиваются не семьи, а отдельные респонденты. Причем вопросы для интервьюеров нередко формулируются непрофессионально. В них поведение человека сводится к биологической сущности без учета социально-культурных компонент. В настоящее время в российских школах вводится предмет «Семьеведение», в задачи которого входит подготовка подростков к будущей семейной жизни и рождению детей. А в высших учебных заведениях в учебные планы по всем направлениям подготовки необходимо, как считает ученый, ввести учебную дисциплину «Демография», чтобы ликвидировать демографическую безграмотность в стране.

По мнению лектора, семейная политика в нашей стране должна быть направлена не только на материальное укрепление российских семей, но и на формирование у семей потребности в детях. Особое внимание следует уделять молодым семьям, желающим иметь детей, им должна оказываться жилищная и весомая материальная поддержка за счет поступлений от введения прогрессивного налога на доходы физических лиц. Необходимо увеличение доли многодетных семей, которых в настоящее время насчитывается только 10%. Именно в таких семьях складываются дружеские взаимоотношения, нацеленные на поддержку и взаимовыручку, и в будущем у детей из многодетных семей также формируются установки на многодетность. Братско-сестринские семейные взаимоотношения распространяются и на социальные взаимоотношения в обществе в целом, а по большому счету они оказывают влияние и на взаимоотношения между разными народами.

Почетным гостем на Демографической школе для студентов был и рук. Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН, гнс, д-р социол. наук **В. И. Мукомель**. Выступая, ученый акцентировал внимание на том, что в 90-е гг. прошлого века демографическое образование в России было упразднено. Поэтому в настоящее время основная масса представителей министерств и ведомств, отвечающих за проведение демографической политики, имеет базовое экономическое, юридическое или военное образование. Решение демографических проблем

ими видится за счет возможного повышения показателей рождаемости, однако при этом должного внимания на принятие мер по уменьшению показателей смертности не обращается, проводится безграмотная миграционная политика. Вследствие чего большинство прогнозов численности населения Российской Федерации являются неблагоприятными. Ученый обратил внимание и на существование большой проблемы при проведении научных исследований – на закрытие значительного массива данных демографической статистики.

Под конец работы Демографической школы выступил слушатель **А. П. Сабинов**, депутат Херсонской областной Думы, заместитель председателя Комитета по законодательству, местному самоуправлению и регламенту, единственный участник всех шести Международных зимних демографических школ, проведенных кафедрой демографии ВШССН МГУ имени М. В. Ломоносова в период 2019–2024 гг. Слушатель поблагодарил работников кафедры за организацию такого интересного и важного мероприятия и отметил, что полученные во время учебы знания, возможность общения с ведущими демографами страны, использование презентационных, учебных и иных полезных материалов демографической направленности оказывают значительную помощь в осуществлении профессиональной деятельности на практике.

Рис. 4. Закрытие VI Международной зимней демографической школы для студентов
Fig. 4. Closing of the VI International Winter Demographic School for students

Источник: из архива организаторов Школы

Всего для участия в работе Демографической школы зарегистрировались 449 человек, из них 122 преподавателя и 327 студентов. К работе Школы для преподавателей смогли онлайн подключиться 114 участников и 233 – для участия в Школе для студентов, из-за чего общее количество участников VI Международной зимней демографической школы составило 347 человек. Слушателями Школы стали представители 83 образовательных организаций и 9 научных центров Российской Федерации, некоторых зарубежных стран, а также депутат Херсонской областной Думы. В составе слушателей 46 человек (14%) имели ученую степень, в том числе 35 кандидатов наук, 10 докторов наук, один академик Академии наук Республики Узбекистан.

За три дня в работе Демографической школы приняли участие представители десяти государств – Азербайджана, Белоруссии, Йемена, Казахстана, Китая, Кыргызстана, России, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. В числе слушателей были представители профессорско-преподавательского состава, научные работники и студенты 47 российских регионов – от Калининграда до Владивостока и Петропавловска-Камчатского.

По сравнению с V Международной зимней демографической школой 2023 г. в этом году контингент участников увеличился почти вдвое – со 185 до 347 человек. Кроме того, почти в два раза – с 25 до 47 – выросло число российских регионов, откуда для участия в работе Школы подключились слушатели; с семи до девяти стран расширилась география зарубежных участников.

Материалы VI Международной зимней демографической школы (видеозаписи лекций, презентационные материалы и фотографии размещены [на сайте кафедры демографии ВШССН](#)). Всем участникам Школы, прослушавшим курс лекций, высланы сертификаты за подписью директора ВШССН МГУ, академика РАН Г. В. Осипова.

Организаторам VI Международной зимней демографической школы поступило более двух десятков благодарственных писем от слушателей и пожелания в дальнейшем приглашать их на очередные демографические школы.

Сведения об авторах:

Лебедева Тамара Васильевна, кандидат географических наук, доцент, научный сотрудник, кафедра демографии, Высшая школа современных социальных наук (факультет), Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: shonohova@rambler.ru; ORCID ID: [0000-0002-1817-3685](https://orcid.org/0000-0002-1817-3685); РИНЦ Author ID: [731576](https://elibrary.ru/731576).

Акрамова Александра Робертовна, аспирант, кафедра демографии, Высшая школа современных социальных наук (факультет), Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: akrmv1999@gmail.com; ORCID ID: [0009-0002-1434-9425](https://orcid.org/0009-0002-1434-9425).

Статья поступила в редакцию 05.02.2024; принята в печать 19.03.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

ABOUT THE VI INTERNATIONAL WINTER DEMOGRAPHIC SCHOOL AT LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY

Tamara V. Lebedeva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: shonohova@rambler.ru

Alexandra R. Akramova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: akrmv1999@gmail.com

For citation: Lebedeva, Tamara V. About the VI International Winter Demographic School at Lomonosov Moscow State University / T. V. Lebedeva, A. R. Akramova. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 1. Pp. 181–190. DOI [10.19181/demis.2024.4.1.12](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.12).

Bio notes:

Tamara V. Lebedeva, Candidate of Geographical Sciences, Docent, Researcher, Department for Demography, Graduate School of Contemporary Social Sciences (faculty), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: shonohova@rambler.ru; ORCID ID: [0000-0002-1817-3685](https://orcid.org/0000-0002-1817-3685); RSCI Author ID: [731576](https://elibrary.ru/731576).

Alexandra R. Akramova, Postgraduate Student, Department of Demography, Higher School of Modern Social Sciences (faculty), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: akrmv1999@gmail.com; ORCID ID: [0009-0002-1434-9425](https://orcid.org/0009-0002-1434-9425).

Received on 05.02.2024; accepted for publication on 19.03.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

ДЕМИС. Демографические исследования.
DEMIS. Demographic Research.

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 83138 от 26.04.2022 г.

Учредитель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Издатель – Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Адрес: 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1

Главный редактор: Сергей Васильевич Рязанцев

Заместитель главного редактора: Евгения Михайловна Моисеева

Ответственный секретарь: Никита Григорьевич Кузнецов

Редактор-корректор: Елена Адольфовна Лукашенко

Компьютерная верстка: Николай Юрьевич Бруевич

Журнал «ДЕМИС. Демографические исследования» включен в базу РИНЦ,
перечень ВАК (категория K2)

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает
точку зрения редакции.

При перепечатке материалов ссылка на журнал
«ДЕМИС. Демографические исследования» обязательна.

2024. Том 4, № 1. Дата выхода в свет 29.03.2024.

Адрес редакции: 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1
Тел.: +7 495 822 28 82. E-mail: demis-journal@mail.ru
Размещение журнала: <https://www.demis-journal.ru>